

НИКА

РЕАЛЬНО, КАК ВО СНЕ

ЮЛИЯ ФОМИНА

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
ИЛИ РЕАЛЬНАЯ ФАНТАСТИКА?

Юлия Александровна Фомина

Ника. Реально, как во сне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69176776

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-91555-8

Аннотация

Тетралогия. Главная героиня Ника обладает необычными способностями: цветным слухом и тактильным восприятием звуков и запахов. Душевное потрясение дает резкий толчок развитию ее способностей, и она начинает слышать мысли окружающих. Необычные люди рано или поздно оказываются в поле зрения спецслужб. Ника попадает в эпицентр невероятного развития событий. На пути самосовершенствования ей встречаются необычные и даже великие люди, сильные мира сего. Остается только обуздать и подчинить свои способности. Ника ищет и находит места силы, попадает в места слабости. Она познает грани мира, суть и смысл бытия. Перед ней распахиваются двери в иные точки пространства и времени, открыты миры и предмирия, души и сердца. Порой нелегко понять, где сон, а где явь. Различить, затуманен ли разум химией, гипнозом или нанотехнологиями. Понять, двигаться ли вперед, или вернуться назад. Ведь иногда все реально, как во сне!

Содержание

Книга I. Реально, как во сне	4
Предисловие	4
I. Встреча	7
II. Смутные сомнения	24
III. Эйфория всемогущества	51
IV. Понимание – это хорошо или плохо?	64
V. Красота требует	79
VI. День, когда все изменилось	89
VII. У человека всегда есть выбор	99
VIII. Третья сторона медали	114
IX. Дом	140
X. Как вернуть прежнюю жизнь	147
XI. Первое задание	154
XII. Побег	179
XIII. Господин Президент	201
XIV. Зачем в раю деньги?	214
XV. Старый знакомый	228
XVI. Что после истины?	234
Конец ознакомительного фрагмента.	248

Юлия Фомина

Ника. Реально, как во сне

Книга I. Реально, как во сне

Предисловие

Дорогой мой читатель! Эта книга не о любви. Скорее, совсем наоборот, о жизни, когда для любви в ней нет места. Вы спросите: «Но как же без нее? Ведь любовь может быть началом чего угодно. Истории. Жизни. Всего!». И будете совершенно правы.

Поэтому, про любовь я напишу только в предисловии. А потом обойдемся без нее. Ну... по крайней мере, я постараюсь обойтись. И, конечно же, все события и персонажи вымышлены, любые совпадения случайны. Даже если Вы узнаете себя – это совсем другая история!

И так...

Любовь – это такое щемящее всепоглощающее чувство. Реальный мир отодвигается на какой-то далекий задний план и, кажется, что-то шепчет, когда в действительности пытается до тебя докричаться. Совершенно иначе начинаешь смотреть на все происходящие в твоей жизни события.

Чтобы понять, что же это такое, нужно, наверное, испытать на собственной шкуре, когда тебе совершенно по щелячке хочется получить его ответный теплый взгляд, как самую настоящую награду – и тогда раствориться в нем всей, без остатка. Раствориться в любимом человеке до последней капли, забыв собственную суть. Отдать себя всю, до последнего вздоха, выжать насухо – до последней капли, сделать все что угодно, о чем никогда бы не подумала! Все, что угодно лишь для того, чтобы он продолжал ВОТ ТАК на тебя смотреть! А если взгляд тобою так и не был получен... Ну тогда, скорее всего до следующей встречи ты будешь чернее тучи слоняться из угла в угол – что же в тебе не так? Постарела? Растолстела? Прическа растрепана? Одета безвкусно или косметики многовато? Снять все побрякушки? Или что еще?!

Этакое временное умопомрачение, дающее огромную встряску всей твоей серой обыденности, ставящее с ног на голову все твои приоритеты, причиняющее огромные неудобства твоим окружающим, да и тебе самой. Мир переворачивается вверх дном и наступает хаос. Однако почему-то тебя во всем этом совершенно не пугает то, что этот самый хаос буквально крушит и ломает стены твоего привычного уютного мирка, вторгаясь в него, не уместаясь в нем, выплескиваясь через край, налетая внезапно, как ураган, самым безжалостным образом путая все, что было до того упорядочено... Это огромное чувство... Прекрасное? Да! Без-

условно! Но в тоже время, такое грозное и неумолимое – в случае неудачи, если вдруг что-то пойдет не так...

Такое умопомрачение, несомненно, очень нужно пережить хотя бы раз в жизни. И, если оно оказалось безответно по любым причинам, то это очень больно. Настолько больно, что сложно представить такую боль, даже если крепко зажмуришься.

Такие перемены у женщин видны невооруженным взглядом: они делают что-то символичное, например, кардинально меняют прическу, манеру одеваться, поведение. Их потом надолго «выключает» – они либо с головой уходят в работу, либо находят утешение в каком-то увлечении. Ездят по миру так, будто убегают от самих себя.

Бывает и такое. У многих. Почти у всех. И все это непременно нужно пройти, как проходят дети в школе букву «А». А потом, после бури, нужно все начать с чистого листа и просто продолжать жить лишь по тому, что жизнь продолжается. Ибо, как сказал мудрый царь Соломон: «Все проходит. И это тоже пройдет!».

Эта книга посвящается моей самой большой любви и боли.

I. Встреча

Когда с утра готовишься к важной встрече, косметика ложится совсем не аккуратно, как ты не старайся. От этого начинаешь еще больше нервничать и торопиться.

Со сна было как-то муторно. Все не выходила из головы та оборванная цыганка, приставшая наемдни возле гипермаркета на автостоянке. Она была, наверное, немолода, и, как и все встречающиеся обычно цыгане – невнятно-пестрая, хоть и изрядно полинявшая... Смотрела и смотрела, не мигая, своими глубоко сидящими черными мутными какими-то глазами и без устали, как заведенная твердила что-то про завистливую подругу, которая удачу у меня уводит, про вторую – которая ненавидит тем, что не получается у нее так же все хорошо да ладно... Какие-то совершенно безумные своими средневековыми суевериями наставления о том, что «нельзя никому из дому соль давать, а вечером в особенности», а также, совершенно непонятно почему, не советовала мыть голову именно по пятницам...

Голову по пятницам она после той встречи действительно мыть перестала. На всякий случай. А соль у нее вроде бы вообще никогда никто и не просил.

«...А, вообще, все эти суеверия просто не для меня. Это же просто стереотипы! Подруги если есть – значит, обязательно они тебе завидуют. Даже неважно, что завидо-

вать, скорее всего, нечему, особенно если ты – мать-одиночка, впахивающая за четверых... Или вот еще, если вечером отдать какую-то вещь – счастье свое отдать, или удачу денежную... Хорошо, хоть про несчастных черных кошек не наплела... Тьфу-тьфу-тьфу!», – обрывочно как-то, будто оправдываясь рассуждала она про себя.

Все. Нужно скорее выбросить из головы попрошайку.

Тут как-то все навалилось, наверное. Пережив не так давно, как ей казалось – в зрелом достаточно возрасте, безответные любовные переживания от начала и до конца, со всеми вытекающими, Нике удалось не сломаться и почти не впасть в депрессию... Сложное это дело. Из серии «миссия не выполняема» скорее...

Но, как и все в этой жизни, произошедшему, наверное, суждено было так случиться. Возможно, чтобы закалить человека, как закаляется в яром огне стальной клинок перед тем, как ему будет уготовано участвовать в бою. Чтобы потом, пройдя этот болезненный весьма урок, человек уже никогда не сомневался и не поддавался на самые искусные провокации. Обрел такую броню.

Наверное, этой самой броней человек обрастает уже в детстве, начиная с жестокого детского коллектива.

Кого из нас, собственно, не дразнили в школе, как-то особо обидно искажая даже самую несклоняемую, казалось бы, фамилию? И вот они – первые чешуйки брони. А жизнь все расставляет по своим местам, давая новые уроки. Так, через

боль, обиды и унижения человек познает других людей, таких же в общем-то, как и людям приходится познавать его самого. И одновременно с познанием к нему приходит понимание того, как от них защититься.

Это как дорога к буддийскому храму. Нужно пройти длинную череду ступенек, чтобы постепенно быть готовым достичь цели.

К примеру, должен современный человек убедиться, что отжившие свое сайты знакомств, где, сидя в уютном кресле лениво перебираются анкеты симпатичных и не очень кандидатов, которые все равно в результате разочаруют, и можно будет смело ставить крест на так и не сложившуюся личную жизнь... Хотя... Наверняка многим в 30 с небольшим лет кажется, что предел, когда чего-либо можно достигнуть пройден, как пройдена самолетом точка невозврата. И остается только пожинать плоды – уж что насеяла, то и пожинай, дорогуша... И ничем тебя уже не удивишь, ты все уже знаешь. Жизнь налажена – лучше или хуже, но ты уже идешь по найденной колее и сворачивать из нее не хочется, да и наверняка – некуда. Так что, цыганками линялыми с их давно уже навязшим на зубах «цыганским гипнозом» – нас уж точно не удивить.

Ника и сама кое-что умела. Еще в детстве ей каким-то

необъяснимым образом удавалось унимать чужую боль с помощью эфемерных таких серых точек, которые она видела весьма явственно на поверхности кожи страдавшего от боли. Со временем прикосновения перестали быть нужны, серые точки выцвели и полиняли, и она с помощью неких образов внутри ее сознания могла, как бы купировать острые болевые ощущения, хотя полностью унять страдания у нее почему-то так никогда и не получалось.

Ника всегда видела цветные сны. Вообще мир вокруг нее всегда был ярким и цветным. Боль представлялась в ее воображении, как синевато-фиолетовый, терпкий и шершавый на вкус, шуршащий, будто детский надувной шар, из которого постоянно вытекала, не кончаясь сиренево-синеватая же субстанция. Найдя внутренним взором этот образ над страдальцем, можно было белой эфемерной же лентой у основания этот шар перекрыть, перевязать. И тогда боль просто отмирала, как если бы такое проделали с ненужным полипом на коже. И не важно, как она сама или тот, кому она унимала страдания, к этим ее действиям относились. Как угодно, скептически можно было относиться, но боль все равно унималась почти полностью в считанные минуты.

Ника, будучи по природе своей достаточно твердолобой «Фомой неверующей», долго не могла смириться с тем, как именно то, что происходит внутри ее сознания, нечто весьма иллюзорное и никак научно не объяснимое – в реальности помогает унять симптомы недомогания. Так и не постигнув

тайн своего умения, со временем Ника просто смирилась. Помогает – и ладно. Неважно же, по сути, как именно работает лампочка, главное – светло.

Когда у нее появилась долгожданная обожаемая ею дочурка Ниночка, то у Ники получалось унять боль и жар малышки не хуже хваленого «Нурофена». Она не знала в точности что ей нужно делать и просто прижимала болеющее дитя к себе крепко.

А еще Ника чувствовала ложь. Она не просто знала, что человек лжет, она чувствовала эту ложь, переживая не меньше лгущего. Ей достаточно было даже просто посмотреть в глаза лгуну – зрачки его расширились и как бы переставали отдавать свет. Глаза буквально становились матовыми. Даже если лгун находился к Нике спиной, у его голоса появлялась какая-то шершавая надтреснутость, и терпкий вкус.

Ника, только будучи взрослой, поняла, что ее окружающие не воспринимают звуки и образы всеми органами чувств так же, как она сама. Наверное, ее даже несколько обескуражил тот факт, что совсем немногие знают, что музыка – цветная, а колокольный звон напоминает на вкус малиновый леденец.

Узнала о том, что все остальные люди довольствуются довольно скромной гаммой чувств она весьма банально – из передачи по телевизору. Передачу она смотрела не с самого начала, слушая ее вполуха. Ее заинтересовало повествование о людях с необычными способностями – писателях,

философах. Рассказывали о некоей присутствовавшей у них «синестезии» – редком неврологическом состоянии, при котором органы чувств перемешиваются и начинают чувствовать за других¹.

Она слушала и кивала, удивляясь даже, что некоторым людям такая «чрезмерная» восприимчивость была обузой, т. к. чувства были настолько сильны и ими не управляемы, что отвлекали их от обыденности. Нике было лестно, что такие проявления чувственности встречаются у великих и талантливых. Но потом вдруг прозвучало довольно неприятное слово «шизофрения». Неожиданно как-то прозвучало. Оказалось, что о проявлениях восприятия такого рода рассказывали довольно сухо, как о симптомах болезни. Нике такое восприятие ничуть не мешало в жизни, подобные явления были для нее чем-то вполне обыденным и совершенно

¹ Буквально «синестезия» означает «соединенное ощущение» (от греч. «syn» – вместе и «aesthesia» – ощущение), но обычно в науке встречается словосочетание «межчувственная связь». Как известно специалистам, сам термин "синестезия" часто трактуют как синонимичный термину "цветной слух". В теории искусства и психологии, до сих пор даже в энциклопедиях и диссертациях не было и нет единообразия и в определении границ этого понятия и, соответственно, в его дефинициях. "Синестезией называют, прежде всего: а) межчувственные связи в психике. Но, кроме того, синестезией называют и результаты их проявлений в конкретных областях искусства: б) поэтические тропы и стилистические фигуры, связанные с межчувственными переносами; в) цветовые и пространственные образы, вызываемые музыкой; и даже г) взаимодействия между искусствами (зрительными и слуховыми)". Например, у Владимира Набокова и его матери были графемо-цветовые синестезии, когда каждая буква имела оттенок или текстуру, связанную с ней.

привычным. Лишись она своего цветного слуха или образов эмоциональных проявления – она чувствовала бы, что утратила будто бы часть своего тела, часть себя, стала бы буквально инвалидом. Как бы если вдруг стала слепа и глуха одновременно...

Цветной, полный вкусов мир был привычным настолько, что Ника и не обращала внимания на все эти вкусы, цвета и образы, пока не сталкивалась, например, с чем-либо для нее настолько неприятным, что спину сковывало, как от озноба, например, если кто-то проведет громко ногтями по ткани, или наоборот, настолько приятным и сладостным... Например, если удавалось добиться чего-то такого, что добиться было весьма непросто – до полного чувственного оргазма. Все чувственные проявления переживались Никой многомерно, скорее усиливая и дополняя обычные для человеческого восприятия ощущения.

Дослушав в молчаливой задумчивости передачу, Ника решила, что не стоит ни с кем делиться слишком своими эмоциями и ощущениями. Благо, она и не делилась никогда – просто по тому, что считала, что все окружающие переживают свои ощущения в точности так же, как и она сама. Да и вообще, в ее семье не было принято слишком открыто выражать свои эмоции. Это считалось весьма непристойным.

Будучи человеком в известной мере чувствительным, Ника, как бы влезая в шкуру собеседника, могла понять гамму чувств им переживаемых.

Своими способностями, или как она считала – особенностями, если она и делилась, то весьма неохотно, скупо, скорее намеками, только в случае крайней на то необходимости и с очень близкими и дорогими ей людьми. Точнее с теми, которые знали ее слишком хорошо, чтобы огульно счесть сумасшедшей.

Хотя... И в них она тоже чувствовала ложь. Близкие, скорее всего, и не догадывались о такой ее способности. А Ника, будучи человеком сочувствующим – в прямом смысле этого слова, попросту не рассказывала своим им о своих догадках, т. к. у любого человека, даже самого маленького человечка имелось право на личное пространство, нарушать которое недозволительно, в особенности, имея такие... ммм... преимущества. Да, можно назвать это и так.

Так вот, та цыганка... Никак не идет из головы... Она не врала! Точно не врала. Похоже было, что она пребывала в некоем трансе... С застывшим взглядом, глядя прямо перед собой, говорила она таким глубоким быстрым голосом... Да так, что не слушать ее было попросту невозможно. Говорила и говорила, не смотря даже на то, что Ника попыталась строго оборвать побирушку до того еще, как та вообще начала приставать с явными вполне намерениями. Обычно Ника предпочитала сторониться подобной категорией незнакомок, уйти и не связываться, поскольку весьма была наслышана и о цыганском гипнозе, и о неизбежных последствиях таких встреч. К сожалению, уйти уже возможности не бы-

ло – Ника грузила в бездонный почти багажник своего авто объемные весьма сумки снеди, только что приобретенной в гипермаркете. Нелюбовь к совершению покупок и весьма напряженный деловой график делали визиты в продуктовый магазин еще одной деловой поездкой, в которой все проходило так же упорядоченно, как и остальное в ее жизни – скупю, по списку, по кратчайшей траектории, в кратчайшие же сроки. В Нике с первого взгляда можно было угадать человека жесткого, сильного и целеустремленного, надеявшегося в этой жизни только на себя. Вот только стоило посмотреть, как она загружала снедь: Ника пользовалась для заполнения сумок специальным выступом на верхнем крае тележки, расположенным в аккурат напротив середины ручки, на откидной части – куда удобно положить объемную от бумаг дамскую сумочку в магазине. Если сложить эту часть, то напротив ручки окажется выпирающая часть, размером с большой палец. Ника цепляла на нее одну из ручек сумки, вторую же держала свободной рукой. Тяжесть нагруженной тележки не давала сумке опрокинуться, тем самым, помогая наполнять сумки покупками. Признайтесь, Вы ведь никогда не обращали внимание на неровность тележек в этом месте? Наверняка подавляющее большинство людей попросту не замечают этого незаменимого приспособления. Или у них просто есть кому держать вторую ручку сумки.

Нике показалось, что цыганка говорила долго, целую вечность. Считая себя человеком совершенно не гипнабельным,

Ника все же поневоле заслушалась и воображение ее тут же выдернуло из болтовни цыганки двух завистливых подруг... Ассоциации... Да в общем-то можно было бы выдернуть и двадцать двух таких, при желании. Успех вполне закономерен порождает зависть. А Ника была успешна. Весьма успешна! Да и подруг-то, в общем и целом, не имела.

В список Никиных принципов входил принцип отрицания подачи милостыни нищим. Даже некая боязнь. Боязнь заразиться, что ли их нищетой. Как будто, если дать попрошайке копеечку – через нее уйдет с таким трудом все Никой достигнутое.

Достигнуто все действительно было с огромным трудом. Трудные 90-е прошли по всей стране огромной машиной, калечащей и перемальвающей мельничными жерновами жизни и судьбы, как хребты несчастных, угодивших под гусеницы танка. Те, кого машине переломить не удалось, она ставила на колени. Человек с высшим образованием мыл туалеты у тупого разбогатевшего внезапно быдла. Дети этих людей либо карабкались изо всех сил, в полной мере ощущая на себе дыхание той эпохи, либо шли по кратчайшему из легких, но недолгих путей с плохим концом. Ника смогла. У нее все получилось...

Назойливая же эта цыганка! Ника сначала отмахивалась от нее, говоря, мол – денег нет, вот, продукты купила на все что было, незамысловато демонстрируя «пустой» кошелек – купюры в котором были сложены в другой отсек.

– Хотите, могу Вашим детям продукты дать? Пачку молока может? – цыганка отмахнулась от нее, как от мухи, все еще бубня про подругу, которую в шею нужно гнать. И вторую тоже. Уже по третьему кругу пошла их костерить, похоже.

Нике было не по себе. Ей не нравилась ситуация, в которой она становилась заложницей. Нужно еще половину снеди упаковать в сумки, погрузить их в багажник, и отогнать свою тележку поближе к грузному таджику, ловко управляющему целой вереницей таких же телег с магазинными логотипами на пластиковых ручках. Она грустно посмотрела таджику вслед, как если бы он мог своим караваном тележек отодвинуть так некстати приставшую попрошайку.

– Врете вы все! – не выдержала наконец Ника. – Не нужно мне ваших историй. Не верю!

«Станиславский, блин» – усмехнулась она про себя.

– Нееееет, не вру я, – усмехнулась внезапно цыганка ей в тон, – ой как не вру!

И тут, цыганка вперилась Нике прямо в глаза, как-то по-особенному сощурившись:

– Ты же сама видишь, совсем я не вру. Ты же... Ты же все видишь?

Она и вправду не врала, отметила про себя Ника, как-то на полном автомате. Холодок неприятного предчувствия скользнул по спине под ремень джинсов.

– Мне от вас ничего не надо! – раздосадовано как-то, ско-

рее на себя, взорвалась Ника.

– Не надо говоришь? Посмотрим... Может после нашей встречи что-то изменится? А может, даже лучше видеть начнешь? – недобро глядя на Нику каким-то внезапно искажившимся, и как ей показалось, чуть не дьявольским выражением лица.

Отшатнувшись, Ника нервно отвернулась к багажнику машины, только бы не видеть ее черных пронзительных глаз. Они единственные были живыми в ее образе. Повернувшись к цыганке, Ника ошарашенно поняла, что цыганку будто бы подменили. Она уже ничего Нике не пророчила. Лицо ее вновь выражало смирение, но глаза вдруг поблекшие и матовые плотоядно обшаривали Нику. Она как-то совершенно обыденно вдруг стала клянчить «хоть десять рублей для ребеночка», «на смесь молочную, или вещи носильные, или может, что самой нужно такой красивой девушке купить? То, что так просто не достанешь – так она достанет... что нужно?»

К счастью, снедь уже перекечевала в баулы, а баулы, спешно расталкивая товарок, угнездились в багажнике.

Ника, с облегчением хлопнув крышкой багажника, чуть не бегом отогнала тележку и кружным путем вернулась к машине. Цыганки, впрочем, уже и след простыл.

И, вроде, ничего особенного эта встреча не принесла, но какой-то осадок остался.

Косметику Ника поборолла. На ходу допивая кофе, она

чмокнула маму сладкими кофейными губами, оставив в ее руках недопитую чашку. От мамы пахло мамой. И желтой пожухшей усталостью. Болеет и молчит, терпит. Надо заняться ее ногами, пока не запустили вконец.

Запрыгнула в лифт – встреча через полтора часа. Нужно успеть добраться до Москвы, пересесть на метро для скорости, доехать с пересадками до синей линии, станции Арбатской и желательно не иметь при этом помятого вида – встреча же.

Ника работала переводчицей с популярного ныне китайского. После подписания выгодных для России договоров, границы между Китаем и Россией гостеприимно открылись, буквально настезь, и Москва теперь просто кишела деловыми раскосыми людьми в пиджаках и, почему-то, в кедах. Этих самых раскосых бизнесменов было столько, что создавалось впечатление, что Великая Китайская стена и была-то создана только для того, чтобы народ не вываливался из Китая. А теперь ее прорвало.

Имея неплохо развитую интуицию и определенные чувственные преимущества, Ника в умопомрачающе короткие сроки, поражая преподавателей, освоила китайский. Он ей казался очень похожим на русский язык. Она даже не жалела о том, что английский, когда-то, в свое время, у нее выучить не получилось.

Частенько в жизни Ники бывали ситуации, когда она «попадала в струю». Ника не разбогатела, конечно, безумно, но

была вполне самостоятельной и самодостаточной. Она легко вела деловые переговоры, и, будучи привлеченным представителем уже не одного десятка фирм и частных предпринимателей, работала в общем-то сама на себя.

График, конечно же, был плотным, что удручало, поскольку все меньше времени оставалось для общения с дочерью. Но Ника утешала себя тем, что после третьей волны кризиса, прозванного СМИ «Мировым Великим», она вполне неплохо смогла удержаться на плаву, как минимум, не ущемляя себя в быту.

Господин Сун Ли оказался пунктуальным сухопарым пожилым человеком, по всей видимости чисто плотным до педантичности. Явный маникюр на безупречно ухоженных руках выдавал его, как небедного себялюбца. От него слабо пахло пряным и горьким. Черный перец горошком. Знакомый вкус и запах – по всей видимости, он недавно овдовел.

Он традиционно по-восточному поклонился Нике в приветствии и тут же светски, весьма по-европейски, пожал Никиному сегодняшнему работодателю руку.

Андрей – статный, знающий себе цену, с горделивой осанкой, выдававший военную выправку, был средних лет москвичом. Сверкая белозубой улыбкой, он предложил продолжить беседу в ближайшем уютном кафе в стиле французского Прованса.

Ника заметила, что после приветственного рукопожатия с Андреем господин Ли, ничуть не стесняясь продезинфици-

цировал специальным раствором руки. И при этом от него так и пахло чем-то желтым, кислым, плоским, душным и неприятным.

«*Брезгливый сукин сын*» – подумала Ника. Придется терпеть.

Встреча прошла буднично. Почти не торговались. Обе стороны были заинтересованы в будущем партнерстве. Диалог проходил бойко и вполне сносно.

Господин Ли предпочел, чтобы его не провожали и не расплатившись за свой чуть тронутый чай удалился, поклонившись каждому из нас в отдельности. Без рукопожатий на этот раз.

Засиживаться не хотелось, дома было полно дел, да и дочка капризно ждала маму со своими нескончаемыми домашними заданиями.

Ника вежливо улыбнулась Андрею, уже готовая попроситься и ускользнуть:

– Ну что же, сегодня все прошло, по-моему, весьма удачно. Поздравляю, что же нам еще большего желать от встречи? – улыбаясь, подытожила Ника.

«*Трахнуть бы тебя еще для полного счастья, раз уж все так удачно складывается!*» – глаза Андрея сияли.

Реакция ошарашенной Ники была мгновенной, на полном автомате: Андрей тут же получил, совершенно выпучив глаза, пощечину.

Ника запоздало подумала... Ей, наверное, показалось...

Да нет же! Она готова была поклясться, что он и рта не раскрывал!

II. Смутные сомнения

«Я, наверное, больна. Схожу с ума. И вообще, что такое на меня нашло?!» – никак не унимаясь, гнала машину Ника.

«Я представляю, что он вообще обо мне подумал, когда почувствовал, какой у меня удар... поставленный!» – усме- халась она.

Постепенно успокаиваясь, Ника пришла к выводу, что ви- димо прочла по его глазам какой-то сальный намек, и сама же перевела в слова его этот взгляд. Да еще и наверняка она неосознанно уловила пряный коричный и коричневый же за- пах мужской похоти.

Ну что же, бывает. В общем и целом – сама виновата. На деловую встречу нужно одеваться скромнее, и косметикой видимо не нужно увлекаться. В Европе вообще все давно краситься перестали. А то всех партнеров распугаю своей реакцией. В конце-то концов, обычный же мужской взгляд. Котируюсь еще. Нормально. Действительно – нашло что-то. Но – поделом... Пялиться не будет. Хорошо – хоть взяла оплату перед встречей.

Так, увлеченная своими мыслями, Ника добралась до до- ма.

На лавочке сидела стайка «божьих одуванчиков» – в по- мощь всем местным следственным органам.

– Добрый день! – как можно благожелательнее поздоро-

валась Ника, с самой очаровательной улыбкой.

– Добрый день, добрый! – поздоровалась одна за всех старушка, остальные согласно закивали.

Ника кивнула бабушкам и направилась к двери подъезда.

«От любовника, наверно. Небось, всю ночь по ночным клубам шастала, шалава!»

Ника остановилась, как вкопанная. У нее глаза полезли на лоб. Что ж за день такой сегодня? Развернувшись всем корпусом к вопросившей бессовестной бабке, она, мямля, переспросила:

– Что-что, баб Зина?

Баба Зина невинно захлопала глазами:

– А ничто, милая, я вроде тебе ничего и не говорила, только поздоровалась, – остальные «одуванчики» согласно закивали платками на головах.

– Пьяная штоль? – донеслось откуда-то справа.

Нина, ошалело смотрела на соседку, сидевшую справа от бабы Зины.

«Голову готова дать на отсечение – что старушка не открывала рта! Точно схожу с ума! Вот до чего предрассудки доводят» – подумала Ника.

Пробормотав что-то невразумительное старым сплетницам, она юркнула в подъезд и взлетела на шесть ступенек к успокаивающему жужжанию лифта.

«...Домой, набрать горячую ванну, чтобы пар застлал зеркало. Закрывается потом в спальне и хорошенько вы-

спаться. И все пройдет. И никаких уроков сегодня. Пусть сама старается».

Мама уже углядела в окно, припаркованный Никин автомобиль, уткнувшийся в подножье старой ивы перед подъездом и тут же хлопотала накрыть на стол. Пахло блинами.

– Устала? – спросила мама.

– Да... Что-то... Мне похоже нездоровится.

– Погода может, – предположила мама.

– Мааааама, – с визгом влетела Ниночка в объятия матери, – вернулась!

Как будто Ника не на несколько часов отлучалась, а пребывала в годичной командировке.

Выполнив дочерний долг – «обнимашки-целовашки», Ниночка ускакала обратно в свою комнату и уткнулась в экран ноутбука досматривать очередную серию бесконечно-го модного детского сериала.

– Поешь и отдохай, – предложила заботливо мама.

Есть особо не хотелось. Ника все силилась понять, что же с ней сегодня творится. Сначала вlepила плюху работодателю. Потом кособоко как-то расслышала видимо обычные соседские приветствия. Что-то примерещилось? Несколько раз подряд? Но как-то уж очень явственно, думала она, жуя блин со сладкой сметаной.

– Переутомилась, еще бы – работа на износ, – хлопотала вокруг нее заботливая мама, окутывая стол пряными запахами чего-то мясного.

– Ты преувеличиваешь, работа – как работа, вроде не переутомилась, – на автомате, как обычно, ответила Ника.

Мама странно посмотрела на Нику.

– Никуша, что?

– А? – Ника поняла, что что-то опять не так, но отмахнулась от мысли. – Да даже не знаю, как сказать, – Ника все так же смотрела вникуда.

Потом перевела растерянный взор на мать. Но в последний момент поняла, что, если она сейчас попытается с ней поделиться, рассказ ее получится скомканным и совсем не убедительным. Хотя, в общем-то убеждать сейчас в принципе никого ни в чем и не требовалось.

– Все в порядке, мам, – соврала Ника, просто чтобы успокоить мать. Мамины глаза сделались матовыми.

– Ну и ладно, – отвела глаза мама.

«Врет», – подумала Ника. Но не страшно, мы просто любим и не хотим расстраивать друг друга.

– Ну и ладно, – в тон маме сказала Ника, развернулась и твердым шагом направилась в ванну. Нужно сегодня выспаться, чтобы понимать, что происходит. Мама, наверное, права, говоря про переутомление. Умственная деятельность вкупе с постоянными разъездами. И слишком большой объем информации.

Нужно отвлечься, чтобы уснуть.

Горячий пар застлал зеркало. Сладко дымила ароматическая палочка. Обжигающая вода обняла Нику, чтобы смыть

без остатка сегодняшний день.

Ника погрузилась в соленую розовую воду целиком, оставив только нос над водой. Стало так тихо, что самым громкими звуками были удары ее сердца.

И она вдруг с тоской вспомнила о Нем. О том, которого любила однажды. А может и прямо сейчас тоже. Сложно сказать, все кончилось, так-толком и не начавшись.

Она вспоминала вкус его губ, его запах, засыпая. Ей часто снились его поцелуи. Они были очень оранжевыми, хотя возможно и отдавали неким намеком на красный – цвет любви. Или ей хотелось найти хотя бы одну алую искорку – цвет там, где его никогда не было. А может и был, но так мало, что он сам этого даже и не замечал. А поцелуи... Они были такими же, как всегда, когда они ей снились еще до того, как она почувствовала их, до того, когда все случилось... Все было реально, совсем как во сне.

Ника тяжело выбралась, укутавшись в пушистый халат добралась до постели и так и уснула, с мокрой головой.

Утро Нику так и не встретило. Не дождалось. За окном шумел день. Хотя, дома, за закрытыми пластиковыми окнами было очень тихо, только тикали часы и мурлыкал холодильник.

Посмотрев на часы, Ника поняла, что мама уже отправилась встречать Ниночку из школы.

Сегодня у Ники выдался свободный денек, что было редкостью в ее графике. Лениво повалившись еще немного под

одеялом, Ника выползла умываться и варить кофе.

Сегодня был другой, чем вчера день и представлялось все совсем по-другому. Она теперь ясно и четко могла вспомнить все, что произошло вчера. Вроде бы ничего необычного – с одной стороны. Но с другой... Неужели ей стало мерещиться что люди говорят, когда те на самом деле молчат? Может ее разум над нею решил подшутить? Он додумывает что бы сказали ей люди в той ситуации? Бред, конечно, полный. Действительно, без отпусков работать совершенно нельзя. Права мама.

Ника в очередной раз пообещала себе неделю отдыха, причем – в Питере. Хоть раз в жизни-то она должна хоть одним глазком?..

На этом она решила покончить с переживаниями, все равно более понять ничего не представлялось возможным. И кофе – ароматный и бодрящий, звал.

Подсев с полулитровой кружкой любимого ею утреннего переслащенного кофе, изрядно разбавленного топленым молоком к компьютеру, она не успела толком загрузить сводки новостей и социальные сети, как вдруг требовательно заверещал skype.

Наскоро пригладив волосы и накинув на ночнушку халатик, она позволила лицезреть себя, запоздало заметив в маленьком окошке последствия сна с мокрой головой. Ну, поздняк метаться. Да и пусть. Кто там? Конечно же Андрей. Встревоженный. Обиженный до сих пор, явно. Неудобно ко-

нечно... Поздоровались.

– Хорошо, что ты на связи. У меня тут есть еще работа для тебя. Срочная. Нужно еще раз встретиться с господином Суном Ли. У нас возникли непредвиденные обстоятельства... Давай встретимся там же, в то же время, что и вчера, минут на десять пораньше – обсудим детали перед встречей.

Ника утвердительно кивнула и прервала связь. Похоже, выходной отменяется – подумала она, задумчиво отхлебывая густой ароматный напиток. Надо сгущенки в следующий раз добавить. И не размешивать – потом съесть со дна.

Ника собралась быстро. Оставив записку на обеденном столе, умчалась.

Подъездных бабушек на посту не оказалось. Ника мысленно порадовалась этому обстоятельству, выводя бережно свой выдавший виды вечно пыльный автомобиль с парковки. Сон ушел безвозвратно, однако настроившийся на отдых организм категорически отказывался активно включаться в деловую Никину жизнь.

Выезжая на шоссе, Нику остановил сотрудник ДПС.

– Лейтенант Иванов, ...мнадцатая рота, мнадцатой части. Ваши документы? – невнятной скороговоркой оттараторил должное по уставу ДПСник. Он имел низкий лоб и настолько широкое лицо, что голова его в форменном головном уборе напоминала скорее эллипс.

Ника потянулась за документами. И, уже передавая яркий кожаный футляр, запоздало вспомнила то, что мучительно

ей никак не вспоминалось в ближайшие пару дней. Страховка! 20-е же число! А она до 19-го. Ого! Вот! попала! Это ж штраф... Ника не любила штрафы и старалась соблюдать правила, из-за чего «писем счастья» не получала, чем даже гордилась.

У эллипсоголового, не замедлившего найти Никин промах, маслянно увлажнились глаза от предвкушения удачного улова. От него прямо-таки пахнуло радостью. Нехорошей такой... Напоминала она по запаху лук, который припустили слегка в нерафинированном подсолнечном масле и дали немного подстыть. Душный запах такой, цвета сизого дыма – запах нечестной наживы.

Бегло оглядывая салон, состояние машины и прикидывая мысленно на вес кошелек ее владелицы, он моментально скалькулировал, перебирая вяло Никины документы:

«Если она не разбирается, попробую развести. Пятьдесят тысяч. Хотя... Эх, с Петровичем делиться надо, и старшему за прошлую неделю еще не всю отдал, но десяточка-то любому прилипнет! Да... Но я же еще венерологу до сих пор должен тридцатку – остаток... Хоть бы жена не узнала пока все не закончится» ...

– А если не потяну? – машинально откликнулась Ника.

– Вы мне что-то сказали? – удивленно вперился в окошко машины, ДПСник, явно потеряв мысль.

– А Вы мне разве ничего не говорили? – не менее удивленно, но на удивление для нее самой, настойчиво ответила

вопросом на вопрос Ника.

Они уставились друг на друга. Ника прервала неловкую паузу:

– А, простите, раз уж так зашел разговор, за что это такое вы венерологу должны так много денег? – совершенно невоспитанно поинтересовалась она...

Воцарилась напряженная тишина, во время которой один полностью впал в тихий панический ступор, а ко второй начало липким страхом вползать по спине осознание... Нет, не осознание, а ОСОЗНАНИЕ. Опять!!! Тоже самое! Ведь он же и рта не открывал, медленно приходило понимание. Неужели?!... Нет, ну это же невообразимое что-то! Быть же не может, бред!

Запах радости от элипсоголового как-то сам по себе исчез. ДПСник пах как-то по-другому. От него повеяло пресной металлической кислинкой.

– Эээ... Извините, – сирым надтреснутым голосом промямлил он, вытирая внезапно выступивший на висках предательский пот. – Знаете, что, вот ваши документы. Мне сегодня что-то нездоровится видимо. Скажите пожалуйста, – помедлил он еще, не разжимая пальцы на документах, – а мы с вами случайно не знакомы?

– Все может быть, – сухо ответила Ника, – я поеду?

– Счастливого пути! – автоматически козырнул потерянный элипсоголовый. – Да, я бы посоветовал вам развернуться и доехать обратно до города, на Солнцевскую улицу. Вам

еще вчера нужно было полис продлить. А то ведь...

Не договорив, он развернулся, махнув рукой и деревянной походкой побрел в белую, с синей «люстрой» на крыше и с синими же буквами «ДПС» на капоте машину.

Ника развернулась, как по приказу, и в полном молчании поехала продлевать полис.

В кои-то веки она попросту забыла, куда собиралась ехать. И вообще в первый раз в жизни она не предупредила партнера, что у нее непредвиденные обстоятельства и есть необходимость встречу как минимум на час отсрочить. А лучше – вообще бы перенести на другой день.

Делая все на автомате, Ника оформила у фирменно улыбчивой девушки страховой полис обязательного страхования.

Мысли роились в ее голове, никак не желая успокоиться и принять должный порядок.

Что же происходит? Все же – шизофрения? Ой, неприятное такое слово. Голоса в голове? Как-то слишком много догадок, как и обалдевших физиономий вокруг... Неужели все ее догадки так удачно попадают «в точку»? Ника конечно же и раньше чувствовала своих собеседников. Но настолько «проникнуться» ей никогда не удавалось. Что же с ней такое творится?!

Резко и неожиданно раздалась соловьиная трель мобильного телефона. Ника нехотя вырвалась из омута закруживших ее мыслей. Уже протягивая к настойчивому соловью руку, Нина осознала, что уже почти два часа, как она должна

была быть на месте встречи с работодателем. Позор какой – она даже не удосужилась сделать элементарной вежливости телефонный звонок.

Готовясь к поздним покаянным объяснениям, Ника ответила. В трубке раздался незнакомый мужской голос. Он звучал с некой оттяжкой, будто кое-где некстати добавляя лишнюю гласную то в середине, а то в конце слова.

– День добрый!

Вновь по спине Ники пробежал и скользнул под ремень джинсов неприятный холодок плохого предчувствия, даже онемели коленки.

– Здра... А, где Андрей? – каким-то чужим севшим голосом спросила Ника.

– Васильев Андрей Иванович является вашим родственником? – сухо поинтересовался голос.

– Эээ... Нет, он мой работодатель скорее. Что с ним?

– Несчастный случай произошел некоторое время назад. Открытый люк, знаете ли. Так вот, уважаемая, ваш номер последний, который он набирал. У него номера вообще не внесены в телефонную книгу. Она пуста.

– Где он находится? – обмирая от шокирующей новости, потребовала Ника.

– Склиф, – коротко ответил голос, – найдете?

– Найду. В каком он состоянии?

– Я не врач. Но, думаю, что все достаточно серьезно. На месте работает следователь. Он введет вас в курс дела, – ска-

зал голос и прервал звонок.

Ника, найдя нужный адрес, задала маршрут такому же видавшему виды, как и ее машина шепелявящему навигатору.

– Так что уже и не позор, – думала Ника. Даже захоти она предупредить, скорее всего ничего бы не вышло. Ну да ладно...

Голова ее ритмично пульсировала, заставляя гнать машину в нужном направлении. Движение успокаивало. Появлялся своеобразный ритм. Чтобы отвлечь себя, она прокручивала в голове экспромт, который скорее напоминал калмыкскую песню, в которой «что вижу, о том и пою»:

Рулем, как линейкой ровняю дороги
Прочь, беды, обеты, обиды, тревоги!
Я в маленьком мире укроюсь сейчас
От жадных, глумливых завистливых глаз.

Так проще уйти от беды и разлуки.
Давно не мои твои губы и руки.
Улыбки изгиб и сияние глаз —
Когда-то – бесценны, не важны – сейчас.

Как осенью листья, летят километры.
Сейчас мне неважно ни кто ты, ни где ты.
Спасибо за счастье, что дал мне на миг.
Я эти мгновенья не в силах забыть.

Хрустит под колесами снег, как газета.
Тебя я простила за годы за эти.
Любил ли меня? – не узнать никогда...
Разлука и боль. Пустота. Пустота...

Старалась в тебе, как в воде раствориться,
Душа моя пела, как райская птица.
Но клеть не познала, осталась вольна.
И кончилось лето. Настала зима.

Все жизнь рассудила за нас и про нас:
Спасибо за то, что не вместе сейчас!
Спасибо за то, что меня приютил,
За то, что мне веру в любовь подарил!

И пусть разделит нас барьер километров!
Спасибо огромное небу за это!
Пусть будет все так, как желает судьба.
Одна лишь она неизменно права...

Как всегда, Ника с сожалением поняла, что записать строки возможности нет, а потом она так ладно и не вспомнит.

Добравшись до больницы, Ника сразу направилась маявшемуся у КПП охраннику.

От охранника пахло никотиновой ломкой. Запах от него исходил весьма табачный, но какой-то скисший, будто сигарету размочили в лимонном соке. Затхлый такой кислый та-

бачный запах. Выглядел соответствующе – плохо он выглядел, как давно забытый в холодильнике лимон.

«Ишь как уши у мужика пухнут – явно курить бросает, причем очень жестко», – определила Ника.

– Здравствуйте! Мне тут из полиции звонили, сказали, что моего работодателя сюда доставили в тяжелом состоянии. Не поможете?

Охранник тоскливо посмотрел на Нику, сразу поняв по ее цепкому взгляду, что отвертеться от нее не никак получится. Вздыхнул тягостно...

– Да всех тут доставляют в состояниях, – начал он было неприязненно, но тут из-за спины охранника как нельзя кстати отделился от тени холла человек в штатском.

– Это вам звонили мои коллеги, по всей видимости? Простите, не представился. Следователь Борзов Павел Геннадиевич. Для краткости можно ПГ.

– Пряма так и звать – «ПГ»? – хохотнула Ника. И представилась, – меня Ника зовут.

– Пряма так и звать – ПГ. Это короче, Ника. Не люблю время терять. Редкое имя, – он с любопытством взглянул на Нику, – будем знакомы. Прежде чем зайдете, нужно понимать, что травма крайне тяжелая. Представьте: открытый канализационный люк. Затылком бедняга пересчитал штук пять ступенек. Благо зацепился то ли за какой-то крюк, то ли за проушину, торчавшую с края лестницы брючным ремнем и так и повис. А то мы бы сейчас это в морге обсуждали.

Очевидцы вызвали полицию и скорую.

– В каком он состоянии?

– Ему была сделана срочная операция. Не сложная, шрам под волосами виден не будет. Другое дело, что удар был сильным – в сознание он так и не пришел. Кома. Я нашел в его вещах паспорт и водительское удостоверение. С полисом проблем не возникнет, раз есть документы. По базе можно найти. Но вот какая штука получается... Родных у него здесь нет. Не много, конечно, можно проверить оперативно. Известно, уже, что проживает в квартире совершенно один. Паспорт не так давно выдан по какой-то причине. Выяснить не сложно будет. Видимо банальная утеря – явно не по возрасту выдан был. Не успел в общем толком все выяснить, но обязательно выясню. Если в прошлом и были браки, завершившиеся разводом – ни факта регистрации брака, ни информации о разводе, ни детей – эту информацию в новый паспорт не внесли. Честно говоря, я редко сталкиваюсь с тем, чтобы в телефонную книгу сотового телефона не вносилась совершенно никакая информация. Имена?

Ника, поморщившись ответила, как в тумане:

– Мы с ним не так долго работаем, но я знаю, что у него была очень хорошая память и он предпочитал не тратить времени на «дрессировку», как он выражался, каких-либо гаджетов.

Ника была препровождена в белый до блеска коридор. Мелькнуло какое-то запоздалое чувство... Странно... Ока-

залось, что, не смотря на операцию, в реанимации он не нуждался. Удивительно – в коме же человек! Пока она размышляла, куда ей жаловаться на такую врачебную безалаберность, а также, куда сообщать родным Андрея о случившемся – у них ведь знакомство носило совершенно деловой характер, и она не знала о его личной жизни ровно ничего, доктор позвал Нику и сказал, что, если ей хочется посмотреть на больного, у нее есть ровно пять минут.

Вновь неприятно удивившись таким легкомысленным отношением к только что перенесшему операцию, Ника все же направилась в гостеприимно распахнутую дверь палаты. Потоптавшись перед входом, вспомнила не в тему – он всегда пользовался стандартным интернет-браузером, не желая каким-либо образом внедрять в свою жизнь комфорт современных компьютерных технологий.

Переступив порог, она увидела своего сегодняшнего работодателя. Ей стало его очень жаль.

Бледный, с забинтованной, как фронтовик головой, Андрей возлежал на высоко поднятой металлическими обшарпанными гребенками койке. У Ники промелькнуло обычное для нее чувство вины – ведь он же спешил на встречу именно к ней. Может она могла бы предотвратить это, если бы... Да нет, ничего она не могла предотвратить.

В палате горько и остро пахло хлоркой. Для кого-то этот запах ассоциируется с чистотой. Брр. Скорее горло дерет и глаза слезятся от такого запаха – сплошной дискомфорт. Хи-

мия же.

Ника подошла к лежащему без движения Андрею. Присела на край койки, глядя на него, как будто через линзы, круглыми глазами полными слез от ужаса и сострадания. Ей непреодолимо захотелось взять Андрея за руку. Рука оказалась прохладной и безвольной. Его глаза были немного открыты. Ника заглянула в черноту его зрачков...

И тут все звуки как-то разом отступили, и она неожиданно ухнула в черноту, как будто ее накрыла тьма египетская. Внезапно тьма рассеялась, и она окунулась в ватную какую-то серую мешанину облачных серых занавесей. Она чувствовала фоновый запах хлора, но он уже не душил ее совершенно. Она словно в другом мире была. Здесь был и Андрей. Но

Ника не видела ни его, ни даже собственных рук. Страшно не было. Не было и любопытно. Она была очень сосредоточена. Ника поняла, что ей каким-то образом удалось попасть в то пространство, где находится сознание Андрея. Горело его живое сердце. Желтым и оранжевым горело – все хорошо. И она направилась на этот стук. Он раздавался размеренно, как удары мягкого упругого колокола, покрывая шапкой хрупкого своего ритма весь этот беловато-сероватый кисель вокруг, просачиваясь между его слоями и заполняя все пространство вокруг.

В то же время, Ника с ужасом осознала, что стоит ей сделать незначительное усилие – накрыть пульсирующий желтым и оранжевым источник звука своею волей, сдавить и сейчас такой уверенный и твердый, а на самом-то деле весьма хрупкий, сердечный ритм моментально умолкнет. Андрей умрет мгновенно. Какая же это беспрецедентная власть! У Ники кружилась голова. Восторг и... искушение? Но она здесь для другого.

Ника максимально собралась. Рассеялись неверные занавеси, она увидела Андрея. Он с закрытыми глазами лежал с забинтованной головой. Ника помедлила, чтобы как можно ближе войти в ритм с биением его сердца, чтобы он понял и сделал то, что она ему собиралась приказывать.

«Проснись!», – приказала Ника и Андрей открыл глаза.

Ника оглянулась, как бы очнувшись. Только что они были

вдвоем. А теперь, через краткие, как ей показалось, мгновения – уже нет. Вокруг перемены – в палате было очень много народу, но почему-то было очень тихо. Врачи, медсестры. Какие-то люди с остро отточенными взглядами в штатском и одинаковых ботинках, с накинутыми наспех халатами.

Ахнув, несколько медиков кинулись к Андрею, окружив его, совершая какие-то манипуляции рядом с койкой.

– Милочка, а вы хорошо себя чувствуете? – спросил тем временем Нику плешивый толстый доктор, чем-то сразу напомнивший Нике Жванецкого.

Ника растерянно перевела взгляд на Андрея и только тут поняла, что до сих пор сжимает его запястье. Она спешно отняла руку и только тут увидела, что под ее пальцами на его запястье уже чернеют, наливаясь свежие гематомы. Нику моментально оттеснили с края койки, отдав на попечение похожему на Жванецкого доктора.

Тот оттер Нику к самой двери, кончиками влажных пальцев ухватив ее за локоток. И, заглядывая ей в глаза снизу вверх, вопрошал:

– Вот что мне совершенно непонятно: вы почти четыре часа находились у больного. Вот так и сидели с закрытыми глазами. Отсоединить вашу руку не представлялось возможным. Как-только мы попытались убрать вас от пациента, вы, как бульдог, вцепились в его руку. Состояние у вас было такое, что можно было подумать, что вы тоже в коме. Мы с коллегами как раз обсуждали что с вами нужно делать, на

своеобразном стихийном консилиуме... Как вы очнулись и вслед за вами очнулся находившийся в коме пациент. Не со- благоволите ли объясниться? Вы экстрасенс? Для чего вы так сильно сжимали ему руку? Это такой у вас метод своеобраз- ный людей будить? Акупунктура? Может попробуете не дру- гих... мххмм... комиках? У нас, видите ли, есть на ком по- тренироваться... Склиф, – он виновато улыбнулся и развел руками.

Тем временем, мед персонал, хлопотавший вокруг Ан- дрея, разомкнул хоровод, и растерянный крысообразный доктор в косо сидящих на переносице очках сказал, что со- стояние стабилизировалось. Но нужно его конечно же еще понаблюдать. Вдруг он опять...

Ника молчала. Быстрая смена декораций совершенно сби- ла ее с толку. Она даже не пыталась понять, как ей удалось помочь Андрею. Полная растерянность. Неужели она целых четыре часа – вот так и провела у его кровати? Совершенно не чувствовалось потерянное время. Для нее все произошло быстро – несколько мгновений. Максимум – несколько ми- нут. Она даже не слышала, что вокруг суетились люди. Толь- ко биение сердца Андрея. Ничего кроме ритма, тумана и от- чаянного желания хоть чем-то ему помочь.

Нику вытеснили из палаты. На ее вопросы медсестра сухо отметила, что посещение больных разрешено с двух до пяти вечера. Приходите, мол, завтра.

Ника, все еще пытавшаяся осмыслить только что произо-

шедшее, побрела к выходу.

Доктор, похожий на Жванецкого нагнал ее скоро.

– Я понимаю, понимаю, суетливо кивал он в такт шагов, – Вам сейчас совершенно не до меня. А можно все же попросить Вас, ну скажем завтра, уделить мне совсем немного времени. У меня в кабинете. Я обещаю угостить вас вкусным кофе.

Ника неприязненно поморщилась, невольно думая о том, что это просто какое-то массовое помешательство престарелых мужиков – как коты на сметану на нее смотрят. Вот, главное – ни один нормальный мужик подходящего ей возраста и усом, что называется не ведет. А старперы – пачками липнут. И кабинет ему, и кофе... Но тут же, спохватившись и поймав себя на мысли, что она в любом случае ничего неприличного не допустит, а ее доброжелательность в смысле чашки кофе и ответов на интересующие вопросы как-то помогут Андрею – смягчило ее. В конце-то концов совершенно не обязательно кому бы то ни было рассказывать про туманные занавеси и что в тот миг обретенное. Можно ведь наплести что угодно.

– Хорошо, я зайду к вам завтра, когда приеду еще раз Андрея навестить. Что ему привезти?

– Ничего, что вы! – замахал короткими руками, с короткими же пальцами доктор, как гротескная ветряная мельница, – мы полностью обеспечим его всем необходимым.

Кончики пальцев доктора влажно поблескивали и остро

пахли секретом половых желез. Не любил доктор после уборной руки мыть. Или чесал может что-то, пока никто не видел. Фу! Ведь не старый же мужик. Высшее образование, может и не одно. А все туда же. Быдло.

Не сумев сдержать эмоции, Ника, поморщившись, и, развернувшись на каблуках, вышла прочь.

Нику переполняло чувство нереальности происходящего. Обычно так остро воспринимается и приходит понимание происходящего именно во сне. Это тот самый долгожданный момент, когда ты понимаешь, КАК нужно и НАСКОЛЬКО все просто, отталкиваешься слегка – и взмываешь к самому потолку, в волне переполняющих грудь эмоций, от ОСОЗНАНИЯ. Как правило, это происходит непосредственно перед пробуждением, и просыпаешься ты с таким огромным сожалением, что полжизни отдал бы, только бы вернуться к той настоящей РЕАЛЬНОСТИ и побыть там. С кристально чистым и все понимающим, все осознающим разумом, с легким, невесомым и не поддающимся гравитации телом.

Все было реально, как во сне. Нику пугало то, как ясно она начала понимать, что происходит с окружающими ее людьми.

Упс... Что за день-то такой? Опять взмах «волшебной» полосатой палки. И снова требуют документы. На этот раз все закончилось быстро – она ведь успела до встречи в больнице оформить новый полис обязательного автострахования.

От очередного тучного ГИБДДшника пахло соленой рыбой и морем. Ника собралась было ехать, но передумала. Она обратилась к уже развернувшемуся прочь офицеру:

– Пойдите, уважаемый... Вам же завтра в Астрахань? И осталось совсем недолго – в 8:00 кончается последняя смена перед отпуском? – заранее уже зная ответ спросила Ника.

Нет, ей даже смешно не было смотреть на выпучившего глаза тучного полисмена. Это не было развлечением. Хотя нет, смешно... Но сейчас важно другое. Нужно же разобраться в ситуации и понять, понять, черт возьми – что же происходит!

– А, откуда?.. – промычал офицер.

– Извините, можно сказать – на лбу написано. Угадала же? – хохотнула Ника.

– Но про Астрахань-то откуда?! – полицейский, не скрывая удивления, почесал правой рукой под фуражкой, от чего она не замедлила свалиться.

Он ловко, будто жонглер, прокатил ее по левой руке и, поймав, водрузил обратно на макушку.

– Вяленую рыбку любите. Причем которую сами ловите. И знаете на что ловите? На...

– Да откуда?! – вскричал, перебив ее как громом пораженный ДПСник. Его тучные щеки как-то обвисли, и он стал более всего напоминать пожилого расстроенного бульдога, – Ваааась! – как-то по-деревенски совершенно, пустив петуха в голосе окликнул он напарника. – Не, Вась, у нас артисты

тут. Фокус хочешь? Девушка тут мысли читать умеет. Прямо про Астрахань мне вылепила и даже на что ловлю знает, долговязый худой Вася подошел, явно заинтересовавшись.

– Да ну? А мои можешь? – спросил Вася, выпучил глаза и изо всех сил замолчал, надув щеки, как барабан.

– Раз, два, три, четыре пять. Вышел зайчик погулять, – устало и как-то вымученно откликнулась Ника.

Она уже все поняла. Но как? Теперь стали понятны все те странности, начиная от фривольного пожелания Андрея, а затем предположений ядовитых соседских старушек и далее по тексту – все это действительно услышанные каким-то образом мысли людей.

– Езжайте, говорю в третий раз, гражданочка. Концерт окончен, – чеканя слоги и размахивая зачем-то рукой перед ее глазами говорил тонкий.

Понятно. Им нужно других останавливать. Деньги зарабатывать. А Ника место занимает в «кармане» дороги.

Ника еще раз кивнула про себя, глядя на этих болванов, толстого и тонкого, вспомнив бородатый анекдот: «Бегущие за машинами собаки – это души умерших гаишников»... Воистину!

Ника вдруг поняла, что так и не едет, глубоко задумавшись, вспоминая череду последних событий. Она спешно подняла боковое стекло, одновременно включив сигнал левого поворота и плавно вывела машину на почти уже пустую ночную трассу южного Подмосковья.

Благоухало раннее лето. Оно началось совершенно не по календарю. Лето было в ощущениях. Время было позднее. В щель не до конца поднятого стекла доносилось ночное уже стрекотание кузнечиков или кого-то там еще стрекочущего.

Пахло свежескошенной травой – один из Никиных любимых ароматов. Она невольно расслабилась. Накатившая внезапно усталость делала свое дело. С трудом добравшись до дома, Ника решила без ужина лечь спать, ибо утро вечера мудренее.

III. Эйфория всемогущества

Утром Ника почувствовала себя так, как должно быть чувствуют себя люди, проснувшиеся знаменитыми. Она поняла, что встреча с цыганкой все же не зря была такой запоминающейся. Что-то в ней действительно изменилось после этой встречи. Она стала лучше... Видеть? Так сказала ей та, «линялая»? На самом деле, читать мысли оказалось очень круто. Этакое тайное преимущество. Но, с другой стороны, возникала проблема – очень сложно было понять, когда человек говорит, а когда – думает. Один уже за это словил оплеуху. Случайно, конечно, но все же... Второй чуть не получил три инфаркта на почве тайных дел Венеры. Ника прыснула, вспомнив элепсообразную морду гибддшника, когда она озвучила его тайные мысли.

Хороший денек. Нужно развивать полученный результат от цыганского проклятья.

Ника для начала, занялась рутинной работой. Корреспонденция. Ой накопилось ее за это время. Да, у нее сегодня запланирована встреча с заместителем директора немаленькой сети гипермаркетов. Хотят переговорить с китайским поставщиком китайских же вееров и летающих фонариков для загадывания желаний. Неужели у нас в стране такой спрос на китайские летающие фонарики и веера? Бред, конечно. Но раз за это платят деньги – будем с серьезной миной пе-

реводитьь.

Действительно смешно бывает иногда, особенно когда приходится работать с поставщиками, например, сексшопов. Продавцы расхваливали на все лады технические преимущества своих товаров. Все это нужно было переводить с профессиональным хладнокровием. На первых переговорах Ника была ну просто багровая. Потом привыкла. Видимо эта продукция действительно пользуется несказанным спросом у нашего населения. Особенно у 30ти – 45ти летних дам, как она узнала на этих самых переговорах. В тайны маркетинга Нике, в общем-то никогда не хотелось вдаваться. Но некоторые моменты... Запоминались...

Перед отъездом ей удалось повидаться с вернувшимся из школы чадом. Они порадовались друг другу. Ника быстро расспросила Ниночку об ее достижениях, не обижал ли кто.

Оказалось, что все вполне хорошо. Во время разговора Ника прислушивалась, не услышит ли она тайных мыслей дочери. Однако, то ли ее второклассница говорила то, что думала, то ли по какой-то другой неведомой причине, Нике ничего вызнать не удалось.

Мама, силком, буквально заставила съесть перед уходом Нику тарелку борща, и то только после того, как она уловила мамины мысли, что у Ники плохой цвет лица, и все из-за того, что она питается всухомятку. Или покуривает тайком от матери, негодница?

Итак, мысли она слышала. Происходило это так: человек

говорил, не открывая рта, собственным голосом. Интересно. Наверное, было все же отличие. Нике казалось, что человек, говоря, более напряжен, чем когда мыслит. Но грань эта настолько узка, что потребуются немало тренировки для того, чтобы с ходу различать речь от мыслей.

Главное неудобство заключалось в том, что нужно было внимательно смотреть на собеседника, чтобы понять, когда он говорит, а когда думает. Выдавать свою новую способность кому бы то ни было, Нике совершенно не хотелось.

Жизнь продолжалась

Буднично прошла и завершилась встреча с поставщиком очередного китайского ширпотреба. Китаец в завершении тщетно пытался предложить пестрый глянцевоый чуть примятый каталог аналогичной дряни, но зам директора небольшой сети гипермаркетов решительно глянец отодвинула. Переговоры завершены.

Ника взглянула на часы. В Склиф она успевала почти к концу приемного времени.

На пороге Склифа дежурил уже другой охранник. Этот был бодр и подтянут. Курить бросать не собирался, и по этой причине бегал в уборную чаще нужного – на перекуры. Мертворожденный закон о запрете курения в общественных местах все же действовал на население, хотя ничего не достиг кроме ухода в подполье курильщиков.

Ника, решительно накинув халат и сославшись на разрешение главврача, прошествовала в палату к Андрею. Тот

оказался в полном сознании и выглядел вполне здоровым, если не считать бинтов на голове и гипса (как она его не заметила) на руке.

– Привет, – поздоровалась она, кладя авоську с апельсинами (куда ж без них!) на белую тумбочку.

– Привет, – Андрей был озабочен, – твоя работа? – усмехнулся он, демонстрируя ей громадную гематому на запястье не загипсованной руки. – И за что ты меня так? Ну, в кафе может я на тебя посмотрел как-то не так, прости, конечно. Но бить лежачего?!

– Я тебя не била... – начала было оправдываться Ника.

– Ладно-ладно, шучу, – прервал ее Андрей с бледной улыбкой, – говорят, что у тебя какая-то методика акупунктурная. Ты мне как-то хитро на руку нажала, что я из комы вышел. Перестаралась правда, на мой взгляд несколько.

Внезапно глаза Андрея вдруг сделались серьезными. Он о чем-то думал несколько минут, как бы решая в уме задачу. Потом он поднял взгляд на Нику и лицо его стало еще бледнее:

– Мне нужна твоя помощь. Ты должна встретиться с тем господином Ли. Нужно обсудить прежний вопрос. Речь идет об увеличении объемов при снижении цены. В идеале нужно еще и об отсрочке договориться.

– Не переживай, я все поняла. Сделаю. Тебе нужно что-нибудь?

– Нет. Займись, пожалуйста. Запиши телефон.

– Наизусть, конечно же, номер помнишь? – усмехнулась Ника.

– Да, – криво усмехнулся в ответ Андрей, – вроде не отшибло ступеньками. Помню все. Меня следователь все выспрашивал как я столько номеров в памяти держу.

Андрей продиктовал Нике номер господина Ли, не любившего рукопожатия. Вошла недовольная жизнью медсестра и сварливо потребовала очистить помещение от посторонних. Время посещений подходило к концу.

Ника вспомнила о разговоре с главврачом, походившим на Жванецкого, и решила выполнить данное ею обещание. Разузнав местонахождение его кабинета, Ника поднялась на третий этаж.

Дмитрий Арнольдович Гейс, а именно так звали врача, походившего на Жванецкого, был очень рад. Безумно рад просто. Он даже не пытался скрыть распиравших его эмоций. Суетливо распорядился по телефону о кофе – медсестра расторопно подала две пластиковые чашки из автомата, расположенного в холле первого этажа, ревнивым взглядом, походя, оценивая Нику. Ой, ну было бы за что бороться!

Маленький толстый человек с толстым же носом, был лысоват и круглолиц, суетливый и бестолковый. Даром, что главврач – так расценила с первого взгляда его Ника. Все же он чем-то ей ужасно не понравился. Дело даже не в прелом запахе его всегда влажных пальцев... Он весь сквозил какой-то фальшью. Да так, что ни по запаху, ни по движе-

ниям его невозможно было понять, когда именно он говорит правду, а когда лжет. Создавалось прямое впечатление, что угодливо смеется и лжет он постоянно, даже когда это не нужно – просто на всякий случай.

– Ну-с, рассказывайте! – потребовал он, умильно и не та-

ьясь, разглядывая все, что-только можно было разглядеть в Никином декольте.

Нике было неуютно под его назойливым взглядом. Она поерзала на жестком белом кожаном диване, оправив одежду. И приняла решение – дистанцироваться и сбежать при первой же возможности. Неприятный тип!

– Чем я могу вам помочь, уважаемый Дмитрий Арнольдovich? – как можно более ледяным тоном спросила она, отхлебывая кислый совершенно не вкусный кофе с отвратительным душиком. Кофе машина явно работала на износ и совершенно была лишена должного обслуживания. Ника отставила чашку как можно вежливее. – Я, право, и не знаю, о чем вам рассказать. Сама не знаю, как так получилось с Андреем.

Дмитрий Арнольдovich нетерпеливо отмахнулся, оторвавшись от созерцания манящих рельефов.

– К черту, милочка, Вашего этого любителя канализаций. Меня интересует скорее то, как именно вы это сделали и... Что умеете еще?

Ника про себя усмехнулась: «Ага, щаз!». Подняла бровки и как можно более невинно спросила:

– Что именно вы умеете в виду? Я же говорю – что сама не знаю, как так получилось. И вообще, он же сам очнулся. Хотя, я конечно же этого очень хотела. Он же мне это... Денег должен! – включила «блондинку» Ника, на всякий случай.

– Да будет Вам, милочка, – рассердился уже взаправду главврач, – меня пригласили практически с самого начала

вашего этого представления – когда медсестра, а потом и санитары не смогли разжать Вашу железную хватку. Можно было, конечно, применить и более жесткие меры, но мне хотелось досмотреть спектакль до конца. И я все видел собственными глазами, – Дмитрий Арнольдович, не утерпев, вскочил и принялся мерить шагами кабинет, заложив руки за спину. Короткие руки его едва сходились за его округлой спиной. – Вы были в трансе, как вся ваша братия шарлатанов-гипнотизеров. Но получилось-таки! – он потряс лоснившимися пальцами, похожими на короткие сардельки перед лицом Ники. Ей стоило больших трудов не отшатнуться от захлестнувшей ее волны дурноты.

Внезапно она услышала: «...Придется применить инъекцию. Она явно не собирается по-хорошему, а упускать такой случай... Отдельный бокс на минус втором подойдет. Эх жаль, не готова аппаратура и препарат... Нужно отвлечь и...»

Ника поняла, что уже некоторое время Дмитрий Арнольдович не говорит и ужаснулась от недосказанной его мысли.

«*Бежать!*» – подумала Ника, а в слух сказала:

– Извините, я немного устала. Может, продолжим наш разговор в другое время? – Ника бочком встала с дивана. Ей не хотелось показывать, что она испугана, но видимо скрыть свои чувства ей не удалось.

Доктор отреагировал на это более чем странно. Он удивленно взирал на нее. А потом до Ники донеслись мысли

Дмитрия Арнольдовича – какие-то несвязные химические формулы.

– Так я пойду? – не уверенно уже спросила она.

– Да, как вам будет угодно, – разулыбался он почему-то.

Ника задом нажала на ручку двери и выдавила себя из кабинета глав врача, припустив вниз. Сначала к Андрею. Убедившись, что коридор пуст и вредной медсестры на горизонте не наблюдается, она змеей ввинтилась в палату Андрея и тут же плотно затворила за собой дверь. Мельком взглянула на решетку окна – прочная, приняла решение не задерживаться тут совершенно.

– Ты? – удивился Андрей. Оказалось, что в его палате был небольшой телевизор, по которому в это время шли новости.

– Не перебивай только, выслушай пожалуйста! – скороговоркой остановила дальнейшие расспросы Ника. – У меня в этой больнице кое с кем не очень хорошие отношения... Я не смогу тебя навещать, извини. По телефону сообщишь мне детали для встречи с господином Ли.

– Не переживай, я завтра уже уйду отсюда. На встречу вместе пойдем, – усмехнулся Андрей. – Не нужно из-за меня так хлопотать, ни к чему.

– Так быстро? – ужаснулась Ника, все еще державшая ручку двери.

– Под расписку, – коротко и хмуро пояснил Андрей. – Ну беги, не задерживайся.

Ника кивнула ему и спешно покинула палату, а за ней и

здание больницы. Сев в машину, она, прежде всего, заблокировала ее двери. От волнения завести мотор удалось не с первого и даже не со второго раза. Ей все казалось, что за ней гонится кто-то со шприцем в потных пальцах. Погони не было.

Ника поехала домой. Странное это было происшествие. Что он от нее хотел? Как будто на подопытного кролика на нее смотрел, мерзавец. Именно поэтому, Ника и боялась с кем-то делиться и откровенничать. Угораздило же ее так потерять счет времени, что она засветилась буквально на глазах всего мед персонала серьезнейшей больницы!

На заправке Ника расплатилась пятитысячной купюрой. Однако, сдачи не оказалось, кассир вернула купюру, потребовав «денег помельче».

Убирая в кошелек деньги, Ника услышала: «Не заметит наверняка», – Ника подняла взгляд. На нее смотрела приветливо улыбающаяся кассирша. «Еще пятерку можно будет взять из кассы. К концу месяца так на машину приличную уже и набежит с лохов. Вадик – молодец!» – кассирша улыбнулась еще приветливее.

Ника поняла, что речь идет о купюре, которую улыбчивая ей вернула, якобы не найдя сдачи. Вернула, да не ту. Первой реакцией, конечно, была растерянность. Ну а что бы вы стали делать, если бы вам попытались всучить фальшивку?! Но Ника знала, что медлить нельзя. Нарываться она не хотела. Мало ли. Но была-не была!

– А ты... – на бейджике было написано «Люба», – Люба... С Вадиком еще? И на заправке не боишься крутить свои делюшки? – Ника картинно швырнула на блюде для мелочи полученную фальшивку.

Люба перестала улыбаться, резко побледнела и сгребла брошенную Никой купюру. Воровато оглядываясь, она дико метнув взор в сторону охранника, единственного постороннего, присутствовавшего на заправке. Охранник мирно дремал.

– Ты считаешь, – по-бандитски прищурясь, продолжила наступление Ника, – Можно за лохов всех подряд считать? Мы давно уже наблюдаем. И Вадиму передай – пусть сворачивается. Чтобы вас обоих через неделю в городе не было! Поняла? – рявкнула Ника.

– Я... по...няла! – скорее прошептала белая, как простыня Люба.

– И сдачу не забудь дать, шалава! Нормальными деньгами! – свирепо чеканя слова, потребовала Ника.

Люба протянула обратно Никину и пятитысячную купюру и «деньги помельче» оказались не нужны. Затем, заискивающе улыбаясь, протянула:

– Извините, ошибочка вышла... За счет заведения!

Ника забрала свои деньги из трясущихся Любиных пальцев, развернулась круто на каблуках и, печатая шаг, направилась к машине.

Выезжая с заправки, Ника уже подсчитывала мысленно,

сколько злодеев можно таким образом вывести на чистую воду – Робин Гуд нервно курит в сторонке!

Например, зайти в магазин, прислушаться к персоналу и приказать им перевесить всякие «весовые» сыры и колбасы, и окажется вес каждого кусочка на 100гр. меньше, чем было указано на магазинной этикетке.

Или, подойти к попрошайке на улице и сказать, что угнали его мерседес со стоянки на улице N, который он оставил ровно 4 часа тому назад после того, как переоделся в «рабочую форму». Пусть догоняет.

Или, подойти к тете Оле из 34 квартиры и сказать, где ее муж, дядя Коля деньги прячет с каждой зарплаты – любовнице из 44 квартиры на ремонт откладывает. Сюрприз ей сделать хочет. Пусть сюрприз устроит тетя Оля дяде Коле. Хех. Ей и самой ремонт не помешает.

А вот еще! Можно подойти к Сергею Анатольевичу – директору Ниночкиной школы и подробно рассказать ему о всех его явках и паролях – на что конкретно уходит школьный бюджет. Пусть думает потом кто его сдал, и куда еще эта информация может пойти. Как минимум, у Ниночки обучение куда легче станет.

Так, в радужных мечтах после заправки на-халяву Ника доехала до дома. Не смотря на поздний час, домашние не спали. Ждали Нику. Мама наготовила всяких вкусностей полный стол. Ниночка после традиционных «обнимашек» деловито стала бегать с ложками – в ее обязанности входило

накрывать на ужин.

«...И целых пятьдесят рублей... Вот тогда я все рубрики соберу, и маме куплю зеленую сумку, которая на третьей полке в магазине стоит давно – запылилась вся уже. С зеленой сумкой она станет сразу самая красивая, найдет хорошего папу и сразу на нем поженится...» – Нике все же удалось услышать мысли Ниночки.

«Добрая моя девочка» – с нежностью подумала она о дочери, засыпая.

Ей снился Он. Как когда-то раньше, она радостно смеялась очередной его грубоватой шутке. А он радовался ее смеху, стараясь рассмешить Нику еще больше.

В этот момент рушились преграды социальных ступенек, рвались цепи субординации. Никто из окружающих не знал об их тайных отношениях. Но догадывались и сплетничали конечно же все. Однако это все было совершенно не важно, ибо, как говорила незабвенная Фаина Раневская: *«Хрен, положенный на мнение окружающих, обеспечивает счастливое будущее»*. Им было просто хорошо находиться друг с другом рядом, понимая друг друга даже не с полуслова, а с полувзгляда. Хотя бы и никакой романтики – и без нее все просто было хорошо.

Его поцелуи божественно пахли жасмином, они были настолько пылкими и жадными, как если бы это были последние поцелуи в жизни.

Иногда очень жалко просыпаться!

IV. Понимание – это хорошо или плохо?

Андрей все же проболел почти две недели. И под расписку на следующий день его конечно же не отпустили – отговорили. Они с Никой обсудили все детали, касательно встречи с господином Ли. Нике было приятно то, что Андрей ей никогда не врал. Он просто не считал видимо, нужным лгать.

Подходило время для решающих переговоров с не любящим рукопожатия господином Ли.

На переговорах сначала все шло хорошо. Но в какой-то момент Ника замерла, неприлично совершенно уставившись в физиономию господина Ли. В этот момент Андрей звонил бухгалтеру Катеньке, с распоряжением перевести 30 % предоплату по сумме выставленного господином Ли коммерческого инвойса.

В какой-то момент, глаза господина Ли стали матовыми. Зрачки перестали отдавать свет. Запах горького горошка усилился в сто крат, да так, что чихать можно было даже тем, кто не так чувствует музыку запахов и вкусов, как Ника.

Пришло понимание: господин Сун Ли не был вдовцом. А потом пришло понимание...

– Андрей, скажи Кате «отбой»! Срочно! – вскричала Ника внезапно.

– Катюша, погоди-ка, – Андрей, завершавший давать рас-

поряжения об оплате с неудовольствием, переключился на Никин требовательный голос, – Ника, что-то срочное? Мне нужно с оплатой за...

– Его фабрика сгорела месяц назад, – твердым, нетерпящим возражений тоном перебила его Ника. – Чтобы восстановить оборудование нужно несколько миллионов. Не рублей. Он собирался слить твои деньги в офшор, и ты бы его не нашел после. Бизнес потерян. Господин Сун Ли – банкрот? Это верная информация о вас? – последнее Ника спросила по-китайски, обращаясь к желтому, как шафран неулыбчивому господину. Ника то и дело бросала взгляд на левую ногу, китайца, находившуюся рядом с ее стулом, не в силах побороть неприязнь к безвкусице. Господин Сун Ли видимо счел эстетичным к белому пиджаку подобрать белые же кеды, которые по российской пыли не замедлили стать коричнево-серыми. Нога в грязном кеде, до этого непрерывно нервно подрагивающая, немедля поджалась и исчезла под столом.

– Русские КГБ быстро работают, – после недолгого молчания ответил господин Ли.

Китаец коротко зло взглянул на Нику. Ни слова не говоря более, поклонился Андрею, и не оплатив свой чай, быстро удалился.

Андрей так и остался сидеть с алекающей трубкой в руке, глядя то на удаляющуюся за окном кафе фигуру господина Ли, то на Нику. Ника коротко и без объяснений перевела

свой последний вопрос.

– А... Откуда ты это узнала?! – в полном недоумении спросил Нику Андрей, наконец-то отключив надоедливо вопрошающий телефон.

– По глазам прочла, – почти не соврала Ника.

– Вот это все – по глазам?! И про сгоревший завод? И про офшор? – не унимался Андрей.

– Да, вот такой я гений в юбке, – попыталась отшутиться Ника.

– В джинсах сегодня, – усмехнулся Андрей. – Хорошо... Хорошо, что вовремя. Молодец. Хотя я и не понимаю...

– Тебе принципиально нужно знать, как работает лампочка? – нетерпеливо перебила его Ника в очередной раз, – или главное, что она светит?

– Главное, что светит... Хотя не хотелось бы все же... Чтобы током дернуло от недостатка информации...

Андрей еще некоторое время сверлил Нику глазами, но, поняв, что от девушки он больше ничего не узнает, смирился:

– Ты права, главное – светит.

Он конечно же понимал, что свои секреты фокусникам открывать не положено в принципе. Но наверняка теперь ее услуги могут несколько подорожать с такими-то номерами. Хотя... Овчинка стоит выделки! Теперь работы Нике явно прибавится... А если посоветовать ее своим контрагентам... Никин телефон будет им стоить очень дорого!

– Я организую еще пару встреч, – решительно сказал ей Андрей, – может быть ты и там что-нибудь интересное прочтешь по глазам. Согласен на то, что это будет работа за «отдельные деньги». Подумай сама, хау мач ис зе фиш?

– Может быть. Может, я подумаю, – пробормотала Ника и, распрощавшись, двинула с парковки прямо домой.

Дома ее ждал сюрприз. Нежданно нагрянула подруга.

У каждого в жизни попадают такие люди. Непонятно зачем ты много лет продолжаешь с ними общаться, как бы по инерции. Они не приносят тебе никакой пользы или выгоды. Даже удовольствия от них никакого. Такие люди просто присутствуют в твоей жизни, как неотъемлемая ее часть, изредка заполняя ее пустоты своим присутствием.

Катя была именно такая. Крашенная блондинка с лошадиным лицом и пышной грудью. Мужчины были от нее без ума, что позволяло ей не работая практически, если только от скуки – менять дорогие машины и ездить «по заграницам» – отдыхать. Непонятно правда, от чего она успевала так уставать.

Сдружились они в тот момент, когда Ника с маленькой Ниночкой металась, пытаясь продать старую квартиру и приобрести новую, в другом подмосковном городке – ближе к минимальным удобствам и цивилизации, а главное – в шаговой доступности к школе.

Катя, в ту пору работавшая риелтором, помогла Нике до крайности выгодно продать старую квартиру и за совершен-

но пустяковую доплату приобрести новую – у Катиных же друзей.

Ника была ей благодарна, и Катя стала частенько навещать ее, даже после того, как решила, что быть риелтором – это «не ее».

Ника вообще была человеком весьма благодарным и поэтому, хоть и особо не жаловала гостей, всегда радушно принимала новоиспеченную подругу. Они делились последними своими новостями. Взаимно радовались успехам.

– О, Ни-ни! Сколько лет, сколько зим! – скривив лицо в улыбке, из гостиной, распахнув во весь коридор объятия, шагнула к ней подруга.

Ника привычно поморщилась от такого сокращения своего и так не слишком длинного имени. Сокращения? Нике всегда забавно было находиться рядом с Катей. Катя была видной девушкой в прямом смысле этого слова. Если она надевала свои любимые одиннадцатисантиметровые шпильки, а Ника была в кроссовках, она едва ли доставала ей до подмышки. Наверное, они странно смотрелись, идя по улице рядом друг с другом.

Ника приветливо разулыбалась, привычно чмокнув воздух рядом с щекой подруги в ответ на такой же искренний поцелуй.

– Чайку? – засуетилась было Ника.

Катя отмахнулась. Ей не терпелось поделиться с Никой рассказом о романтической поездке в Таиланд со всеми выте-

кающими. Там такой потрясающий тайский массаж!

Ника поняла все это, еще во время традиционных вежливых расспросах о здоровье Никиной мамы и утрированно высокой оценки китайской каллиграфии, моментально попытавшейся завладеть тети Катиным вниманием Ниночки, прискакавшей с альбомом.

Когда Ниночка была устранена бабушкой с целью помощи в накрывании на стол, а словесный поток излиятий по поводу Таиланда несколько иссяк, Катя обратила внимание наконец и на Нику.

– Работа на себя идет тебе на пользу, дорогуша, – немного в нос протянула Катя. – Расцвела. *«А ноги так и остались кривыми»*, сказала Катя без перехода.

Ника дернула нервно щекой, исподлобья глянув на подругу. Неужели?

– Кофточка новенькая? Да? Горчичный цвет тебе очень к лицу, так стройнит! *«Жрать надо меньше, распустила себя рядом с маменькой, которая вечно тебе будет рассказывать, что ты самая что ни на есть красавица»*.

Ника широко открытыми глазами смотрела на мило улыбающуюся подругу, автоматически продолжая протирать запылившиеся в серванте бокалы для вина.

Катя, как ни в чем не бывало, продолжала:

– Но все же, ты себя совершенно не бережешь. Так нельзя, нужно хоть иногда позволять себе отдыхать. Ты прям бледная. *«Как лягушка. Волосы тусклые и формы никакой. Хоть*

бы перестала посещать эти супер-бюджетные парикмахерские со стрижкой за 350р. Одежда та же, что и в прошлый раз, уже застиранная-затасканная и вся – сплошной ширпотреб».

Катя, не обращая внимания даже на то, что Ника не отвечает, отвечала на пискнувшее в телефоне сообщение.

– Я тебя познакомлю с Димочкой. *«Чтобы ему было что сравнить со мной. Особенно в области груди. Размеры на два разнища»*, он такой обходительный и веселый. Развеешься хоть... – Катя улыбнулась своим мыслям.

Ника ошалело смотрела на искренне улыбающуюся ей подругу, донельзя круглыми глазами. Такого ушата грязи ей никогда не приходилось выслушивать. Причем, она думала все это, нежно глядя ей, Нике – прямо в глаза. Вот тебе, и подруга!

Катя, одновременно отвечая на очередное сообщение, продолжала:

«Пока она будет жить рядом с мамочкой, так и будет клушей. Фиг ей, а не «замуж». За собой же совершенно не следит – никакого маникюра минимум уже пару недель, и старый – явно хэнд мейд».

Катя посмотрела на притихшую Нику и еще искреннее улыбнулась:

– Ты чего задумалась-то так? Молчаливая какая-то... Может тебе помочь вино открыть? О, я чуть не забыла! Я же тебе тут принесла совершенно потрясающее предложение из

одного очень солидного косметического салона. Это купон на бесплатную косметическую процедуру, – все так же улыбаясь, Катя положила на угол стола яркую бумажку.

– Эээ, – совершенно запутавшись, проблеяла Ника.

Катя решительно отобрала у Ники бутылку, сосредоточенно и профессионально ее откупорив, разлила добрую половину по бокалам. Со знанием дела.

«И дочку себе под стать растит – чтобы та тоже выросла и стала наследственной матерью-одиночкой с кривыми ногами. Зачем нищету плодить, если для себя так и не пожила? Хотя, с такой внешностью и не поживешь, пожалуй...»

Ника постепенно приходила в себя. Одновременно с осознанием ситуации «изнутри», к ней пришла яркая кроваво-коричневая, до черноты полыхающая непередаваемой терпкой пряностью ярость. Она застилала ее взор, делая картинку неверной, как если бы она смотрела на комнату сквозь бокал вина. Во рту стало кисло-горько, хоть водой запивай.

– Пошла отсюда вон! – вдруг четко и ясно, почти нежно просипела Ника.

Сказать, что Катя была удивлена таким поворотом событий – это ничего не сказать.

Не очень хочется описывать дальнейшую некрасивую сцену. Четыре ступеньки Катя честно пролетела, благодаря преданному ей Никой ускорению. Но с управлением своим телом она быстро справилась, что наводило на подозрения об

опыте в подобных вещах... Следом за ней полетели модные 11-сантиметровые шпильки с кроваво-красной подошвой.

Очень неприятно разочаровываться в людях. Особенно в тех людях, что захожи в твой дом. Такие моменты лучше забыть. А, может, лучше и не знать совсем? Теперь Катя ушла навсегда из жизни Ники. Но... Невелика потеря....

Ника была опустошена. Бутылка вина была откупорена. Ника, поморщившись, сделала глоток прямо из горлышка – кислятина.

Мама вернулась с кухни:

– А... Где Катя?

– Ушла Катя, – сухо ответила ей Ника.

– Вот как? *«Может прозрела наконец-то? Давно пора было ее в шею гнать, погань такую. Вечно приходит расфуфыренная, деньгами хвастается которые она насо...»*

– Да, мам, ну вот как-то так, – Ника болезненно дернулась, услышав, что мама в мыслях практически точно повторила часть того, что ей пророчила проклявшая ее цыганка. Ну вот, опять вспомнилась.

Ника, прежде радовавшаяся цыганскому проклятью, задумалась – а нужно ли ей было слышать мысли подружки? Особенно когда она при этом так искренне любяще улыбалась ей... Дружили же... Эх...

– Ну и ладно, – философски вздохнула мама, – на одну тарелку меньше мыть. Идем за стол.

Ника покорно поплелась. Есть, как-то не хотелось. Нужно

было бы все обдумать. Автоматически, она смахнула в вазочку для хранения несортированных мелочей рекламу салона с пригласительным купоном.

– Ты не забыла, что вам сегодня на рисование? – напомнила Нике мама.

– Не на рисование, а китайскую каллиграфию, – привычно ворчливо поправила маму Ника. Она взглянула на часы и кликнула Ниночку собираться.

Лана, преподаватель новомодной нынче китайской живописи и китайской же каллиграфии занималась с Ниночкой каждую неделю уже несколько лет, т. е. еще до того момента, как эта тема стала модной и популярной.

Ника давно заметила, что у Ниночки неплохие способности подражать и запоминать, когда она говорила что-то по-китайски.

Мама, конечно же, не одобряла Никино стремление научиться Ниночку китайскому языку раньше, чем, по ее мнению, базовому – английскому. Но с Никой не спорила, она понимала, что советское время давно минуло, а к чему приведет такая тесная дружба России и Китая – не известно. Может быть действительно, скоро английский язык перестанет быть базовым, и вовсе станет рядовым иностранным языком.

Удивительным человеком казалась всегда Нике эта самая Лана. Она за несколько лет так и не смогла определить ее возраст и решила, судя по особому взгляду, мировоззрению и еще некоторым приметам, что она ее ровесница. Плюс или

минус. Хотя, если не вдаваться в детали, выглядела она не более, чем года на 23.

У Ники всегда не состыковывались некоторые явные несоответствия стереотипам: Лана жила в богатом доме то ли ее, то ли мужа. Имела она троих детей – двух девочек и мальчика, но фактически ими она обременена не была, поскольку к каждому из чад была приставлена специально обученная гувернантка. В доме у нее были отдельные покои – как иначе можно было назвать просторные залы с высоченными потолками.

Попадая в это пространство, Ника с дочкой как будто бы переносились в совершенно другой мир, в котором даже время текло по иным законам.

Лана носила пышные юбки в пол, старинного кроя. И благодаря своей осиной талии и непередаваемо изящным, как будто немного ленным даже движениям, она была чрезвычайно грациозна и обворожительна. Полное отсутствие косметики делало ее еще более ранимой и чистой, от чего она становилась еще привлекательнее.

Но Нике в ней нравилось другое. Большие ее глаза никогда не становились матовыми. От нее никогда не пахло ванильной, с оттенком тлена – женской ложью или горько-лимонной, с привкусом перекиси водорода тошной умопомрачающей завистью.

Довольно скоро Ника сдружилась с Ланой, если это конечно, такую дистанцию в отношениях вообще можно было

считать дружбой.

Не смотря на полное отсутствие, какой-либо фальши и лукавства, Лана всегда была человеком чрезвычайно закрытым и достаточно быстро пресекла бы любую вольность посмевшегося лезть к ней в душу.

Ниночка смотрела на свою учительницу с полнейшим обожанием, как на фею. Много лет подряд, каждый урок был для нее очередным открытием волшебного мира.

Давно, когда-то Ника попыталась с простодушной материнской тщеславностью выяснить, есть ли у Ниночки данные к китайской живописи и каллиграфии. На что она получила ответ, который так и не стал ответом:

– Не рождается на этот свет гениев. Взрастить гения – огромный труд. И тут все дело только лишь в том, что кому-то из детей везет с родителями, которые заметили и с учителями, которые смогли.

Вообще, каждый урок, который сам по себе был спектаклем двух актеров для Ники, приносил ей что-то такое, над чем можно было крепко задуматься. Ей дозволено было присутствовать на занятиях. Именно – дозволено. Ника понимала, какое огромное влияние на нее оказывает такое общение, но интуитивно чувствовала, что опасности такое влияние не таит и все только к лучшему.

– Сегодня тема нашего урока «ПОНИМАНИЕ» Выглядит это довольно замысловато, – Лана поставила образец иероглифа на специальную подставку. Тонкой изящной кистью

она разобрала иероглиф указкой на составные, которые свела после в единое целое, объяснив тем самым замысловатый узор символа.

– Давай поговорим об этом слове на родном языке. Для начала нужно подготовиться. Понять и почувствовать. Давай начнем с обычных дыхательных упражнений и медитации.

Каждый их урок носил какую-то тему. Но алгоритм занятий был неизменным: несколько упражнений на дыхание, элементы йоги, медитация. Разъяснялось новое слово, его звучание и перевод и последовательность движений для точного изображения символа тушью.

– Старайся быть аккуратной, Нина. Разметь лист, – с подобных слов начиналось работа с тушью. – «Понимание» – что ты представляешь, когда слышишь это слово?

Ниночка с детской ее непосредственностью, не задумываясь привела пример, сделав при этом выражение лица «отличницы»:

– Когда учитель что-то объясняет хорошо, то к ученикам приходит понимание.

– Ты опять узко мыслишь, – скорбно поджала губы Лана. – Ты считаешь, что понимание возникает только во время общения ученика и учителя? Как ты думаешь, сам человек может достичь понимания, без посторонней помощи и наставлений учителя?

– Ну может конечно, если он умный, – хихикнула, блеснув глазками Ниночка, явно ожидая, что следующий вопрос будет задан: «Приходило ли без учителя понимание к ней?» И тогда она гордо утвердительно ответит, подтвердив тем самым, что она девочка умная.

– Ну хорошо, – протянула Лана, – а тогда давай посмотрим на этот вопрос, с другой стороны. Всегда ли понимание – это

хорошо? Вдруг, понимание принесет не радость от полученного знания, а наоборот – горькое разочарование в чем-то? Или в ком-то? Представь, что оно может быть болезненным и человек окажется к нему попросту не готов. Так ты все же продолжаешь считать, что понимание – это всегда хорошо и всегда можно гордиться пришедшим к тебе Пониманием?

Ника задумалась над ее словами. Уроки каллиграфии всегда навевали на нее разные мысли. Всегда заставляли задуматься над чем-то, что происходило с ней на этом этапе жизни. А действительно, хорошо ли это – понимать?

Занятия имели разную продолжительность. Иногда они заканчивали через час. Но порой, при особо сложных заданиях, могли просидеть более трех часов.

Наверное, Ниночке повезло с учителем. Не стремящаяся заработать больше и быстрее, Лана находила отдушину при работе с учениками. Уроки стоили Нике в общем-то символически. А пользы было столько, что пальцев не хватает загибать, даже если разуться.

V. Красота требует

Прошло несколько дней. В один прекрасный день, когда ничто не предвещало, Ника вернувшись с утренней встречи, застала дома плачущую соседку тетю Галю. Мама утешала ее, рассеянно капая валерьянку прямо в чай с вареньем.

– Здравствуйте, тетя Галь! Что случилось?

Тетя Галя кивнула, закрыв ладонью расплзшийся от рева рот и еще сильнее зарыдала.

Ника посмотрела внимательно на убитую горем тетю Галю и подумала, что у нее скорее всего украли деньги из сумочки. От тети Гали исходил своеобразный запах, схожий с запахом желудочного сока. Как если бы человека, чтобы забрать у него дорогое, пришлось вывернуть наизнанку.

Тетя Галя была моложе матери Ники года на три. Она рано овдовела, долго маялась одна с двумя дочками. Теперь они выросли, вышли замуж и тетя Галя, почувствовав себя свободной в полной мере, решила на седьмом десятке лет тоже устроить свою жизнь. В погоне за ускользящей, мягко говоря, молодостью, она продала дачу и наполнила дом тренажерами, гардероб зачем-то шубами – их численность уже перевалила за двадцать. Увлеклась йогой. Посещала массажистов. Использовала корректирующее белье и все время искала убойную по обещанному эффекту косметику.

Оказалось, что мама отдала тете Гале оставшуюся сирот-

ливо лежать на тумбочке после ухода Кати рекламную листовку салона красоты. Она же являлась пригласительным билетом на бесплатный сеанс безоперационной методики омолаживающих процедур, в качестве ознакомления с израильской косметической линией. Листовка обещала посетительнице незабываемые ощущения.

Тетя Галя, посетив салон, вернулась домой счастливая. С чемоданчиком полным волшебных кремов мэйд ин Израиль. А уж на утро она вспомнила, что чемоданчик достался ей не просто так. Она с ужасом смотрела на собственноручно поставленную ей подпись в банковском договоре о кредите в пятьдесят тысяч рублей, где с учетом переплат и ежегодного страхования жизни, она в течение последующих трех лет должна будет отдать что-то около двухсот тридцати тысяч рублей.

Подорвавшись, схватив чемодан и подписанные ею накануне бумаги, она рванула в злосчастный салон красоты. Но улыбчивая девушка на ресепшн только развела руками. Все честно – она прошла бесплатные процедуры. Вот ее подпись и паспортные данные. А то, что она решила приобрести товар и составила договор с представителем банка, как нельзя кстати, находившимся прямо в салоне красоты – это уже ее личная инициатива. Сотрудники салона не могут принять назад товар, оплаченный по кредиту.

Представителя банка почему-то в салоне не оказалось, но деятельная тетя Галя нашла на бланке договора адрес банка

и рванула через квартал, с чемоданчиком наперевес и бумагами в банковский офис.

В офисе банка, посмотрев на подписанный договор развели руками, сказав, что их представитель пока что не представлял экзemplяра банка и поэтому они не могут даже принять заявление, поскольку данный договор еще не утвержден главным банкиром их офиса.

В совершенно расстроенных чувствах, тетя Галя вернулась домой, где не нашла ничего лучшего, как излить горе в мамину чашку чая. С вареньем.

Ника поняла, что бабушку надо спасать. Выспросив адрес, она получила точно такую же листовку-приглашение. Тете Гале дали таких целую пачку – для подруг, с обещанными бонусами за каждую.

Плана конечно же никакого у Ники не было, и она решила действовать по обстоятельствам.

Салон красоты «Пёрфект лайн» находился в бойком месте, на Садовом Кольце. Тетя Галя, уверовавшая и послушная, ждала условного сигнала, сидя тут же – в уголке. Располагался салон удобно от метро. Хотя и на машине до него добираться было просто. Интерьер впечатлял. Девушки заученно улыбались не переставая.

В салоне красоты было несколько посетителей. Все с такими же листовками. Женщины ревниво осматривали друг друга, переживая за то, что собирается очередь, а косметолог, наверное, один и вообще либо не успеют, либо халява

кончится.

Ника слушала всех – охранников, косметологов, промелькнувшую тетку-управляющую. Картина сложилась ясная. Можно было действовать.

Улыбчивая девушка модельной внешности на высоченных «шпильках» начала предлагать чай.

«...Барбитурат вроде в нужном количестве... Много их... Надо было, наверное, побольше положить... Ничего же не случится, если чуточку больше... Зато наверняка...»

Улыбчивая остановилась перед Никой.

– Я чая не люблю, – попыталась отделаться от напитка с «начинкой» Ника. Все понятно – бабок опаивали напитком с наркотиками, а тот черноволосый тип за приоткрытой дверью строчит на компьютере договор с паспортными данными «зарегистрированных по акции».

– Тогда могу предложить вам кофе. Есть так же вода, соки,

газировки.

– И каждый напиток содержит барбитураты? Ну такие же, как в чае, которые пьют те женщины? – Ника ответила ей не громко, но тетки насторожились. Успевшая отхлебнуть чай, понюхала его и поставила на журнальный столик, – извините, девушка, но я здесь не за этим.

Повисла пауза. Улыбчивая девушка, продолжая улыбаться спросила, будто не расслышав:

– Что?

– Я имею в виду психотропные добавки, для увеличения продаж путем подавления сознательных реакций. Относятся к группе лекарственных средств, производных барбитуровой кислоты, оказывающих угнетающее влияние на центральную нервную систему.

Девушка прочла это недавно на инструкции препарата. Видимо прочитанное так запомнилось, что она и сейчас повторяла мысленно описание. Нике не составило труда повторить.

Откуда не возьмись, подскочила высокая, широкая в плечах и бедрах женщина лет тридцати пяти, улыбающаяся совершенно другой – нехорошей улыбкой. Предложила пройти в ее кабинет – управляющего, чтобы она могла ответить ей на все возникшие вопросы и возможно решить на месте... если понадобится... ну, или обсудить...

Ника картинно всплеснула руками, глядя на нее:

– Анна Николавна, помилуйте, какие решения. Вы же

должны понимать, что раз вами заинтересовались. И тут простой взяткой не отделаешься.

– Я кажется... не успела представиться, – проямлила управляющая.

– А мне кажется, вы меня так и не услышали, – Ника угрожающе качнулась вперед, впрочем, тут же откинувшись в удобное кресло в прежнюю расслабленную позу, – Думаю, мне представляться не нужно. Вы случайно обработали не того клиента. Мы долго наблюдали за вашими делишками: в шкафу слева в подсобке две упаковки запрещенных веществ в коричневых баночках. В креме, который наносят в качестве пробного – сложный антибиотик, применение которого чревато тем, что после его разового употребления появляется временный «антивозрастной» эффект, но при этом вырабатывается стойкое отрицание любых других антибиотиков. То есть, ваши посетители рискуют умереть от любого чиха – любой болезни, требующей антибиотической терапии, потому, как ни один другой препарат на них уже не действует. А пока врачи найдут причину – будет уже поздно.

Персонал, все так же улыбаясь, застыл. Не слышно было ни стука клавиш, ни возни в подсобном помещении. А Ника продолжала:

– А потом, когда вы уже решите... ту проблему в Вашем подвале?

– Кк... Какую проблему в подвале, – затравленно озираясь спросила Анна Николаевна.

– Ну та девушка... У которой оказалась аллергия на антибиотики... Она же на косметологическом кресле скончалась... Вы ее уже пять дней держите в мусорном мешке в хлорке... И в чем там еще?

Теперь уже Анна Николаевна всплеснула руками. Тетки, не дожидаясь конца спектакля, шустро собрали сумочки и тихо засеменяли к выходу. Никто их не останавливал.

– Кто вы? – без тени улыбки спросила Нику Анна Николаевна.

– А как вы думаете? – вопросом на вопрос ответила Ника. Анна Николаевна метнула взгляд на девушек, и тех, как ветром сдуло. Ника же, продолжала «задумчиво» рассуждать:

– Я понимаю, что ваше прошлое не дает вам жить по-другому. После восьми лет колонии, да по такой, как у вас статье... Вы же только за примерное поведение всего восемь лет отбыли...

– Сколько? – зло и коротко спросила она Нику.

Ника вздохнула:

– Зовите этого вашего любовника молодого... Как его? Николая?

– Николай, – взревела Анна Николаевна.

– Пусть аннулирует договор и выдаст этой, – Ника небрежным жестом показала на застывшую с выпученными глазами тетю Галю, – женщине необходимые бумаги. А вас попрошу разобраться с той проблемой в подвале. Верните

ее родным. И я думаю, вы понимаете, что ваша деятельность как минимум в Москве закончена. Вы же понимаете, что за вами наблюдают?

Анна Николаевна, опустив вечно матовые глаза кивнула.

– Завтра этой конторы здесь не будет. Только не заводите дело.

Ника кивнула:

– Мы из другого ведомства. У нас дела не заводят.

Анна Николаевна в непритворном ужасе посмотрела на Нику внимательно и кивнула.

Уже через десять минут Ника с тетей Галей направились к далеко припаркованной машине. Деньги вернули, а чемоданчик с чудо-баночками тете Гале подарили.

Удивительно, но тетя Галя чемоданчик взять не побрезговала. Ника бы точно не взяла. Но, что уж там...

Тетя Галя семенила рядом, заискивающе заглядывая Нике в глаза:

– Ника, а я, дура старая, думала, что вы переводчицей работаете... А Вы... В КеГеБэ? – шепотом последнее спросила тетя Галя, с нескрываемым любопытством.

Ника кивнула. Так проще.

– Я понимаю, – часто закивала тетя Галя, поправляя сползающие по влажной переносице очки, – Никому нельзя рассказывать. Я – могила.

Ника посмотрела на нее, как можно серьезней, хотя на самом деле, ей лопнуть хотелось от смеха.

Забегая вперед, тетя Галя, завербовав себя в надежного Никиного осведомителя ежедневно стала строчить ей доносы, опуская анонимные письма в почтовый ящик. Бабка собирала сплетни по всей округе, надеясь, что с такими КГБшниками, как Ника, скоро на земле наступит справедливость и коммунизм.

VI. День, когда все изменилось

Ника возвращалась с очередной встречи. День был тяжелым. Встреча затянулась далеко за полночь. Ночью Ника ехать не хотела и ей пришлось три часа подремать в машине на обочине. Ночь была зябкой, то и дело она просыпалась от ночной прохлады и включала мотор чтобы прогреть машину. От этого прерывистый сон был еще мучительнее. Силы она так и не восстановила, а вот голова страшно разболелась.

Засеребрившееся после очередного зябкого пробуждения утро преподнесло еще один сюрприз – туман. Да еще какой знатный! Плотный, стелющийся по земле, молочно-белый. Хоть ложкой его ешь. Мимо пронеслась, почти невидимая, но слышимая – воя сиреной скорая помощь. Это пробудило Нику окончательно. Нужно было ехать. И так ее домашние наверняка провели бессонную ночь в ожидании, не смотря на предупреждение Ники по телефону. Машина, чихнув, нехотя съехала с обочины и постепенно набирала возможную при такой видимости скорость.

Мало того, что голова без привычной чашки кофе была тяжелая, видимость из рук вон, да еще и козел какой-то уже полчаса хвостом за ней едет, уткнувшись прямо в багажник, светит прямо в зеркало дальнего вида нестерпимо яркими ксенонами фар.

– Понаставили себе лампочек, – пробурчала Ника, свора-

чивая со скоростной трассы на всегда пустую в такое время дорогу, ведущую в город.

Ника продолжала движение, решая, свернуть ли на ближайшем перекрестке, или объехать светофоры по окружной... Внезапно, светивший яркими фарами бешено рванул вперед, прижимая Нику к обочине, буквально вынудив ее повернуть на ближайшем перекрестке.

– Ненормальный придурок! – испуганно выругалась она. Придется теперь собирать все светофоры – дорога вела через главную дорогу города, до которого оставалось не так уж много. Не разворачиваться же при такой видимости...

Справа начинались поля. Туман совсем уж сгустился. Он сгустился, как сгустились события, закрутившие Никину жизнь. Неизвестно к чему все это может привести. Мгла тумана навевала в свойственном Нике ритме мысли:

Не ведая времен начало,
Не мысля о конце времен
Своею думой опечален
И узко мыслить обречен.

Бредет в толпе ему подобных,
Не ищет смысла бытия
Берет лишь то, что взять попроще
Не тратя сил на поиск «Я»

И розни нет, что муж, что дева
Не нужно им и не дано
Объять, обнять просторы неба.
Их жизнь – дешёвое кино.

И нет печали в этих лицах.
Не нужен свет познания им.
Печать на лицах – безразличья
Бездушен взгляд и пуст, и гнил.

А мне о них печали нету.
А мне бы чашу пить до дна!
Но коль дано чуть больше небом —
Иною стань, судьба моя!

Я буду мыслить, жить иначе,
Чтоб даром время не прошло.
И данное мне небом счастье
Водой в песок не утекло.

Познания свет приходит с болью,
Через боль мы рождены на свет.
Но если избран ты судьбою —
Держи удар, держи ответ.

Ты не губи, о свет познания!
Не плачь душа, горя в огне!
Прими, как дар свое проклятье,
Пусть все реально, как во сне!

Не сможешь жизнью жить другою.
Горя, не сможешь утонуть.
Твой избран путь, и уготован
Один лишь этот странный путь.

Нику опять нагнали машины. Все поехали еще медленнее. Никто не обгонял. Ника чувствовала себя неуютно в начале колонны. Намного проще сесть кому-то «на хвост» и ехать, ориентируясь по габаритным огням впередиидущего. В какой-то момент Ника совсем перестала видеть дорогу и уже было собралась включить аварийный сигнал и буквально на ощупь найти по шуршанию гравия обочину, чтобы переждать туман, как вдруг с ужасом буквально за мгновение почувствовала явственнее некуда невидимую преграду спереди.

Дальнейшие события сложно описать однородным повествованием. Позже, она вспоминала, будто вспышками:

Глухой удар и что-то отлетело... Рванул ремень безопасности, выжав разом весь воздух из груди девушки. С шипением сработала подушка безопасности в руле, хлестко ударив Нику в лицо. Ужасная боль, по лицу потекло теплое.

Экстренное торможение, руль вправо, до опасного крена машины... буквально на пределах возможного... По лобовому стеклу вправо и вниз сползло то, что она... Сбила?.. Человек?! О Боже! Она сбила человека?!

Машина, оттормозившись, остановилась, как вкопанная. Сбитый отвалился, оставив на лобовом стекле грязный след. Все помутилось у Ники в голове, и она потеряла сознание.

Через секунду, как ей казалось, она очнулась от резкого запаха нашатырного спирта, назойливо заполнившего все вокруг.

Женщина в голубом халате с накинутой поверх курткой, заполнила собой пространство открытой двери. Она махнула кому-то рукой – мол, очнулась. Ее тут же сменил серьезный человек в форме ДПС. От сотрудника ДПС пахло дикой смесью мужского одеколona, крема для бритья, резкого дезодоранта – как будто он пытался забить ими запах немытого тела.

– Как вы себя чувствуете? Нам нужно составить протокол. Вы человека сбили.

– Совсем? – с ужасом спросила бледная, как простыня Ника.

– Боюсь, что да. Врачи констатировали смерть.

Ника поняла, что туман давно рассеялся. Дорога вокруг нее была оцеплена.

– Я его не видела. Был такой туман...

– Так зачем же вы так быстро ехали, если ничего не виде-

ли?! Вы нарушили 10.1 ПДД – не справились с управлением. Сбили человека, а это, гражданочка, уже ответственность совсем не 12.24 ПДД, где можно отделаться испугом и штрафом от двух тысяч до двух тысяч пятисот рублей. Максимум – лишение права управления транспортными средствами на срок от полутора до двух лет, но это на усмотрение сотрудника, конечно... А тут у Вас... Все серьезно! Причинение смерти, разумеется, по неосторожности в результате наезда на пешехода. Вы же не умышленно на него наехали?

Ника испуганно помотала головой, а серьезный в форме продолжал:

– Я пишу в протоколе квалификацию Вашего случая – статья 264 часть 3 УК РФ. Там уж суд решит меру пресечения. Эта статья предусматривает лишение свободы на срок до пяти лет с лишением права управлять транспортным средством на срок до трех лет.

Ника закрыла глаза. Ей хотелось, чтобы все кончилось, как страшный сон. Она отстегнула ремень безопасности, скомкала бесполезный опавший пузырь из руля и с трудом выбралась из машины. Лицо болело, как от удара боксерской перчаткой. Хотелось немного размять ноги. Даже нет, просто почувствовать под ногами землю. Колени тряслись, ноги были такими слабыми, что Ника пошатнулась, но устояла, держась за открытую дверь машины. Сделала несколько неверных шагов, держась за капот. Как-то совсем автоматически, Ника отметила, что, сбив человека, она совсем не по-

вредила машину. Только испачкала. Она в тот момент как-то не придала этому факту значения, отметив для себя только то, что не будет затрат по ремонту...

Протокол был составлен, зачитан и подписан «с ослов» верно.

Оказалось, что права отбирают после суда. Поэтому Нике после проведенного в больнице мед освидетельствования, которое не выявило ни алкоголя, ни запрещенных к употреблению веществ, отпустили со всеми напутствиями и разъяснениями. Опустошенная совершенно, она поехала домой. Машину отправили на спец-стоянку.

Дома, наверное, не стоит рассказывать, как все было. Нужно было самой осознать случившееся и понять, что делать дальше. Может быть ей удастся через своих работодателей найти нужные связи, всех подкупить и вообще... У того насмерть сбитого, чьего лица Нике даже не потрудились показать, вроде бы не оказалось документов. Пока они будут разбираться, Ника что-нибудь придумает.

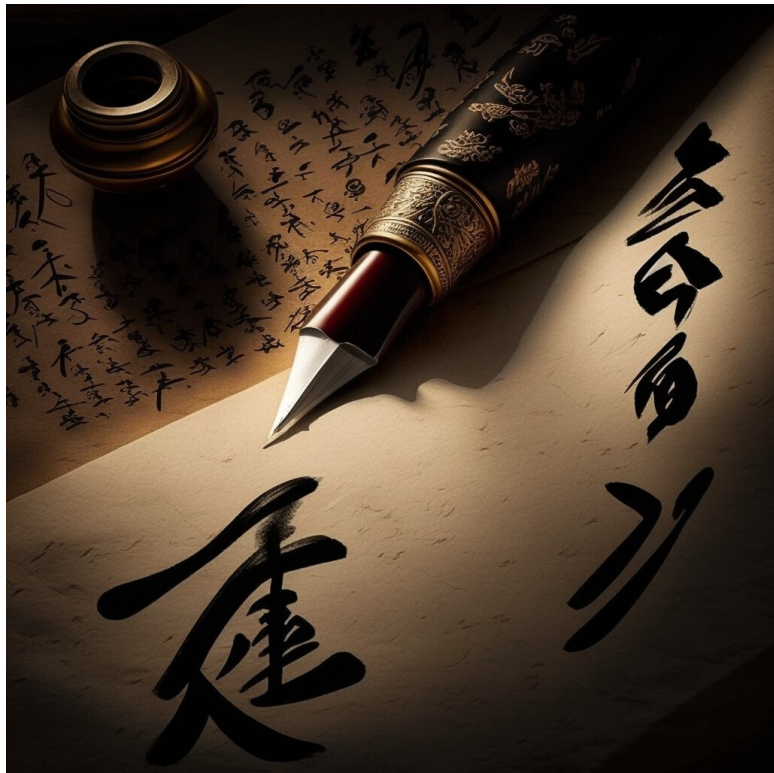
* * *

– Тема нашего сегодняшнего урока «Вина», – начала занятие Лана, как всегда точно и безмятежно. Даже можно сказать, что тема – «в тему».

– Означается это понятие так, – безмятежно продолжала тем временем Лана, показывая Ниночке образец иероглифа,

который им сегодня предстояло изучить во всех подробностях.

– Давай подумаем, что может означать это слово. Может ли быть человек не виновен, когда окружающие признают его виноватым в чем-либо? Как человеку избавиться от груза тайной вины, если ему удалось вину сокрыть от окружающих? Как тяжело, может быть, это чувство и может ли человек его заглушить в себе чем-либо? А может быть вина – чувство вообще не нужное и даже лишнее, может его вообще следует исключить из своей жизни, как некий атавизм, рудимент, чтобы просто жить дальше?..

VII. У человека всегда есть выбор

Бабушка говорила, что у человека всегда есть как минимум два выхода в любой ситуации. Даже в случае, если тебя съели.

На этой неделе Ника совсем не работала. Как-то не до того ей было. Она судорожно, уже по третьему кругу перебирала все свои возможности избежать невеселой весьма участи. Пришла повестка по почте, и мама все узнала. Она почти слегла, похудела, как-то даже постарела что ли, и была много молчаливее обычного. Ника, и до того прибывающая в состоянии полного душевного смятения, совсем сбилась с ног, т. к. теперь боялась, что и так немолодая уже мама на нервной почве совсем сдаст.

Ночь перед допросом, или разбором – черт его знает, как называется куда там ее вызывают, Ника почти не спала. Она сто раз засыпала и просыпалась, бормоча какие-то оправдания себе под нос. Помаявшись так до четырех утра, встала окончательно. Открыв социальные сети и почту, поняла, что даже не воспринимает, что она там смотрит. Выключила компьютер.

Кофе был горьким до жути. Насыпав сахар, Ника с трудом провернула в чашке ложку: насыпала сахар она уже в третий раз, а размешивать стала в первый. Видимо растворимого кофе она тоже положила три ложки. С горкой. Так

кофе и остался почти не тронутым.

Когда волнуешься, косметика ложится совсем не ровно. Ника поняла, что один глаз выглядит гораздо больше и веселее другого. Попыталась что-то исправить смоченной в жидкости для снятия макияжа ватной палочке, но поняв тщетность усилий, стерла все.

Намного раньше нужного Ника уже ожидала в холле ГИБДД. Увалень в окошке мирно прихлебывал ароматный сублимированный, конечно же, кофе. Он был вполне умиротворен – незаметно прошедшая его смена подходила к концу. Стульев возле означенного в повестке кабинета почему-то не было. Был большой, видимо чертежный, стол. Ника, ели державшаяся на ногах от возбуждения и недосыпа взгромоздилась на него, впрочем, тут же поспешно переместилась из центра на край из-за угрожающего скрипа прогнувшейся, под ее весом, столешницей. Все вокруг какое-то казенное, разворованное до полного безобразия и жутко ненадежное... Неприятное заведение. Никогда раньше Нике не доводилось бывать в таких местах.

Наконец, она дождалась молодого, почти мальчика, юркого лейтенанта, худого до нельзя, загнанного вконец службой и собственной добросовестностью. Он взглянул на нее с явным сочувствием, отпер захватанную до черноты дверь с болтающейся на честном слове ручкой и предложил присесть на один из длинной череды стульев у стены кабинета. Стулья были шаткими, жутко потертыми и внушали опасе-

ния, что можно напороться на торчащий в неожиданном месте гвоздь. Ника осторожно присела на крайний, наиболее внушающий доверие с виду стул и оглядела кабинет.

Узкий, длинный. Не больше 12 квадратных метров навскидку. Только и умещалось, что два стола, два шкафа, оргтехника и стулья вдоль стены, оставляя крохотные проходы между этим нагромождением. Несуразной планировки помещение. Везде были папки, бумаги и какие-то схемы. Одинокий, выживающий неведомо как в таких условиях фикус о шести листьях ютился у стены напротив стульев на деревянном длинном и довольно ненадежном чурбачке. Вероятно, цель его обитания в этом кабинете была создать в интерьере хоть немного уюта и расположить посетителей на благожелательный лад. Вот он и держался. Интересно, сколько раз его роняли со столь неустойчивой подставки, пока не привыкли рефлекторно огибать, не глядя? Пахло пылью. А еще... Кабинет был просто пропитан эмоциями. Черно-желтой полосатой прожигающей кислотной ненавистью, алчной жадностью, имевшей прокисший горьковатый привкус пропавших яблок опять же желтого цвета. Радостью простой и честной, а также, жадной радостью с луковым запахом, тем самым луком, припущенным слегка в нерафинированном подсолнечном масле. Радость цвета сизого дыма – с запахом нечестной наживы. И это еще не все. Не меньше, воздух был пронизан такими эмоциями, как покорность (или даже обреченность) и безразличие. Они отдавали пресным хлебом и содой. От-

вратительный букет. Примерно такой же бывал во всех больницах. С небольшими вариациями, конечно. Даже обычной чувствительности человеку становится неуютно в обоих госучреждениях именно из-за «букетов» этих эмоций, настолько насыщенных, если не сказать – плотных, почти материальных на ощупь. И это только самые сильные и ощутимые эмоции. Часами, наверное, можно распутывать клубки этих цветов и запахов чтобы догадаться в общих чертах об историях, происходящих в этих стенах.

Вернулся молодой юркий лейтенант, раскрыл папку и предложил начать. Удивительно, что он даже не спросил Никин паспорт. Ну или хотя бы не убедился, что Ника – это Ника в принципе. Ну да ладно. Не ошибся же – остальное просто детали. Не будем учить молодого сотрудника работать. На вопрос о том, что ей грозит, был дан уклончивый ответ, мол, суд решит, и вообще, он это дело не ведет, а просто подменяет сотрудника.

Ничего нового Ника, в общем и целом, не услышала. Ей предложено было написать объяснительную, но только лишь Ника примостила неловко на колене выданный ей фанерный планшет с ручкой и соответствующим бланком, как дверь без стука отворилась, и на пороге появился средних лет мужчина в обычном гражданском недурном весьма костюме, с плотно повязанным широким узлом под самое горло галстуком. Ника никогда не могла понять, как они, галстучные, не задыхаются, если широченный и явно очень жесткий узел

буквально упирается в кадык. От мужчины исходила целая смесь запахов – лосьона для бритья, дезодоранта, одеколона и чего-то еще. Вероятно, весьма, что запахи сочетались и даже были приятны в умеренном весьма количестве, но в таком маленьком непроветриваемом помещении они тут же назойливо весьма заполнили собой все пространство.

Лейтенант, увидев «галстучного», встретился кратко с ним взглядом, встал из-за стола и ни слова не говоря покинул тесное помещение.

– Ника, – незнакомец поздоровался кивком, назвав ее по имени, странно его исковеркав. По этому одному ударению Ника сразу поняла, что он иностранец. Прибалт? Эстонец?

– Ника, – повторил тем временем галстучный – Ника только кивнула слегка удивленно на его приветствие, – если я правильно понимаю назначение бланка на ВашИх коленаХ – сейчас вы собирайтесь чистосердечно во всем признаться, чтобы в совокупности за садействые, за первое нарушЕНИЕ и за то, что вы являетесь матерью-одиночкой получить снисхожденье от сУда?

«Ой как он говорит коряво! Будто нарочно коверкает, да не знает как правильно это делать!» – подумала Ника.

Она часто работала с иностранцами. С Китайцами точнее. Но они вообще по-русски не говорили. Поэтому и не раздражали своим коверканием Никины уши.

Галстучный протиснулся, наконец, в помещение целиком, широкими своими плечами полностью закрыв узкий проход. В комнате стало гораздо темнее и теснее, а от этого еще более неуютно. Хотя, куда уж больше...

Пройдя ловко мимо Ники, он нестерпимо обдал ее удушающей волной парфюма, удобно расположившись за столом ретировавшегося в какой-то момент лейтенанта.

– А, какой у меня есть выход? – безнадежно повела плечом Ника.

– Выход... Выход, – поправился он, – Есть всегда. И не один. Даже если тебя съели – у тебя как минимум два выхода.

Никина щека дернулась. Только сегодня она вспоминала эту бабушкину притчу, бессцельно убивая медленные минуты до начала казни.

Сквозь запах терпкого одеколона, крема после бритья, дезодоранта и еще черти чего Ника никак не могла уловить суть намерений галстука. Какая-то адская смесь, думала она рассеянно – совершенно невозможно даже думать в таком благоухании!

– Вы хотите предложить мне выход? – на всякий случай поинтересовалась Ника. Разговор был как минимум странным. Но вдруг попросят взятку? Она конечно же согласится на любые условия.

– Я могу. И надеюсь, что вы примете мое предложение. Вы же мать. У вас на иждивение несовершеннолетняя дочь. Пожилая мама, которая сейчас наверняка за вас сильно переживает.

– А, откуда вы вообще все это... Как вы сказали вас зовут?

– Я не говорил. Зачем вам лишняя информация? – галстук серьезно посмотрел на Нику, и она осеклась под его строгим взглядом. Странный акцент. Никогда такой не слышала. Европейец, славянского типа. Может, прибалт? Глаза его не были матовыми. Он не лгал, действительно значит вы-

ход был?

– И что же вы мне можете предложить? – стараясь сдерживать предательскую дрожь в голосе, хрипло спросила Ника. Как всегда, в такие неудобные моменты кровь прилила к ушам, щекам и шее. Боже! Да они просто горели, выдавая ее с головой.

– Продолжение обычной нормальной привычной вам жизни, – Ника отметила, что он сказал это совершенно не коверкая слов. Но удивляться было некогда.

– А... А что я должна буду? Деньги? Сколько? – спросила Ника и тут же в ужасе от сказанного прикрыла ладошкой рот, оглядев круглыми глазами кабинет – вдруг камера пишет, как она тут взятку должностному (?) лицу предлагает. Или не должностному? Кто он вообще? А может и не деньги ему нужны?! А что-тогда?

Мысли бешено крутились в ее голове. Кто это так за нее хлопочет?

Галстучный, глядя на Нику нетерпеливо поморщился. Будто, ему не нравилась подозрительность девушки, и он решил ускорить процесс.

– Я предлагаю вам проехать со мной. Видите ли... Есть некоторые несостыковки в вашем деле... Ваша машина не повреждена. Вы обратили на это свое внимание? Мы могли бы использовать эти вещи, чтобы избавить вас от ненюшных событий.

– Дааа... – ошарашенно протянула Ника действительно

вспоминая, что не отойдя еще после шока она осматривала свою машину и не нашла практически никаких повреждений. А ведь по смыслу, повреждения должны были быть. И значительные!

– Но, – прервал Никины мысли галстучный, опять вдруг начав коверкать слова – Вы вместе с тем все же подписали чистосердечное признание при составлении протокола... Это очень плохо. Вы должны понимать, что вам после суда придется покинуть семью для отбывания срока наказания в колонии поселения. А вашу дочь отправят в детский дом. Это очень-очень плохо. Но как вы уже поняли, есть выход. Выход. Я предлагаю вам пройти тесты.

Ника непонимающе заморгала глазами, не сразу поняв, про какое тесто идет речь. Но, быстро сообразила, что «тесты» означает «тестирование».

– А, – обрадовалась Ника, – детектор лжи? Ну, это конечно. Я согласна. Достаточно детектора лжи?

Галстучный снова поморщился.

– Ника, я ничего не говорил вам о детекторе лжи. Нужны другие тесты.

Никин взгляд потух. Она знала, что существует несколько десятков способов обмануть полиграф. Начиная от медикаментозных средств, притупляющих реакцию наравне с выпитой накануне изрядной порции спиртного, с десятков различных химических средств, искажающих кожную реакцию до широко использующихся у эков приемчиков физиологии.

ческой блокировки обычной реакции, когда они, отвечая на вопросы ритмично сжимали и расслабляли сфинктер ануса, концентрируя все свое внимание на этом занятии.

Видимо галстучный знал откуда-то не только подробности ее личной жизни. Он был знаком с осведомленностью Ники и желал проверить ее как-то по-другому. Жаль.

– Я надеюсь, что вы благоразумная женщина, – продолжал тем временем галстучный, – завтра суд, времени не так уж много.

Никина щека вновь болезненно дернулась – она жутко не любила, когда ее кто-то называл «женщина». Как-то сложилось в современности, что тех, кому не стукнул полтинник и в которых не набралось центнера живого веса автоматически причислялись в вежливом разговоре к категории «девушек». То есть «женщинами» обычно называли ту не определенную категорию лиц женского пола, а явно стареющих обрюзгших крупногабаритных особ, или совсем уж бабушек. А обращение «бабушка», звучало как-то совсем уж рудиментарно. Даже говоря о бабушках в третьем лице, о них говорили скорее, как о пожилых женщинах.

Ника все еще пыталась заглянуть в глаза галстучному иностранцу, чтобы найти истину в его взгляде. Но ее просто душил заполнивший собой все пространство тесной комнатенки удушливый смрад парфюма незнакомца. Казалось, он заполнил не только комнату, но и всю ее суть, от чего она вдруг стала рассеянной и сонной, не способной трезво мыслить и

оценивать происходящее. Потом, она как-то вдруг поняла, на сколько устала ото всей этой так нелепо свалившейся на нее истории.

– О каких тестах идет речь в таком случае – вяло как-то спросила она у галстучного иностранца.

– Вы показали необычный результат не так давно в больнице имени Склифософский. Этот Ваш результат заинтересовал некоторые важные персоны. Так же, было обязательно нашими сотрудниками о Ваших опытах над сотрудниками ДПС. Исходя из результатов Ваших опытов. Вы должны пройти некоторые тесты для начала Вашей слушби.

Ника застыла. Потом поняла, что нужно выдохнуть. Ну человеку же нужно не только вдыхать воздух? Он должен выдыхаться... И вдыхаться опять... Она шумно и судорожно выпустила воздух из груди. Затем подумала еще и сделала вдох. Легкие шершаво заполнил нещадно смердящий парфюмом воздух. Вся ее вялость как-то улетучилась и мысли в голове замелькали как бешеные белки.

Теперь все проясняется. За мной следят. Но откуда?.. А кто за мной следит? И как давно? Стоп! Полный стоп! «Тесты для начала... службы...» О чем речь идет? Я не состою на военной службе и не собираюсь...

Галстучный, видя замешательство Ники и усом не повел. Он продолжал:

– Разумеется, у вас есть ряд вопросов. Я догадываюсь что беспокоит вас больше всего и могу гарантировать то, что в

случае, если тесты пройдут удачно, то во-первых ваша дочь и мать будут обеспечены материально, за ними будут присматривать на время вашего отсутствия и конечно же гарантируется медицинская и любая другая своевременная помощь. Во-вторых я вас могу успокоить в том, что, если вы согласитесь на прохождение тестов, вашей свободе ничего не грозит, вы не будете подвергнуты суду с последующим отбыванием наказания в колонии-поселении, что в свою очередь не приведет вас к тому, что ваша драгоценная дочь – это время должна находиться в детском доме. Я знаю, что-то, что я вам рассказываю вас смущает, или даже полностью переворачивает некоторые ваши взгляды, но, моя донна, я сторонник быстрых и прямых решений. Я просто делаю свою работу. И тааак... Может мы не будем доводить дело до суда и решим все иначе? Ви уже приняли свое решение?

Ника подняла угрюмый взгляд на галстучного:

– Вы из КГБ? Или из ЦРУ?

Галстучный откинулся на стуле и закачался на его шатких задних ножках. Потом стул вновь опустился шумно на все четыре «конечности» и галстучный, скривив рот ответил:

– Насколько это важный вопрос для вас? Вы вдруг возобладали чувством патриотизма и если уж контора – так пусть хоть отечественное Кэ-Гэ-Бе?

– Значит вы меня вербуете в ЦРУ, – безапелляционно сделала вывод из сказанного Ника. Она уже поняла, что такой далекий от ее мелкой жизни мир большой политики ломится

в ее дверь, угрожая раздавить ее привычный мирок в случае неподчинения.

– Я думаю, что для вас слишком много информации будет губительно. Поэтому, если уж вам непременно нужно определиться, какая контора вас вербует – пусть она останется просто Конторой. Скажу единственное, что это намного больше, чем КэГЭБе или СэРЭУ. Но больше этого вам информация просто не нужна. Я так понимаю, что вы согласны. Сегодня Вашей маме доложат, что дело удалось замять, но вам для этого понадобилось уехать на некоторое время. Немного позже вам дадут возможность сделать один телефонный звонок к своим родным. На этом наш разговор окончен, – иностранец резко встал и вышел, не сказав более ни слова.

Ника не в силах была что-то предпринимать самостоятельно. До последнего момента их разговора она пыталась взглянуть в глаза вербовщика и понять, о чем он думает. Но от удушающего парфюма она никак не могла сконцентрироваться, от чего, как она внезапно осознала, у нее в какой-то момент невероятно разболелась голова.

Молодой лейтенант, запыхавшись, доложил строго, как по уставу, что ее ожидает служебный транспорт с сопровождающим.

Ника, мучаясь от накатившей дурноты, с пылающими болю висками, бездумно побрела в указанном направлении к служебному выходу к весне за дверь, прочь от парфюмированного воздуха, которым она почти захлебнулась за по-

следние полчаса.

За рулем насмерть тонированного черного БМВ кто-то сидел. Стекло опустилось и оказалось, что это старый Никин знакомец – ПГ. Ника растерялась:

– Павел Геннадиевич?

– ПГ – коротко кивнул тот.

«Вот значит, как. И он из той же шайки. Что же будет?!», – подумала она, а в слух сказала:

– Здравствуйте... Вы меня куда-то повезете?

– Здравствуйте, Ника. Да, у нас с вами предстоит поездка.

– А можно сначала?... – Ника не успела спросить про поездку домой. Ей как-то нужно было успокоить мать и объясниться с малышкой.

– Домой нельзя, – отрицательно покачал головой ПГ, уловив ее начатый вопрос. – Это основное условие. Вам же все сказали – допустим один телефонный звонок после прохождения экзамена.

– Экзамена?! – в очередной раз брови Ники поползли вверх.

ПГ поморщился.

– Если угодно – тестирования. Я не люблю эти иностранные словечки. Время идет, мы выбиваемся из намеченного графика. Садитесь, поехали.

– Из какого графика?!

– Садитесь же! Или вы передумали? – ПГ был чем-то раздосадован.

Ника молча открыла дверцу машины, из которой пахнуло тем же мерзким запахом смеси мужского лосьона для бритья, дезодоранта, туалетной воды и чего-то еще... Ника отшатнулась, подумав, что в ней, наверное, приехал тот – галстучный и помедлив, села все же, размышляя на тем, не совершает ли она сейчас самую большую ошибку в жизни.

Ее напугали. Она чувствовала себя совершенно беспомощной. Но видимо придется подчиниться, ибо другого выхода в этой ситуации за такой короткий период времени она попросту не смогла придумать.

Не успела Ника откинуться на удобном сидении, как сильная рука сидевшего сзади, совершенно не различимого в темноте человека, прижала ее голову к подголовнику и что-то резко укололо Нику в шею. Темнота...

VIII. Третья сторона медали

Белое. Потолок? Фууу, как же тошно! Восстанавливая последние события, Ника вспомнила странный диалог с иностранным господином в тесном галстуке. Потом... Потом она вспомнила как села в машину к ПГ. И все. На этом ее воспоминания закончились.

Ну что же, достаточно этой информации для того, чтобы найти в себе силы осмотреться и увидеть что-то кроме потолка.

Странная онемелость в теле пугала. Она чувствовала руки и ноги, но не могла двинуться ни на миллиметр.

Взгляд ее тоже как-то замер, изучая белое. Потолок? Какой-то странный. Без деталей. Обычно же потолок не представляет собой однородную белую поверхность. На нем, если приглядеться, куча объектов: датчиков пожарных сигнализаций, камер видеонаблюдения, всяческих осветительных приборов... Люстр, наконец! А здесь все как-то бело и очень однородно.

Обзор закрыло лицо кверху тормашками. Женское лицо. Черноволосая какая-то не очень русская женщина.

Да, и звуков нет. Очень странное чувство. Женщина шевельнула губами, но звук при этом отсутствовал как на экране компьютера, у которого отключены колонки.

Что-то кольнуло в руку. Остро так. Больно. И вдруг мир

вокруг начал оживать. Сначала появились звуки. Мужской голос. Очень знакомый голос. Где же она могла его слышать? Да, точно! Это тот самый доктор, похожий на Жванецкого... Как там его звали?

– Ничего-ничего, милочка, погодите. Это уже почти прошло. Вы просто проснулись немного раньше нужного нам. Поспали бы вы еще минуток десять и эту неприятную процедуру попросту бы проспали.

Над Никой был потолок. Обычный больничный потолок. Ей удалось опустить взгляд вниз. Она лежала, перед ее взором возникла дверь. Прочная такая, с затянутым тонкой решеткой смотровым окошком.

Руки. Она почувствовала, как сковывавшее их неведомое онемение проходит. Ожившее тело пронзила боль. Ломило все – руки, ноги, шею... Тело затекло от длительного бездействия и теперь требовало свое. Ника попыталась подняться, но ее остановили.

– Погодите, милочка, это сейчас нельзя. Может остановиться сердце. Знаете ли, сейчас очень много людей умирают от синдрома «внезапной смерти»?

Нике этих слов было достаточно, чтобы прекратить действия. Умирать как-то не хотелось. Мало ли какой гадостью ее накачали. Паразиты! Справились? Довольны?

Через пятнадцать минут Нике было разрешено встать.

– Где туалет? – хмуро поинтересовалась Ника.

– Если ваше самочувствие еще не пришло в норму, сидел-

ка предложит вам утку, милочка, – широко улыбнулся доктор, похожий на Жванецкого, сложив на груди пухлые руки, соединив пальцы ладоней, – а я отвернусь. Знаете стишок про утку?

*«Если утка лысая
И совсем не крикает:
Значит, в утку писают,
Значит, в утку какают!»*

От него все так же отвратительно пахло... Ника скорее узнала его не по голосу, а по запаху. Своеобразный такой неприятный запах невымытых мужских рук.

Ника понимала, что история, в которую она впуталась каким-либо образом не позволит ей так же легко «спрыгнуть». Она смутно понимала, как могла попасть под наблюдение... Конторе? Кажется, так назвал галстучный иностранец организацию, которая уполномочила... Вербовку? Что-то невообразимое. Непонятно кто, неизвестно каким образом столь широко осведомленная...

– Мне надо позвонить, – хмуро сказала Ника доктору.

– Увы, это решаю не я. Но я обязательно замолвлю за вас словечко, если вы будете послушной девочкой и будете соблюдать все мои рекомендации. Как вы себя чувствуете?

– Нормально, – односложно кивнула Ника.

– В таком случае, если вы действительно хорошо себя чувствуете, мы можем приступить к тестам. Вы готовы?

Ника кивнула. Он молча показал Нике на дверь в санузел. Дождавшись, когда она приведет себя в порядок, доктор постучал в дверь. Снаружи лязгнул запор и дверь открыли.

– Следуйте за мной.

Медицинская лаборатория с молчаливыми лаборантами. Укол ланцетом безымянного пальца. Забор крови. Белая комната с видеокамерой. Молчаливый врач аскетичного вида опутывает проводами с датчиками. Задает контрольные вопросы. Работает полиграф. Напротив нее сидит доктор, похожий на Жванецкого – Дмитрий Арнольдович. Молчит, наблюдая процедуру. В какой-то момент Ника отвлекается от вопросов аскетичного вида доктора, улавливая мысль Дмитрия Арнольдовича: *«Хорошо, что она не знает, что дочку ей больше не увидать»*.

Разрывая пути проводов и увлекая за собой привязанное к ногам кресло, валясь вместе со стиснутым за грудки Дмитрием Арнольдовичем она прохрипела яростно:

– Что это все значит? Что с моей дочерью?!

Чьи-то сильные руки сзади больно сжали ее руки. Как больно! Подлый укол в шею. Опять?! Темнота.

Она еще помнила его глаза. Странный такой взгляд, как будто, где-то он далеко был. А ей так хотелось, чтобы он был с ней. Еще раз. И больше ничего нужно и не будет. Все остальное так неважно. Ведь у него такие руки... Такие... И губы... Очень реальные, как во сне... Но это уже и не сон? Белое... Потолок? Опять?! Онемение отпускает быстро.

Видимо, антидот введен до того, как она пришла в сознание.

– Извините за провокацию, – тяжело вздохнул Дмитрий Арнольдович, – на самом деле с Вашей ненаглядной дочуркой все себе хорошо. Хотя, честно говоря, я не знаю как у нее дела, но если бы что-то было не так, мне бы уже было доложено. Следовательно, у нее все хорошо. Я должен был вызвать в вас как можно более сильные эмоции, которые можно зафиксировать для продолжения исследования. И знаете что? Это удивительно. У вас просто невероятные показатели. Сегодня мы продолжим. Нужно подготовить вас к службе. Для ускорения процесса придется применять медикаментозные методы. Но это совершенно безопасно, можете не волноваться.

– К какой службе? – к Нике вернулась способность говорить. Она была опустошена воспоминаниями ускользнувшего от нее сна и попросту оглушена всем на нее обрушившимся так внезапно и стремительно.

– Это не в моей компетенции, знаете ли, – смутился врач, особенно в эту минуту напомнивший Нике Жванецкого.

Он зашагал размашисто по комнате, остановился, замахал, как ветряная мельница руками и поспешно ретировался к выходу. Обернувшись на пороге, он сказал:

– Приводите себя в порядок. Где находится ванная – Вы знаете. Я жду Вас, постарайтесь уж оперативненько, – мерзко хихикнул он.

Нике ничего не оставалось, как подчиниться.

Лаборатория. Забор крови. Дмитрий Арнольдович уже кивает над результатами каких-то развернутых анализов и непонятных диаграмм.

Ника почувствовала знакомый запах смеси мужского одеколona, лосьона для бритья, дезодоранта с довольно-таки металлическим привкусом. Она не могла не узнать его – галстучный? Ника озиралась по сторонам, ожидая, что он сейчас появится. Но нет, никто не появлялся.

Дмитрий Арнольдович подошел к Нике с сосредоточенным лицом и уселся на белом вертящемся стуле напротив.

– Ника, вы чувствуете аромат мужского парфюма?

– Да. Сильный запах, навязчивый такой... Как же не почувствовать. А что?

– Не задавайте мне, пожалуйста, вопросов. Если они вам заданы, значит это необходимо для получения от вас ответов. Так вот, следующий вопрос: ассоциируется ли у вас этот запах с чем-то? Или, может быть, с кем-то?

Ника понимала, к чему клонит Дмитрий Арнольдович. Лукавить было незачем.

– Я не могу назвать вам его имени. Он не представился. Такой... иностранец... со странным акцентом... Прибалт возможно.?

– Верно. То, что вы чувствуете сейчас – это оружие. Его разработали военные химики и медики для борьбы с такими сверхчувствительными людьми, как вы. Называется оно «Завеса». Цель применения такого вещества – заглушить сен-

сорные данные у людей с широким или повышенным, по-другому выражаясь, спектром чувств – сенсов, эмпатов, сенестезов. Как вам удобнее. Как вам приятнее называть, так и называйте. Это не важно, – Дмитрий Арнольдович махнул, будто досадливо рукой и замолчал, видимо формулируя и фильтруя свои слова, – применение такого препарата лишает способности таких как вы улавливать зрительные, обонятельные и мысленные образы окружающих на короткое время. Как-только ароматическое воздействие прекращается, эмпааты вновь обретают свои временно утраченные способности.

– Я такая не одна?

– Не одна, – вздохнул Дмитрий Арнольдович, – не одна. Но все же, вы – яркий представитель. Ваши результаты превосходят все ожидания, но... Как говорится, «против лома нет приема, если нет другого лома». Ваши способности легко блокируются описанным мною только что химическим оружием «завеса». Моя задача научить вас противостоять действию химического воздействия для того, чтобы в случае необходимости, вы беспрепятственно могли воспринимать необходимую информацию.

– Кому необходимую? – не выдержала Ника.

Дмитрий Арнольдович вздохнул. Поднял на Нику страдальческий взгляд, как бы говоривший: «Ну мы же договорились, что здесь вопросы задаю я?!» и ответил ей, нехотя:

– Я уже говорил вам о своих задачах и компетенции. На

сколько я был осведомлен, в разговоре с вашим – за кого там вы его приняли? Прибалтом, – Дмитрий Арнольдович криво усмехнулся, а Никины брови давно застывшие высоко, сумели еще выше приподняться от удивления – Вы условились нашу контору называть «Конторой». Так о чем же вы хотите меня спросить? По-моему все предельно ясно. И повторю: эта область не в моей компетенции. Когда мы с вами кончим всю подготовку, вам будут предоставлять всю необходимую информацию, – понявший, что Нику он не убедил, Дмитрий Арнольдович, еще раз глубоко вздохнув закончил, – и разрешат возвращаться домой между выполнением заданий. К дочке.

Никины мысли заполнила Ниночка, глаза заволокло мутной пеленой слез. Ника рассеянно позволила делать с собой все что было необходимо доктору. Она была вся в собственных мыслях, в своем ей только понятном мире, укрывшись от остальных такой отрешенностью, через которые даже не проникал смысл распоряжений неприятного ей до ненависти Дмитрия Арнольдовича. Но все же ясно было, что она не у маньяка в руках, человек просто выполнял свою работу, отработывая свой хлеб.

Но с другой стороны... Ненавистный доктор, ненавистная странная история, ненавистные врачи... Очередной, уже ожидаемый укол в шею – ее попросту выключают, как ремонтируемого робота, чтобы не мешалась. Темнота.

Однажды как-то вдруг сон стал явью, ничем от него не от-

личаясь. Она таяла, как шоколад в его объятьях. И эти минуты были центром ее жизни. А все остальное было таким ничтожным...

Конечно, она безумно любила свою малышку и маму. Но ничего не могла с собой поделать. Сколько было усилий приложено для того, чтобы поймать Его взгляд!

Она всегда имела большой успех у мужчин. Раздражающий такой успех. Причем, со странным таким перекосом – чем старше были волокиты, тем большее внимания она получала с их стороны. Отвратительно!

А он был совсем не стар. Весьма импозантен, умен и успешен. Сильный и смелый. Напористый в меру. Он был Мужчиной во всем. От него пахло приятно и правильно. Иногда просто хорошими сигаретами. Иногда лучистым запахом луговых цветов, когда он был расположен к ней и имел хорошее настроение... Иногда, когда дела шли не так, как они должны были идти, Ника сторонилась и ограждала себя от того пылающего сероватого желто-оранжевого, который не просто был неприятным оттенком, а слепил, сопровождая невозможно резким, почти перцовым запахом... Много эмоций, которые менялись, как весенняя погода. Нику пугала такая смена настроений, но ее влекло к нему так неудержимо, что все эти моменты быстро забывались, как если бы набежавшие на солнце облака разогнал дерзкий весенний ветерок. И снова только сияющие солнечные лучи, только приятный запах луговых цветов и хороших сигарет... И тогда он

улыбался. Может быть даже и ей...

Ника маялась комплексом неполноценности – что в ней не так? Самоутверждаться не хотелось, так как, мстя ему за неполученное или недополученное, она мстила лишь себе самой. В своих мыслях она понимала абсурдность ситуации. Не в его вкусе. Попросту некрасивая, по его меркам... Она осознавала со стыдом, что практически вешалась ему на шею, понимая это сама и сама себя казня... Забегая вперед нужно сказать, что единственный выход, который был тупиком истории в том, что Ника уволилась с хорошей работы только по тому, что не могла так больше. Просто не могла. И все. Так началась ее карьера свободного художника.

Взрослый разумный человек не может совладать с собственной слабостью. Ужасно! С другой стороны, время – лучший лекарь всех времен и народов. Тоска проходит постепенно, с ней уходит чувство бесцельно прожитого и беспомощности. Особенно ей помогло то, что она нашла в себе силы поменять так полюбившуюся ей работу с небольшим, но стабильным заработком и с нею уверенность в дне грядущем. Это было для нее чем-то похожим на то, как если бы взять и перевернуть пожелтевший и запомнившийся в малейших деталях лист календаря. Ты просыпаешься рано на рассвете и перед тобой, как карта путешественника, разворачивается новый день и новая жизнь. Перемены всегда пугают, но непременно привносят в застоявшуюся жизнь чувство удовлетворения от того, что все же решилась. Все же

смогла перевернуть эту страницу жизни.

Очень много за всю жизнь возникает таких неприятных историй, о которых не хочется помнить. Хочется думать, что, если про них забыть их и не будет, как небывало. Но все эти моменты, эти люди навеваются в неожиданных тягостных снах, после которых постель измучена и смята, простыни скомканы и влажны и просыпаясь мы почти и не помним приснившееся, если не считать того неприятного осадка и чувство опустошенности. Но солнце встает, разгоняя грустные мысли. Мы глядим на его триумфальное шествие, забывая эти мимолетные видения. Солнце набирает высоту и силу – и начинается новый день, заливая все вокруг нестерпимо ярким радостным светом...

* * *

Белое. Потолок. Скованности больше нет, как и нет понимания сколько времени прошло. Дни? Может недели? Сколько времени она тут? Помещения не имели окон. Возможно они находились на подземном уровне.

Вчера после бесконечных проб крови ей ввели какую-то новую дрянь, от которой ее пустой желудок выворачивало с болезненными спазмами. Дмитрий Арнольдович недовольно качал головой. Действие «завесы» так же, как и раньше оглушало и ослепляло Нику. Дмитрий Арнольдович был недоволен и мрачен. Его не устраивали результаты. Он злился как

будто на Нику, как если бы она могла каким-то образом повлиять на действие препарата.

Белое. Потолок. Ненавижу мужской парфюм. Им пропитано все вокруг. Это невозможно осилить!

Дмитрий Арнольдович сух и скуп на слова. Но не срывает на Нике злость. Чувствуется профессионализм... Наверное.

– Ника, – говорил он терпеливо, у нас совершенно нет времени. Я испробовал все, что было возможно с причинением минимального ущерба для... Гмм... Твоего самочувствия, – он покосился на Нику, пытаясь понять ее реакцию, – мне придется перейти к более сильным препаратам. Они довольно неприятны, конечно же... Но ты восстановишься. Со временем.

Ника с насмешкой вспомнила старую присказку, что человек не собака – ко всему привыкает, а вслух ответила без эмоций:

– Не понимаю, для чего вы это мне рассказываете. Я все равно не могу повлиять на ситуацию, как подопытный кролик.

– Ошибаешься, – вдруг неожиданно, медведем взревел Дмитрий Арнольдович. – Ошибаешься, девочка! Ты вполне способна помочь себе. И мне. Если постарайся. Нужно приложить максимум усилий чтобы побороть эффект «завесы». Нужно стараться, – по слогам отчеканил он. Затем, взяв себя в руки, продолжил, – нужно перетерпеть. Думаю, более сильный препарат непременно окажет нужный

эффект. Итак, к делу.

Забор крови. Опять какая-то дрянь. Новая. Невероятного зеленого неонового цвета медленно пробирается внутрь ее вены, причиняя новый приступ тошноты.

Ломка. Наверное, так ломает наркоманов от отсутствия новой дозы. Но только у нее все хуже. Ее ломает от той дряни, которой пичкают. От нее в желудке ничего не удерживается больше нескольких секунд.

Она уже давно не ест нормальным человеческим способом – только капельницы. Ника не видела себя в зеркале, но бледные тонкие пальцы... И тремор, который со временем прилично усилился, выдавал то, что она невероятно потеряла в весе.

Нужно как-то отсюда выбираться. Как минимум, чтобы найти ту линиящую цыганку, которая ее прокляла на эти мучения. Как-то нужно выпросить ее прощение, чтобы она потеряла способность читать чужие мысли. Иначе они никогда от нее не отстанут.

* * *

Белое. Потолок. Запах парфюма привычен, как воздух. Разве воздух не должен пахнуть этой чертовой смесью? Новая дрянь в вену. Неоновый ультрамарин.

Начались галлюцинации. Стена стала прозрачной и неведомой. И за ней лестница. Ника рванула, увлекая за собой

капельницы и датчики с обиженно зазвеневшими и грохнувшими об пол ни в чем неповинными медицинскими ящиками. Стена была твердой. Разбита губа и левая бровь. На последнюю накладывают швы. Еще пришлось накладывать швы на левую руку, из которой крайне неудачно, с мясом, был вырван катетер.

Нужно найти непременно ту цыганку. Отдать все до последнего, только бы избавиться от ее проклятия. Проклятая ведьма! Ненавистная жизнь! Нужно избавиться от цыганского проклятья или умереть, т. к. такая жизнь уже и не является жизнью вовсе.

* * *

Белое. Опять потолок. Все время белый потолок. Покрасили бы они его хоть во что-нибудь веселое? В цветочек, что ли...

Новое впрыскивание. Катетер теперь на правой руке. На левой после неудавшегося побега длинный уродливый шрам. Не очень-то они, коновалы, старались зашить руку, как минимум не уродуя. Придется всю одежду носить с длинными рукавами.

И вдруг началось ЭТО. Нику оглушили голоса.

– ...10 кубиков и глюкозу в прежней пропорции. Давление...

– ...на девятнадцатой странице наверняка была ошибка в

формуле. Нужно...

– ... и никогда за собой не убирает, я же ей не прислуга в конце-то концов...

– ...после смены нужно позвонить жене и сказать, что задерживаюсь на работе, иначе ни пива, ни футбола...

– ...на четырнадцатом уровне опять что-то с электрикой, нужно вызвать...

– Ты что-то слышишь? Ты слышишь меня? Ника! – Дмитрий Арнольдович тряс ее, словно грушу.

Ника ошарашенно подняла на Дмитрия Арнольдовича глаза. Он ликовал.

– Девочка моя, мы победили! Приборы фиксируют нужную реакцию. Это полная победа. Что с тобой?

Ника сорвала опутывающие ее голову провода и ревя, как раненная тигрица, завалилась на бок, под ноги доктора. Под его ошалелым взглядом, она каталась по полу, обхватив руками голову.

– Ты слышишь?

– Слишком много... Голоса... Везде... – перекрикивая ревущую в ее голове толпу Ника. Себя она почти не слышала. Огромным облегчением была привычная уже острая боль от укола в шею и наступила спасительная темнота.

* * *

Белое. Опять. Опять белый потолок. Сколько можно?!
– Ничего, ничего, – утешал Дмитрий Арнольдович. – По-

пробуем уменьшить дозу до приемлемого результата. Как это было? – с любопытством вопрошал он.

Первым желанием Ники было – огреть чем-нибудь тяжелым доброго доктора по голове. Она взяла себя в руки и постаралась ответить как можно спокойнее:

– У меня как будто радио включили в голове. Сразу все частоты. Что такое 14 уровень?

– Мы на 13-м, если угодно, – рассеянно отмахнулся от ее вопроса Дмитрий Арнольдович, – так ты действительно слышала их. Это не галлюцинация, как в случае с твоей «прозрачной» стеной. Хотя... За стеной действительно лестница. Ты понимаешь? Ты вообще понимаешь свои возможности? Через «завесу», сквозь нее и так ясно! Мы почти у цели. Как-только мы найдем нужное соотношение препарата, чтобы ты могла сама выбирать что тебе из хора окружающих мыслеобразов нужно принимать, а что отфильтровывать за ненужностью – все! Зашиваем «торпеду» в кость, и ты пригодна к службе. «Торпеда» растворится за месяц, не причинив вреда.

– Я хочу увидеть свою дочь, – обречено и твердо, в сотый раз сказала Ника.

– Хорошо, – вдруг как-то неожиданно легко согласился Дмитрий Арнольдович, – Хорошо. В общем-то я уже уладил этот вопрос. Как-только сегодня закончим наши тесты, ты отправишься домой.

Ника просто не верила своим ушам. Она уже свыклась с

мыслью, что останется тут навсегда.

Соотношение необходимой дозы ультрамариновой дряни было найдено достаточно быстро. Если не вводить антидот, «Завеса» на Нику не действовала. А через месяц должны были произойти изменения на клеточном уровне, что делало Нику не чувствительной к антидоту. Нике было велено записывать то, что она слышала на диктофон, человек находился в ее прямой видимости. Затем человек удалялся от нее на максимальное расстояние. Выяснилось, что Ника может слышать мыслеобразы примерно на таком же удалении, как если бы она слушала речь обыкновенными органами слуха. Одно отличие было в том, что она теперь могла управлять своим восприятием, понимая четко, когда человек говорил, а когда думал. Четче и яснее всего она могла воспринимать мыслеобразы тогда, когда человек встречался с нею взглядом. Тогда практически невозможно было отличить говорит ли человек, или только думает. За загородкой Нике очень сложно было понять, кто из двоих мужчин подумал то или иное. И удавалось это только по каким-то характерным оборотам речи, которые она ранее встречала при общении с человеком.

Дмитрий Арнольдович проводил Нику в комнату, где она могла привести себя в порядок и сменить больничный наряд на свою родную привычную одежду, которая была на ней в тот последний злополучный день, когда она поехала на разбор... Одежда висела на Нике, как на вешалке.

Но Нику свежую, и переодетую в будничную одежду, вели по тускло освещенному коридору в переговорную комнату. Она не удивилась визитеру – галстучный иностранец, вот кто ее ждал за столом.

Мерзкий, но такой привычный уже запах парфюма не окружал его на этот раз. «Завеса» на этот раз была не нужна – она не работала более по прямому назначению и оставалась для Ники просто ненавистным резким запахом. Организм Ники был истощен до невозможности. Она держалась только одной мыслью о том, что скоро будет дома.

– Здравствуйте, Ника! – галстучный иностранец за это время так и не научился ставить ударения куда положено.

Ника хмуро кивнула на приветствие. Без приглашения села за длинный стол. Тут могло вольготно разместиться как минимум двадцать человек. И за столом, вдоль стен по всему периметру комнаты так же стояли плотным рядом стулья немислимым количеством. Планировали, наверное, под сотню человек посадить плечом к плечу.

Комната была просто классической, будто выдернутой из фильма про войну. Освещение было расположено непосредственно над столом, от чего остальная часть помещения оставалась в полумраке. В кино в таких комнатах проводят самые важные военные совещания. На столе расстелены карты расположения войск и люди в защитного цвета форме склоняются вокруг, дымя едким дымом папирос, поднимавшимся к потолку, окутывая глухие зеленые абажуры.

Но сегодня было все не так. За полированным столом, во главе сидел галстучный с совершенно непроницаемым, будто каменным выражением лица.

Перед ним лежала папка-скоросшиватель. Пухлая такая, картонная папочка, с белыми завязками и надписью: «Дело №». На ней ничего не было написано. Завязки были затянуты в бантик.

Дождавшись, чтобы Ника расположилась на стуле рядом, галстучный кивнул и перешел к делу.

Потянув за завязочки, он открыл лежащую перед ним папку и извлек из нее объемную скрепленную в левом верхнем углу стопку бумаг с надписью: «Соглашение о неразглашении».

– Для продолжения нашего разговора, вам необходимо ознакомиться с этим документом и подписать оный. Вот ручка.

Ника открыла последнюю страницу и потянулась к строке, где ей предстояло поставить подпись. Галстучный остановил ее, спросив удивленно:

– Ну почему Вы, русские, никогда не читаете то, что подписываете? Неужели у вас нет никаких вопросов?

– Потому, что что бы там ни было написано, у нас, как вы говорите, у русских просто нет выбора. В любом случае. Иначе нас реально просто съедят и будет уже не смешно.

Галстучный посмотрел на нее долгим взглядом, в котором даже можно было прочесть некоторое сочувствие и кивнул.

Ника в полной тишине подписала все бумаги. Почему-то ей запомнилось то, что подпись пришлось ставить двенадцать раз.

– Ну хорошо. Раз мы так быстро перешли ко второй части, продолжим. Мне предоставлена честь вручить вам гонорар за вред, причиненный Вашему драгоценному здоровью, моральный вред, понесенный вами и Вашей семьей, а так же за каждый день пребывания здесь. Всего тридцать четыре дня. Сегодня первое июля две тысячи шестнадцатого года. Семнадцать ноль пять, если быть точным. Так же, в сумму выплаты включена сумма упущенный вами выгоды, по проведенному нами анализу вашей коммерческой, – он усмехнулся, – не совсем узаконенной, в налоговом плане деятельности. Конечно же, мы не стали учитывать налоговый вычет. Это ваше личное дело.

Галстучный достал тонкий конверт и карту Сбербанка.

– Я побеспокоился о подключении карты к остальным Вашим счетам с доступом по онлайн банку. вы можете по приезду домой убедиться в начислении средств на эту карту. Пин-код в конверте.

Из-под стола был извлечен выключенный телефон и сумочка Ники.

– Телефон разряжен, я думаю. Но уверяю, ваши близкие в полном здравии. Ваша дочь получала должный уход и присмотр. Ваша мать была под контролем опытного медика под легендой соседки. А теперь ваша легенда: вы ездили с де-

легацией к полярникам с китайской делегацией. Была плохая погода и ледоход не смог пробиться в назначенное время. Теперь вы вернулись с хорошим заработком, т. к. платили вам почасовую оплату. Так что, – усмехнулся криво галстучный, – как говорит один ваш очень, – сально ухмыльнулся галстучный на последнем слове, – хороший знакомый, вы озолотились.

Ника никак не могла дождаться окончания этого разговора. Она вся стремилась домой. К маме и Ниночке.

– Ну-с, закончим, – встал из-за стола галстучный конторщик, – надеюсь, про то, что нельзя ни о чем рассказывать, либо писать, либо публиковать в интернете вам понятно? Вы подписали...

– Я все поняла, – перебила его вновь начинающуюся лекцию Ника. – Поехали?

– Вам завяжут глаза и разрешат снять повязку, когда покинете засекреченную территорию этого объекта и ее видимость. В ближайшее время вас вызовут поэтому, – Галстучный вынул из пиджака малюсенький, похожий на калькулятор телефон и почтительно подал его Нике, – телефону, когда ваше присутствие необходимо будет для уточнения... Ммм... Важных деталей. С вами свяжутся. Ждите.

Ника была согласна на все. Только бы вновь обнять таких родных ей людей.

Повязка на глаза. Немного давит. Ее усадили на портативную кресло-каталку. Везут по коридору. Остановились. Ви-

димо лифт шумит. Входим в него. Поднимаемся. Ника пробует считать этажи, но тщетно. Остановка быстро и аж подбрасывает... Скоростной лифт. Вывозят. Воздух!!! Ника дышала полной грудью воздух лета и никак не могла насытиться. Никакого чертового парфюма! Просят пересесть. Это машина. Водитель молчит. Едем. Уже минут пятнадцать в пути.

– Теперь, можно снять, – сказал знакомый голос ПГ.

Ника медленно стянула повязку и потерла лицо руками, кинув на предателя злой взгляд. Это он увез ее в эту чертову лабораторию обманом. Сколько же ей пришлось пережить...

– Плохо выглядите. Бледная, – с беспокойством посмотрел на нее ПГ, – *«Но все равно красивая. Очень!»* – добавил он про себя.

Ника сделала вид, что не слышала его мыслей. Теперь ей стало ясным как отличать мысли от слов: слова более окрашены, более эмоциональны, чем мысли. И уже не нужно теперь следить, открывает ли рот собеседник. Наверное, сложно будет понять мысли ли это или слова, если, к примеру, это будет крайне неэмоциональный, если даже не сказать – сухой человек. Но такие люди Нике еще ни разу не попадались.

Ехали молча. Скоро местность стала узнаваема. Потом еще больше знакомых деталей. Синий дом. Варшавка. Трасса. А вот и мой розовый домик. Такой любимый и родной. Потому, что там – мама.

IX. Дом

Мама и Ниночка встретили ее так, как будто всего она пару дней отсутствовала. Ниночка незамедлительно после расцеловывания с мамой исчезла, где-то под диваном почти целиком – только попа смешно торчала. Ребенок пыхтя вытаскивал что-то упирающееся.

– Котенок? – удивленно посмотрела на взъерошенного совершенно серого товарища, спокойно усевшегося в нелепой позе на руках девочки. Кот тут же умильно замурлыкал. Громко, как трактор.

– Ну да, мам, ну ты же сама разрешила. Тетя Антонина же сказала, что у меня никакой аллергии нет и можно котенка взять... А ты еще по телефону его не разрешила называть до твоего приезда, не помнишь, что ли?

– Антонина?

– Никуша, – мама увела ее за руку на кухню, – ну это та са-

мая новая соседка... Я же тебе рассказывала по телефону... Ну у которой первое образование педагогическое, а второе – медицинское... Она мне давление мерила... И сахар... А потом как-то помогла Ниночке с уроками... Ну и как-то за-хаживать стала... Буквально каждый день. Энергическая та-кая женщина... И совершенно одинокая. Буквально не знает куда себя девать. А я что – я только рада была... Ниночку подтянула по математике. И консультирует нас постоянно по медицинской части... Особенно когда Ниночка подхватила ту странную заразу в школе, с сыпью...

Мама посмотрела Нике в глаза. Как в душу...

– Я... Я не с тобой по телефону говорила? Да?

Ника молчала и смотрела на маму, не зная, что сказать.

Мама тяжело опустилась на стул.

– Мне в тот день, как ты уехала все ясно стало. Когда при-шел такой... Нерусский... Прибалт в галстукe таком... С уз-лом большим... От него еще каким-то советским «Шипром» смердело на весь подъезд. Он мне дал конверт... А в конвер-те денег... Сто тысяч рублей... Сказал... В общем... Ниноч-ка же у меня... Куда деваться...

– Антонина?

– Антонина переехала как раз на следующий день в квар-тиру бабы Шуры, царствие ей небесное... Аааа... И Антони-на? А я радовалась, дура... На порог ее не пущу, гадину...

Нина вздохнула и тяжело опустилась на стул. Подняла на маму вымученный взгляд.

– Пусть приходит, как раньше. Хуже точно не будет. Мне все равно придется уезжать иногда. Ненадолго... Наверное...

Мама метнулась к Нике:

– Что они делали с тобой?! Ты исхудала вся... Бледная такая, аж вены светятся...

Ника упрямо мотнула челкой:

– Ничего. Все в порядке, – и вздохнула, – Я дома!

В кухню шумно вбежала Ниночка с котенком на руках и сунула его Нике на колени. Котенок моментально улегся на спину, выпятив смешно пузо и начал ловить Никины длинные волнистые волосы, а поймав, начал с упоением вылизывать прядь, уютно заурчав. Совершенно ручной зверек, конечно. Смешной.

– Мама, – требовательным тоном заявила Ниночка, – мы его должны срочно назвать. Он уже неделю ходит по всему дому совершенно без имени.

Котенок тем временем, обмусолив Никину прядь почти до основания, взлохматив ее порядочно. Для чего ему пришлось подняться на задние лапы, и даже залезть на стол, с упоением принялся вылизывать Никино левое ухо таким шершавым языком, что Ника поневоле рассмеялась:

– Ай, зайчик, ну куда ты залез, невоспитанный какой... Вот подлиза волосатый, пристал же, как репей! – С трудом отцепив котенка от своей шевелюры, Ника вернула дочери питомца.

– А что, Зайчик ему вполне подходит. Зайчик! Зайчик!
Кис-кис-кис! – Ниночка поставила его около миски, куда тут же насыпала хрустящие кошачьи печенки.

Котенок Зайчик милостливо захрустел ими.

– Мама! Он откликается, – радостно завопила Ниночка. –
Зайчик, Зайчик! Тебе понравилось твое имя?

Мама увлекла за собой Нику:

– Ну, ладно, – сказала мама, – Дома – и ладно. Вот, в кон-
верте лежали еще твои права и розовая бумажка на машину.
Машину видимо тот вонючий прибалт пригнал... Я уж, по-
том ее увидала, как мусор пошла выбрасывать...

– Мама, а мы на китайскую грамоту поедем? Я так соску-
чилась... Хочу слова опять изучать... – Ниночка уперлась
в Никины колени и сделала большие умильные глаза, как у
мультишного кота из «Шрека»...

– Конечно, дорогая, – согласилась Ника, не смотря на про-
тестующие вопли мамы, типа «не трогай маму, она только
приехала» ...

Бережно и терпеливо прогрев мотор, Ника плавно повела
старенькое авто по пустой улице. Ниночка без умолку рас-
сказывала ей о школьных своих важных делах, перебивая са-
му себя вопросами:

– Мам, а китайцев там много было? Они какие? Как
негры, только китайцы? А тетя Антонина говорила, что зна-
ет эту станцию геологическую, у нее там муж покойник слу-
жил этим, который температуру меряет по часам... Она хоть

и важная была станция, но как непогода – туда ни пароход, ни вертолет пробраться не могли... И связь только раз в день и та только с разрешения начальника... И слышно тебя паршиво было, как будто вообще не твой голос... И ты все время тушенку ела? По ГОСТУ хоть, или как мы тогда купили? Ника даже что-то отвечала ей...

Лана не спросила, почему мы так долго отсутствовали. Она за это время много рисовала какие-то странные геометрические узоры, которые она назвала странным, ругательным почти, словом – «Мандалы»... На листе циркулем прорисовывала симметрично пересекающиеся круги. Получившийся узор разрисовывала сияющей перламутром краской. К каждой готовой «Мандале» уже была подобрана со вкусом рамочка... Все стены были увешаны десятками совершенно разных таких узоров... Видимо, она начав, не смогла остановиться...

– Сегодня тема нашего урока будет «Возвращение». Я рада твоему возвращению. И вижу, что ты так же этому рада. Но если нам приятно возвращаться, например, домой, то не будет ли этой причиной тому, что мы захотим уйти, чтобы вновь испытать радость возвращения? А если возвращаться будет неприятным или болезненным из-за того, что мы находим совсем не то, что ожидаем найти? Быть может возвращаться страшно? А бывает и так, что мы очень рады вернуться, но есть неоконченное дело, которое нужно завершить, чтобы вернуться и больше уже никогда не расставаться? Например, то, что послужило причиной расставания. Иногда, устранение такой причины становится нашей целью. Ведь тогда возвращение будет настоящим, окончательным и победным. Главное не забывать, что цель – не устранение причин разлуки, а возвращение домой. Навсегда.

Х. Как вернуть прежнюю жизнь

По дороге домой Ника ехала в тишине. Уроки каллиграфии давались малышке непросто, но она не сдавалась и относилась к этим занятиям с полной отдачей. Обычно по дороге домой она дремала. И сейчас ее тоже сморил сон. Все шло так, как будто Ника никуда не исчезала. Обычный день. Обычное занятие. Едут домой так, как бы и не было этой странной закрутившей ее бытие истории, будто бы гигантским маятником, все набирающим и набирающим обороты. И чем больше был размах этого эфемерного маятника, тем страшнее, а позже и невозможно было бы спрыгнуть с него... Но сейчас все так, как раньше. До всех этих сверхспособностей... До той полинявшей цыганки... До тех пор, пока ее не призовут на странную службу, службу неизвестно для чьих интересов. Какая-то Контора... Как эта Контора могла вообще отследить то, что ее прокляла цыганка и она вдруг стала обладать феноменальным сверхчувствительным слухом... А вот может быть...

Ника как раз проезжала мимо гипермаркета – того самого гипермаркета, в котором ее встретила в тот злополучный вечер цыганка... Ника свернула на стоянку так резко, что шедший сзади водитель взвизгнул тормозами и отчаянно сигналил...

– Курица! – донеслось из грузовика, шедшего за машиной

Ники...

Раньше бы она не преминула ответить на это обидное прозвище, но сейчас она всем своим существом рванулась к открывшейся ей истине: если она найдет цыганку, попросит, вымолит у нее прощение, отдаст все деньги какие-только у нее есть – только бы она смилостивилась и сняла с нее свое проклятье... Тогда не будет службы – они поймут, что она ничего не может и оставят ее в покое. Зачем ей такая жизнь, если она никогда не сможет жить по-человечески – ее могут в любой момент выдернуть из привычной жизни, отправить черти-куда с риском наверняка для жизни... Зачем такая жизнь, где она и ее близкие под неусыпным контролем, который в любой момент может превратиться в нечто страшное и неотвратимое...

Но стоянка была пуста. Нет, конечно, она, как всегда, была многолюдна, но искомой личности, равно как и других цыган сегодня не было.

– Мама, мы что ли, приехали уже? – раздался с заднего сидения сонный голосок.

Ника молча покачала головой, развернула машину и поехала домой.

Нужно было как-то пережить все что было. Передумать. Уложить мысли по полочкам. Для этого Ника решила, как во всех непонятных ситуациях попросту лечь пораньше спать. Как говорится – утро вечера мудренее.

Утром Нику разбудило яркое солнце, настойчиво пробирающееся в щели занавесей. Выпив не без удовольствия крепкий свежемолотый кофе, Ника решительно собралась и вышла из дома.

Она знала, куда ей нужно ехать. Был один такой район, близ ее поселка – там дачные участки раскупались крайне неохотно, даже по самым соблазнительным ценам. Соседство с поселением огромного цыганского табора никого не прельщало.

Ника ехала по дороге, проложенной по лесу. Кроны деревьев образовывали зеленый шатер над дорогой, такой плотный, что дорога практически не была освещена, только что «зайчиками» от просветов в листве. Ника ехала по этим «зайчикам», и дорога убаюкивала ее сознание так, что ей пришлось резко кинуть руль вправо и съехать в неглубокий кювет – на дороге стоял человек. Ребенок лет пяти-шести. Цыганенок.

Ника вышла из машины вся дрожа. Опять. Она чуть опять не сбила пешехода. Ужас какой.

– Мальчик, ты в порядке? «Я тебя не задела?» – дрожащим голосом спрашивала она, ощупывая руками худенькое тельце.

– Барон сказал тебя тут ждать. Сказал – привести тебя к

нему.

Сказав это, мальчик подошел к передней пассажирской двери и взялся за ручку, вопросительно глядя на Нику.

– Поехали? – все еще дрожащим голосом спросила Ника.

Мальчик кивнул. Он, будто привычно, по-хозяйски сел в машину. Мотор завелся легко и машина удачно вернулась на дорогу.

Когда камушки с обочины отшуршали свое под машиной, Ника попыталась расспросить мальчика, как он ее нашел и вообще откуда он узнал что именно сейчас она поедет и именно по этой дороге... Мальчик отмалчивался, пока вдруг спокойно так не ответил:

– Барон сказал – ты только у него можешь спросить, что пожелаешь. А я не Барон. Мне только тебя проводить сказали.

– Разговаривать нельзя? – удивленно спросила Ника.

Мальчик отрицательно помотал головой. Дальше ехали в тишине. Но не долго. Оказалось, что они почти на месте.

Домом Барона конечно же оказался самый большой и богатый. Откатные кованые ворота. Охрана. Своеобразная. Цыганская.

Нику пропустили в дом. Провели в просторный зал. В такую жару в доме горел камин.

– Сосиски люблю жарить, – вздохнул на ее удивленный взгляд пожилой импозантный мужчина.

Конечно, в золоте. Конечно, в белом. Властный. Умный.

При ближайшем рассмотрении, Ника поняла, что он действительно стар. Хотя... Скорее, он был усталым и очень собранным. Господин с ухоженной седеющей окладистой бородой.

– Я знал, что ты придешь. Мне мать говорила. Будешь цы-

ганку искать. Добром тебя прошу – разворачивайся и уезжай не оглядываясь. Ты нам большую беду можешь принести, если будешь упрямиться. А та, кого ты ищешь – ее тут нет. И не было никогда. И нигде ее не было. Уезжай.

Он махнул рукой в золотых перстнях и двое крепких «охранников» вежливо, но настойчиво выпроводили Нику восвояси.

Ника все так же в полном молчании развернула машину и поехала назад по дороге, уже не обращая ровно никакого внимания на световых «зайчиков».

Барон не врал. И мысли его были почти теми же, что и слова. Скорее, он попросту думал на своем языке, переводя мысли на русский. Но не более. Она больше приняла от него, чем слышала. Он боялся. Синий липкий страх душил его. Как же страшно было старому Барону! Он боялся ее и того, что она должна была принести ему и его народу. Ника не понимала от чего такая реакция. Она же просто слабая женщина. Одинокая мать. У нее всего-то богатства что дочка да мама. И миллион на счету. Только как-то не верится ей, что этот миллион ей каким-то образом поможет избавиться от странной предстоящей ей службе в жуткой Конторе.

Зазвонил телефон. Да так резко и неожиданно, что Ника вздрогнула и чуть вновь не увела машину в кювет. Пришлось остановиться, чтобы найти малюсенький аппарат в обширной дамской сумочке.

В трубке раздался голос ПГ:

– Ника, добрый день. Это ПГ. У тебя есть задание. Как выедешь из цыганского поселка, незамедлительно следуй домой. Это займет не более пятнадцати минут. И у тебя будет тридцать минут собрать вещи. Мы вылетаем из Домодедово. Я буду ждать тебя возле подъезда.

Ника ни слова не сказав, отключила телефон и крепко сжав руками руль, прибавила скорость.

XI. Первое задание

Как и было условлено, наглухо тонированная машина ждала Нику возле подъезда. ПГ услужливо открыл перед ней дверь. Ника села внутрь, но вдруг дернулась, вспоминая укол в шею и темноту после.

– Все в порядке. Мы одни, не бойся, – ПГ, для достоверности, приоткрыл заднюю дверцу, освещая пустое заднее сидение.

Но Ника уже думала совсем о другом.

– Откуда вы знали, что я была в цыганском поселке? За каждым моим шагом следят? У меня такое ощущение, что они, – Ника указала глазами на потолок машины, – следят, знают не только где я нахожусь, читают мысли... Все про меня знают...

– Ну, – усмехнулся ПГ, – читать мысли – это скорее по твоей части. А вот знать о человеке можно очень многое, совершенно не обладая сверхспособностями. Местоположение пеленгуется по сотовому телефону. В конце концов, камеры на что? Сотрудников много штатных и внештатных. А чего ты хотела? Просто творить чудеса? Издеваться над сотрудниками полиции и бандитами просто так? Нужно же отдавать отчет, что если ты что-то можешь и об этом узнают... хмм... компетентные органы... Вероятно они могут заинтересоваться тем, что будет полезно для Конторы и ее деятель-

ности.

Они некоторое время ехали молча. ПГ про себя напевал какую-то разухабистую песню... Больше Ника ничего уловить не могла. Через некоторое время ПГ перешел к делу:

– Сейчас я тебя введу в курс дела. Мы отправляемся в Санкт Петербург на частном самолете. Контора имеет сведения о крупной партии оружия, которая прибывает в одном из контейнеров для вооружения террористической группировки, возможно «Игил» (*запрещено на территории РФ, прим.*). Точной информации нет. Досматривать абсолютно все прибывающие контейнеры нет физической возможности. Но есть сведения, что в этом замешан один из таможенников. В телесериалах такого сотрудника называли бы «кротом», но здесь... В общем все здесь кроты и каждый имеет какой-то свой интерес. Не за зарплату же они живут так, как они живут... Твоя легенда: ты психолог в рамках очередной предатестационной проверки из Москвы. Ну там – домики им скажешь нарисовать или что там психологи делают... Тебе подскажут, не переживай, все продумано. Обычно обходится без экспромта. Цель – понять кто «наш крот» и вывить контейнер с оружием.

Ника слушала ПГ, отвернувшись к окну. Она рассеянно смотрела на проносящиеся фонари и деревья за окном машины. На такой скорости все за окном было серо-зеленым забором.

«Если найти цыганку, то все закончится. Скорее всего,

она в поселке. Но Барон почему-то не хочет ее выдавать. Может, он боится чего-то? Про какую-то беду говорить начал... А может денег хочет? Нужно было деньги предложить!.. Как-то не удалось с ним поговорить, зря я дала себя увести тем амбалам, нужно было быть настойчивой. Стояла, как рыба – ни слова не успела сказать...»

Голос по радио вырвал Нику омота мыслей.

«...И сейчас с места происшествия наш специальный корреспондент Игорь Мамонтов. Игорь, что же там произошло?

– Да, Илона, я на месте произошедшего буквально недавно на юге Подмосковья взрыва. Взрыв прогремел в некогда процветающем цыганском поселке. По мнению экспертов, инцидент произошел из-за несанкционированной врезки в газовую магистраль с целью пиратской, если так можно выразиться, откачки газа. Врезка в газовую магистраль была проведена не специалистами, с использованием некачественных материалов и с нарушениями всех мыслимых норм безопасности. По оценкам специалистов, вследствие этих незаконных действий произошел мощный взрыв и последующее за ним возгорание, которое быстро распространилось на все близлежащие дома и вскоре все поселение было охвачено огнем. На данный момент использованы более пятидесяти семи единиц техники, привлечена авиация. Количество погибших и пострадавших уточняется. Но и так понятно, что человеческие потери просто катастрофические. Илона?

– Спасибо Игорь. Мы будем следить за развитием событий на юге Подмосковья. На этом все. С вами была Илона Озерова...»

ПГ зло выключил радио и тихо выругался. Ника подняла огромные свои глаза на ПГ и прошептала

– Это что? Это тот самый?.. Это где я?...

ПГ коротко зло кивнул, чертыхнулся и резко нажал на акселератор. Правда, успокоился быстро и вернулся к прежней скорости. Ника отвернулась к окну подавленная и остаток дороги до аэропорта она ехала молча.

Молчала она и в аэропорту. ПГ суетился с багажом. А Ника думала, что как-то очень уж подозрительно все произошло. Только она уехала из цыганского поселка и тут такое...

Спросить ПГ о своих подозрениях она не решалась. Да и глупо, наверное, жечь цыган только чтобы с Ники не сняли проклятие. Невероятно. Неужели они так боятся, что она потеряет свои сенситивные способности, что готовы пойти на такие обширные человеческие жертвы... На что же они будут способны, если Ника найдет в себе силы сказать им, что не хочет выполнять их странные задания...

Перелет прошел незаметно. Ника отвлеклась от раздумий только тогда, когда они прибыли на стоянку перед таможенной. В качестве сюрприза на стоянке, поглядывая на часы, их ожидал галстучный прибалт с объемным портфелем в руках.

– Юстас, – обратился к безымянному до сего момента галстучному ПГ, – я коротко обрисовал ситуацию Нике.

– Хорошо, – сказал Юстас, – тогда можем начать.

Он протянул Нике небольшой текст, который ей надобно было заучить и озвучить – это был типичный психологический тест. Контингент – руководящий состав. Судя по всему, «крот» один из них. Рядовые сотрудники просто не имеют необходимых полномочий для подобных операций. Суть спектакля состояла в том, что Ника могла попытаться найти «крота» прямо во время «тестирования».

В случае, если искомый человек за время этого занятия найден не будет, то каждому сотруднику предстоит индивидуальное «тестирование». Для него отдельно Нику снабдят инструкциями.

Нике прицепили бейдж с ее «должностью» и именем «Алина».

– Алина?

– В конверте с инструкцией Ваш паспорт на имя Алины Андреевны Вебер. Это реальный человек в московском штате. Внешне вы с ней несколько похожи. Прежние ваши документы пока оставьте в этой машине.

– Вас зовут Юстас?

– Да. Это сейчас важно? Скоро назначенное время операции. Еще есть вопросы?

– Почему вы говорите без акцента? – прищурясь, спросила Ника.

Юстас помедлил и ответил нехотя:

– Да, я даже летать могу. Без крыльев, если так будет нуж-

но, – как-то зло ответил он и стремительно покинул из машину, хлопнув сердито дверью.

Втроем вошли они в здание таможни. Представились – комиссия. Предъявили документы. Их ждали. Лица тревожные. Здание пропитано эмоциями.

Нике был предоставлен отдельный кабинет – в учебной части здания. Парты. Зашли тестируемые сотрудники. Их должно было быть десять человек. Но вошло, однако, девять. Запоздывал начальник заведения – главный таможенник.

Все уселись за парты, глядя на Нику, как двоечники после контрольной – на учительницу. Расселись кто по одному, а кто – по двое. Странное зрелище – взрослые, некоторые уже почти старые седеющие мужчины за партами перед ней.

Вот дверь открылась и раздраженной тяжелой «генеральской» походкой прошел последний тестируемый. Это был грузный высокий пузатый мужчина. Немного лысоватый. Лет так под пятьдесят. Неприятный тип с типично «ментовским» выражением лица. Он прошел мимо Ники, обдав ее тяжелым шлейфом парфюма. Нике пришлось сдерживать дыхание, чтобы аромат развеялся и только потом она смогла начать.

Ника наизусть озвучила предложенный ей по сценарию текст. Дала задание – нарисовать домик.

Пока взрослые мужики, опасливо на нее поглядывая, рисовали домики, достойной выставки в группе детского сада, у Ники появилось время прозондировать каждого из них.

Первый раз в жизни ей предстояло сделать то, что она делала каждый день неосознанно. Ника раньше даже и не задумываясь над тем, что она делает что-то невероятное для подавляющего большинства людей.

Начала она с дальней левой парты.

* * *

Номер один.

Спортивного вида мужчина с явно выраженным на лице пролетарским происхождением. У него сегодня неудачный день – опять болит желудок. Фиолетового цвета, субстанция пульсировала, набираясь в приличных размеров шар, если смотреть в темную пустоту сущности этого человека. Ника могла бы ему помочь, унять боль. Всего-то и нужно было лишь – обхватить белой атласной лентой струйку сиреневой субстанции и перетянуть туго... И шар почти сразу сдуется. Боль уймется. Но нет. Не до этого ей сейчас. Нужно было беречь силы, чтобы выполнить то для чего она здесь. А мужик и так таблеткой прекрасно вылечится. Понять его было сложно, поскольку он ни о чем, кроме боли думать не мог. Ника мысленно поставила знак вопроса. Но, не сейчас – нужно было изучать остальную группу.

* * *

Номер два.

Рабочие грубые руки. Деревенский житель. Ворует много конечно – дорвался, что называется. Он просто пропитан алчностью, со вкусом пропавших желтых яблок. Например, сейчас он только и думает о том, что у него в столе лежит сверток. А в свертке – пятьдесят тысяч рублей, полученных им за слив информации – обыкновенный коммерческий шпионаж. Регулярный! Хорошо устроился, гад. Деньги он не имел возможности вынуть, выходя из кабинета. А там сейчас уборщица. Переживает, значит. В любом случае, он совершенно другим занимается. Не наш вариант.

* * *

Номер три.

Лысеющий мужчина почти интеллигентного вида. На самом деле гей. Тоже переживает. Но по-другому поводу. Его молодой любовник – водитель дальнобойщик не часто радовавший его визитами в последнее время перестарался сегодня. Ходить неприятно, но нужно. И нужно так, чтобы коллеги этого не поняли. Хорошо, что он придумал, что у него сильно разыгралась мигрень. Ему даже предложили обезбо-

ливающую таблетку. Кстати, да, это даже помогло и стало легче. Он вообще занимал совершенно неподходящую должность. Да и был труслив весьма. Интуитивно, Ника не стала заострять на нем внимание.

* * *

Номер четыре.

Молодой мужчина тридцати пяти лет. С этим все ясно. С такими как он вообще ясно все с первого взгляда. У мужчин такого типа, как говорил покойный отец Ники – глаза мертвые. Хуже импотенции конечно для мужчин нет ничего. Они потом не живут, а существуют. Особенно если заморенные холостяки и не нажили детей. На работе просто получают зарплату чтобы продолжать бесцельное совершенно существование. Даже пьет редко. Не интересно. Есть же серенькие такие люди. Почти незаметные. Даже не воруют. Нет, не он это.

* * *

Номер пять. И сразу же номер шесть.

Ой, как тяжело этому пятому номеру. Они с номером шестым вообще до сих пор сидят над пустыми листками. После вчерашнего страдают. Два дня назад они получили хороший

куш на контейнере с... Крокодилами? Да! Там еще были попугаи, змеи, обезьяны и какая-то свинья... Почему свинья? Видимо особенная. Все это везли в контейнере с бананами. Скоропортящийся груз. Очень! Досмотра не было. И сколько же они получили? Офигеть... А Ника тут за миллион страдала... Они могли... Но Ника решила, что это все же не они.

* * *

Номер семь.

Скучает над выполненным первым заданием. Ко второму еще не перешел. Пахнет от него табаком в лимонном соке. Курить бросает. Дело плохо у него – туберкулез в начальной стадии. А он может и не знает. А может и знает, но скрывает. Не важно. Хапуга еще тот. Но тоже видимо с опаской и понемногу. И в другой области – скорее всего, он тоже «сливает» информацию и «закрывает глаза» на перевес за финансовый интерес... То есть, тоже гад, но не наш. Не в этот раз.

* * *

Восьмой номер.

Пожилой. Ждет того, что переаттестацию не пройдет, и его отправят на пенсию. Сейчас же модно «омолаживать» кадры... Он – тот самый «предпенсионер». Ничего человеку

не нужно. Только бы с работы не выгнали! Очень здоровье бережет. Не курит. Не пьет. В последнее время почти не берет взяток. Ну почти. Ему недолго осталось. Он... Прохладный такой, прозрачный. Почти и нет его уже.

* * *

Номер девять.

Желчный такой человек. Совершенно не может на месте усидеть. Про таких как он говорят – шило в... Тучный. С красным лицом. Глаза беспокойные. Сложно было понять, о чем он думает. Совершенно обрывочные какие-то мысли... Хотя... Если собрать и проанализировать, то совсем не оружие его беспокоит. Тоже конечно есть у него делишки и грешки, но не тот уровень. Ерунда какая-то... Такое ощущение, что все бы могли... Но вроде как – не их уровень. Не пустили бы их на такое крупное дело. На всякий случай Ника и его мысленно отметила – поставила вопросик...

* * *

Последний. Номер десять.

Она специально оставила главного таможенника напоследок. Он ей сразу не понравился. Очень тяжелый у него взгляд из-под обвисших по-бульдожьи век. И вот, сейчас они глаза-

ми встретились. Батюшки! Она просто не смотрела все это время в его сторону. А он... Да ведь он же ее просто раздевал взглядом. На части рвал... Ника постаралась успокоить подкатившее к горлу отвращение и попытаться понять... Это он! Ника чуть не заорала. Он пылал возбуждением от предстоящего большого куша. Сегодня вечером он будет шиковать. Ему скоро принесут деньги.

Ника поняла, что искомый человек найден и поспешно оповестила об окончании отведенного на тестирование времени и собрала подписанные листочки с рисунками и какой-то еще ерундой.

– Я проанализирую ваши тесты и сообщу результаты немного позже. Все свободны. Всем спасибо.

Все таможенники устремились к выходу. Кроме одного. Начальник таможни подошел к Нике неторопливым шагом. По-хозяйски так.

– Алина Андреевна, позвольте представиться. Полковник Никитенко Александр Сергеевич. Начальник этого, – он как-то томно обвел глазами помещение, – заведения. Алиночка, – Никитенко перешел вдруг на чарующие, по его мнению, нотки баритона и придвинулся к Нике так, что она отшатнулась от зловония его парфюма, – а что вы делаете сегодня вечером?

Никитенко излучал невероятную цветовую гамму, в которой преобладал оранжевый цвет с бордовыми – алчная нетерпеливость, в коричневые оттенки – цвет похоти и блу-

да. Развратный и аморальный совершенно тип.

– Отдыхаю, – попыталась отвязаться от кавалера Ника.

– Отлично! Я тоже сегодня вечером решил отдохнуть как следует. Предлагаю составить вам компанию. Тем более, думаю, что я сегодня смогу позволить больше чем обычно. День сегодня, знаете ли... Хороший такой день.

– Нет, извините. Я устала от дороги. И буду отсыпаться. А сейчас мне нужно завершить мою работу по проведенному тестированию сотрудников Вашего подразделения.

– Ну что же, не буду задерживать. Хмм... Если передумаете – Вы знаете, где меня найти, – он развернулся на каблучках и вышел, чеканя шаг.

Какой же он неприятный. Нику аж передернуло. Редкая сволочь. Очень жестокий и хитрый. Не хотелось бы переходить дорогу такому человеку: сожрет и не подавится. Страшно.

В дверь вошли Юстас и ПГ. Они подошли к Нике.

– Ваше тестирование закончено. Обеденный перерыв. Поехали.

Они вышли с Никой и, отыскав на стоянке машину ПГ. Мужчины сели вперед, Нику же попросили сесть на заднее сидение. Только сев в машину, приступили к делу. Оба мужчины обернулись и с нетерпением уставились на Нику.

– Это и есть сам начальник. Точно. Он как бы даже и не скрывает. Только о деньгах и думает – куда потратит и все такое.

– Отлично! Молодец! В каком контейнере оружие? – деловито уточнил Юстас.

Ника ошарашенно посмотрела на него:

– Он о таком и не думал. Я не знаю.

Юстас с ПГ посмотрели друг на друга мрачно. ПГ выпрямился, и взялся обеими руками за руль. Юстас повернулся к Нике:

– Наша цель – найти оружие. Молодец, нашла крота. Теперь осталось узнать в каком из нескольких сотен контейнеров тот самый который нам нужен.

– И как же я это узнаю?

– Судя по тому, что мы слышали – тебя пригласили на ужин. Попытайся узнать, где груз.

– А если не узнаю?

– Тебе очень нужно узнать. Ты же – человек заинтересованный в первую очередь: ты же понимаешь, что последует за неподчинением... У тебя дочка... Мама пожилая... Ты же радио слушаешь? Я думаю, что целый цыганский поселок – это и так уже много для тебя одной... Так что, береги жизнь и здоровье твоих близких. Как ты понимаешь – у тебя и выхода-то нет, нужно сделать то, что нужно. Со всем старанием.

Нависла тягостная тишина. Глаза Ники наполнились слезами от осознания... Она нашла в себе силы посмотреть на своего палача и спросила, с вызовом выпятив подбородок:

– И до какой же степени мне нужно с ним общаться? Он же не ограничится ужином...

– А это уже твои проблемы, – цинично ответил Юстас. – Возможно тебе нужно будет переспать с ним. В чем проблема? Не первый раз замужем... Хочет он тебя – пусть хочет. Разве ты не понимаешь, что это же твое оружие? Ты просто не видишь своих козырей. Можно вообще обойтись без секса. Это уже дело техники... Ты же понимаешь, что секс – это не женщина без одежды. Секс – это когда ты хочешь ее раздеть. Вот это для тебя и есть – прекрасная возможность узнать необходимую информацию.

– Да пошел ты... – Ника обняла себя за плечи и почти свернулась калачиком. Как ужасно то, что ей возможно предстоит. Нужно непременно вытащить из таможенника информацию до того, как они закончат ужин.

Вернувшись на таможню, Ника, взяв себя в руки, постаралась унять дрожь в коленках и прошла в кабинет к начальнику твердым шагом, сказав, что все же принимает его приглашение. Глаза Никитенко засияли в похотливом оранжевом угаре... Ника пулей вылетела из кабинета, прочтя на его лице такое...

До ужина было еще три часа. Ника и два ее молчаливых спутника поехали на место ночлега – обычная трехкомнатная квартира.

В ней Нику уже ждали две молчаливые неприметные женщины в штатском, нарядившие ее в элегантное открытое весьма вечернее платье, туфли на немислимой шпильке – Ника, предпочитавшая более всего кроссовки, ужаснулась от

мысли, что ей придется в этом ходить. Удобнее всего в таких туфлях было – сидеть... Макияж, который наносится профессионалами – это совсем не то, что делается наспех дома перед зеркалом... И прическа многое значит. Совсем другое лицо. Она, все же, красивая.

Вдруг Ника осознала, что любуется на себя в зеркало, в момент, когда она буквально на краю пропасти. И ведь выбора нет. Может и есть, но она его совершенно не видит. Ника опустила руки и заплакала. Хотя... Она почти не успела этого сделать, как ей тут же поднесли стакан с водой и розовой таблеткой.

Пришлось подчиниться. Нужно сказать, что таблетка подействовала быстро. Ника совершенно успокоилась и собралась. Химия в Конторе работала безупречно. Всегда достаточно было всего одной таблетки.

В 20:05 Ника, стараясь незаметно балансировать на ужасных шпильках, уже пересекла порог заведения. Никитенко уже ждал. Он высился горой ожиревшего тела над казавшимся маленьким рядом с такой тушей столиком. Ника присела на краешек стула. В сумочке-клатче было передающее устройство, которое работало в постоянном режиме. Нике

достаточно было назвать месторасположение искомого контейнера, как выдвинется специальная группа для досмотра и изъятия.

Ника не чувствовала вкуса еды и почти не понимала, о чем они говорят. Она всем своим существом пыталась вывести на нужную тему мысли Никитенко.

– Знаете ли, у меня есть давняя мечта, – решила закинуть удочку Ника, – хочу научиться стрелять. И вообще. Девушке такой как я, наверное, не помешает носить с собой оружие... Для самозащиты...

Никитенко расхохотался, откинувшись на стуле так, что передние его ножки оторвались от пола. Отсмеявшись, он с грохотом вернул стул в прежнее положение.

– Зачем же так трудиться? Скажи мне кто тебя обижает – в порошок сотру! У меня знаешь какие связи... Ого-го!

Ника с досадой поморщилась – промах. К сожалению, мысли Никитенко были совсем не об оружии. Он думал о том, что нужно как-то сказать жене, что у него аврал на работе и приедет он... Вообще не приедет. Только нужно найти тихое место и не туалет, где голос в телефоне станет гулким, и она сразу же, гадина, догадается. Или теща подскажет, если жена будет по громкой связи говорить... Никитенко извинился перед Никой и покинул ее, нащупывая телефон в кармане.

Невидимый микро-динамик в ухе Ники ожил:

– Ника, – слышался голос Юстаса, – ты слишком фор-

сируешь события. Не будь так прямолинейна. Нужно аккуратно настраивать его на нужную волну. Куда он пошел? Может он догадался?

Ника ответила в сторону сумочки:

– Да ничего он не догадался... Жене пошел звонить что не придет... Откуда я знаю как его настраивать... Не умею я такие вещи делать...

– Знаю, понимаю и, даже, сочувствую. Но сейчас тебе экстерном придется быстро учиться действовать по ситуации. Потом, я тебе обещаю, всему научишься профессионально.

– Он идет, – коротко проинформировала сумочку Ника, и динамик в ухе затих.

Никитенко возвращался. Он грузно сел на стул, стыдливо успокоив одышку, и извинился за отсутствие.

– Надеюсь, без меня ты не скучала? Ты как-то очень мало ешь. Тебе не нравится? Может, закажешь еще что-то? Мне не нравится, что ты смотришь на цены в меню.

– Моя фигура что, вызывает непреодолимое желание меня накормить? – не удержавшись, съязвила Ника.

– О нет... Твоя фигура вызывает у меня совершенно другое желание, – сально ухмыльнулся Никитенко. – Но может, ты еще что-то еще поешь?

Ника отрицательно покачала головой.

– В таком случае, – Никитенко щелкнул короткими пальцами официанту и поводит указательным пальцем правой руки, похожим на короткую сардельку по жирной левой ла-

дони, – я думаю, нам нужно покинуть это уютное заведение.

Расплатившись, Никитенко нетерпеливо схватил Нику за руку и потащил за собой. Ника только уворачивалась от столиков на их пути, мотаясь беспомощным хвостиком за этой громадой.

Такси подъехало моментально. Видимо, было наготове. Они сели на заднее сидение. Никитенко тут же обхватил Нику, дыша смрадным слюнявым дыханием ей в шею.

– Какая же ты горячая, Алиночка... От тебя же девчонкой пахнет... Какой же у меня сегодня удачный день... Особенно ты... Я сейчас такое с тобой сотворю! Вот увидишь, тебе очень понравится!

Ника сначала пыталась отстраниться, но потом поняв, что ее попытки безуспешны смирилась и просто отключила свое восприятие, практически обмякнув в руках этого человека, превратилась в слух.

Так они добрались до какого-то жилого дома. Ника в полурастерзанной мятой одежде была буквально затащена в квартиру, где от одежды ее избавили в считанные секунды.

И тут вдруг она услышала:

«И ничего... Задаток уже в кармане, а когда в 09:30 контейнер MR500600 со стволами в... хех... чебурашках... выпустят, остальную сумму мне занесут прямо в кабинет... Не кинет...»

Ника поняла, что это то, что она искала. По номеру контейнера можно легко определить его местонахождение. Бо-

ров пыхтел на ней, пытаясь попасть в заветную цель, как Ника нащупала на тумбочке рядом увесистую хрустальную пепельницу... Она со всем усердием опустила ее на бритый затылок Никитенко. Так, в цель первая попала она. Никитенко обмяк.

Ника, задыхаясь, не без труда выбралась из-под груды человеческой плоти и нашла в коридоре сумочку. Она была пуста. Наушник выпал по дороге в спальню. Ника нашла его довольно быстро, наступив босой ступней.

– Контейнер MR500600 выпускается в 09:30. Груз – детские игрушки. Чебурашки...

Наушник ожил.

– Принято, – коротко ответил Юстас, и отключился.

Ника только сейчас запоздало подумала, что она, возможно убила этого человека. Проверять не хотелось. И сожалений совершенно не испытывала.

Платье было порвано так, что идти в нем было невозможно.

но. А еще она сломала чертов каблук на правой ноге. Надев на нагое тело растерзанное ажурное белье, она обняла себя руками и опустилась без сил на табурет в прихожей. Слезы заливали глаза, она почти отключилась, когда дверь распахнулась. На пороге стоял ПГ. Он решительно шагнул в квартиру, нашел какой-то плед, укутал им Нику. Поняв, что она не может идти сама, легко поднял, будто невесомую девушку на руки, покинул похабное место.

– Я его?.. – всхлипнула Ника.

– Жив он, жив. Я проверил. Выпил много. А ты его отключила профессионально, молодец. Он с тобой ничего не успел?.. – ПГ чертыхнулся и отвел глаза.

Ника уткнулась в его плечо и заплакала.

Внизу ждала машина. ПГ нес на руках Нику так, как выносят пострадавших из объятых пламенем дома. Он бережно усадил девушку на заднее сидение. Сам сел за руль, и машина тронулась. В ухе Ники неожиданно заговорил голос Юстаса. Ника первый раз услышала эмоции в голосе прибалта:

– Отличная работа. Наши ребята взяли контейнер. Действительно груз – мягкие игрушки. И оружие. И личная подпись Никитенко. Молодец, девочка.

Ника, шипя, как рассерженная кошка, выдрала из уха микрофон и запустила им куда-то... У подъезда конспиративной видимо квартиры, где ее наряжали в ресторан, уже ожидала одна из женщин. С тапочками.

Когда они успевают...

Нике дали возможность уединиться в ванной... За дверью ванной во всех комнатах горел свет. Куча народу шастала туда-сюда. Но ей было все равно. Ее лицо было черно-красным от размазанной туши, вперемешку с помадой. Она сидела в ванне и до широких ярко красных полос, терла свое тело там, куда прикасался этот негодяй... Жаль, что она его не убила. Ей же теперь так и жить с этим ощущением всю жизнь... Он даже ее ступни умудрился перемазать слюнявыми губами... Даже пальцы на ногах... Боже... Какая гадость!

Ника трижды выпускала всю воду в ванне и наполняла ее вновь... Видимо вода была слишком горяча и ее стошнило, когда она поднялась...

Ника закуталась в халат и открыла дверь. За дверью стоял Юстас.

– Твой гонорар за успешно проведенную операцию только что был перечислен тебе на счет. Я проследил лично и...

Ника, заревев зверем, кинулась на него с кулаками. Была схвачена, обездвижена и почувствовала, как одна из женщин ловко, через рукав халата всадила ей шприц в левую руку. Темнота.

Все должно происходить совершенно не так. От одного взгляда любимых глаз перехватывает дыхание и сердце бьется часто-часто, будто вот-вот выпрыгнет из груди.

И когда твои губы касаются его губ, весь мир замирает ради этой секунды...

* * *

Ника очнулась уже машине на стоянке московского аэропорта Шереметьево. Водитель разговаривал с кем-то в форме, опустив стекло. Больше в машине никого не было. Голова болела, так, как если бы она вчера выпила бутылку водки в гордом одиночестве.

XII. Побег

Ника юркой змейкой выскользнула из машины, и, крадучись, стала двигаться в сторону здания аэропорта. Четкого плана действий у нее не было. Придется на ходу сочинять что-то про то, что ее обокрали, документы забрали. Назваться чужим именем.

Машина, на которой привезли Нику, затерялась в недрах стоянки. Толпа деловито сновала, совершенно скрыв Нику от возможных преследователей. Девушка решительным шагом направилась, пересекая последние ряды машин, как вдруг, ее схватили сзади сильные руки так, что перехватило дыхание. И, мгновение спустя, она оказалась в незнакомой машине на заднем сидении. Водитель из-за темноты тонированных по кругу стекол был совершенно неразличим. Нику по бокам зажали слишком крупные для такой машины ребята.

Где же ПГ? Это не Контора что ли? Совершенно незнакомый человек с тупой и какой-то абсолютно по-киношному, бандитской мордой, приставил палец к губам, жестом приказывая Нику молчать.

Машина тронулась. Нику, в полном молчании, куда-то повезли прочь от здания аэропорта.

Ехали они достаточно долго. Ника пыталась посчитать повороты, но, с непривычки, быстро сбилась. Да и зачем? Наконец, машина остановилась. Дверь распахнулась и бандит справа, а Ника уже не сомневалась, что ее похитили бандиты, вышел, потянув девушку за собой.

Ника оказалась во дворе полуразрушенного здания, больше похожего на разорившуюся ферму. Стены осыпались. Кругом царила разруха. Казалось, что и внутри ни души.

Девушку молча подтолкнули следовать за шедшим первым бандитом. Он завернул за угол. В торце небольшого, одноэтажного кирпичного строения обнаружилась неказистая дверь.

Бандит вежливо постучал и, видимо услышав приглашение, распахнул дверь, пропуская Нику вперед. Сам, однако, остался снаружи. Ника робко переступила порог, удивленно осматривая неожиданно жилого вида комнату, открывшуюся ее взору. Стол, несколько стульев, мягкий диван. Шкаф в углу. Рабочий стол с серебристым яблочным ноутбуком.

На край стола примостился высоких худой мужчина с безмерно усталым выражением лица. Он был удивительно рыж. Его шевелюра была необычного медного оттенка, ей вторили рыжие кустистые брови и редкая бороденка, которая, скорее, была запущенной небритостью. Он был не просто худ, а

имел какую-то аскетичную худобу так, будто он, ржавея, одновременно усыхал. Его щеки перечеркивали вертикальные глубокие морщины, от чего он казался каким-то полосатым.

– Ржавый, – произнес он.

И Ника поняла, что он так представился. Прозвище впол-

не под стать внешности. Даже голос его тоже будто был ржавым и надтреснутым.

Ника кивнула, будучи уверенной, что сама она не нуждается в представлении, поскольку, попала к явно осведомленному человеку.

Ржавый некоторое время молча изучал девушку, затем, будто удовлетворившись от увиденного, кивнул, приглашая ее присесть.

Ника, бегло изучив диван, поняла, что провалится в его мягкое нутро и будет чувствовать себя особенно незащищенной. Тогда, она нашарила взглядом стул у стены и неловко опустилась на него.

А Ржавый, будто продолжая давно ведшийся разговор, спросил:

– Ника, Вы умеете играть в покер?

Ника, все так же молча, отрицательно покачала головой.

– Это плохо, – искренне огорченно вздохнул Ржавый. Говорил он «в нос», будто растягивая некоторые слова, отчего и голос его становился скучным и усталым – Ну, а хоть в «дурака» играть умеете?

Ника робко кивнула, не понимая, что этот ржавый тип от нее хочет. В самом деле, не похитили же ее так ловко, просто для игры в «дурака» на заброшенной ферме? Ника пыталась разгадать этого человека. Он ничего не скрывал. Любил деньги. Причем, для бандита, был на удивление честным малым. Так, что же он хотел от Ники?

Долго строить догадки не пришлось, в дверь еще раз тихонько постучали. Ржавый нажал на невидимую кнопку под столешницей, замок щелкнул и дверь открылась.

На пороге возник седой старичок в старомодной шляпе с ухоженной бородкой-эспаньолкой. Он, деловой стариковской походкой, явно привычно пересек комнату и уселся на диван, не спрашивая разрешения хозяина комнаты. Ноги в сияющих глянцем башмаках он скупно поджал под себя, обняв старинного образца «дипломат», будто боялся хоть на миг от него оторваться.

Ржавый протянул узкую ладонь в сторону старичка и коротко представил его Нике:

– Профессор, – Ника на автомате кивнула, одновременно поняв, что Профессору ее не представляют, а значит, старичок так же осведомлен о ее личности.

После секундной заминки, Ржавый обратился к Профес-

сору:

– Деньги Вы получили?

Старик важно кивнул бородкой-эспаньолкой, многозначительно покосившись на «дипломат». Тогда рыжий хозяин, кивнув в ответ, продолжил:

– Вам требуется по дороге провести инструктаж и договориться об условных знаках. Ника не знает правил покера, поэтому вам нужно донести до нее основное. Например, если у сутулой собаки выпадет «флеш», Ника должна поменять позу, закинув правую ногу на левую. Но, это вы там сами договоритесь.

У старичка-Профессора, слушавшего Ржавого, брови ползли все выше, с каждым словом, дойдя до той крайней черты, что казалось, еще миллиметр, и они просто сбегут с лица под шляпу.

– Помилуйте, – внезапно вскричал он хриплым, дрожащим от волнения голосом, – Как можно?! Как вы предлагаете за полчаса обучить незнающего человека покеру так, чтобы он смог стать подсказчиком в такой крупной игре? Это же не конь в пальто, а Сутулый! Как можно полагаться на новичка, если он «флеш» от «стрита» не отличает? И вообще, слов таких не знает? И вообще! Женщина в покере – к беде, так же, как и на корабле!

Старик, еще более нахмурившись, еще крепче обнял «дипломат», будто боялся, что его отнимут.

Ржавый, будто был готов к подобной реакции старичка.

Он, невозмутимо выслушав его возмущенные речи, как ни в чем не бывало, ответил:

– Профессор, для меня главное то, что вы должны выиграть эту игру. Я даю вам помощницу. Как уж вы ее там будете обучать – совершенно ваше дело. Она совершенно бесценный экстрасенс, видит не только карты, но и мысли насквозь. На саму Контору работает. Мы ее, на свой страх и риск... Позаимствовали. О нашем существовании она не и не догадывалась. И про наши игры – совершенно ничего не знает. Девушку, – он, поморщился, взглянул на Нику, будто заранее разочаровавшись в ней, – Мы потом отпустим на том же месте, где забрали. Ну, или доставим по нужному адресу, куда пожелает, разумеется, если все пройдет хорошо.

Ника озадаченно уставилась на Ржавого, не сводя с него взгляд. В голову приходил только один вопрос: «А если все пройдет плохо?»

Рыжий, однако, воспринял этот взгляд по-другому. Он вздохнул еще раз, и нехотя протянул совсем уж в нос:

– Я понимаю, о чем вы думаете. Что мы привезли вас против воли и просто хотим вами воспользоваться... Да, знаю, что и деньги вам не нужны, поскольку вас сама Контора облизывает...

Ржавый вдруг снялся с места и озабоченно зашагал туда-сюда перед Никой, как долговязая рыжая цапля. Он что-то тяжело долго решал. Потом, внезапно остановился прямо перед Никой, будто приняв решение:

– Давайте так: выбора у вас все равно сейчас нет. Вижу, что вы с самого начала это поняли. Вы уже опытни в таких делах. Понимаю. К вашей чести, ведете вы себя благоразумно, без истерик...

Ржавый опять поморщился, будто был готов к истерикам, но те, как на зло не случились. А лучше бы случились – это дало бы ему хоть какую-то возможность торга.

– Так вот, пусть будет так: вы поможете мне. Один раз! Ставки высоки. И не в деньгах дело. Сейчас происходит раздел сфер влияния, и эта партия... Ох как много она будет значить! Всего одна игра. Но эта игра решит многое. Вы поможете мне один раз, а потом я помогу вам. Тоже, один раз. Все честно. Контора всемогуща, но иногда... Она давит на людей. И, иногда, – он нехорошо усмехнулся, показав мелкие рыжие зубы, – людям тоже бывает нужна помощь.

Затем, улыбка его погасла, будто кто-то выключил новогоднюю елку. Он, вновь поскучев, продолжил, гнусава все больше:

– Запомните, Ника, я не предоставляю вам возможности со мной связаться. Но даю слово Ржавого, что помогу сам. Ибо давно за вами наблюдаю и продолжу это делать по своим собственным мотивам, о которых вам знать незачем. Однако, – он взглянул на запястье, обнажив циферблат в обрамлении медно-рыжего золота, – Вам пора в путь. Постарайтесь меня не подвести.

Профессор, молча слушавший до этого Ржавого, будто

ждал сигнала. Он, коротко и зло взглянув на Нику поднявшись, и посеменял к двери, сжимая драгоценный «дипломат». Нике ничего не оставалось, как последовать за ним. На разбитой заброшенной площадке перед разваленным зданием их ожидала шикарная черная наглухо тонированная Bentley, водитель которой услужливо распахнул перед Профессором, а затем перед Никой задние двери, помогая сесть в салон.

Салон был разделен на две части. Водителя скрывала прозрачная перегородка, на которой виднелось переговорное устройство с кнопкой вызова. Пассажиры могли разговаривать, будучи уверены в том, что их разговор никто не услышит.

В полном молчании, они ехали сперва по разбитой дороге, мужественно подсакивая на рытвинах и ухабах. Старичок-Профессор только поджимал тонкие губы и крепче прижимал к груди «дипломат» с деньгами. Потом, дорога сделалась асфальтированной, и поездка стала куда приятнее. Ника впервые ехала в такой шикарной иномарке, однако, радости от поездки не испытывала. Она все время смотрела на старичка, ожидая, что же будет дальше.

Профессор, пару раз кинув на нее суровый взгляд из-под кустистых седых бровей, понял, что Нику этим не пронять, повздыхал по-стариковски и начал было, свысока:

– Милочка...

Но тут уже Нику прорвало:

– Во-первых, я вам не «милочка»! Во-вторых, я вообще не понимаю, что происходит! Куда вы меня везете? Какой, нафиг, покер?! Я в дурака-то в последний раз играла лет в 12. И, я этому рыжему уже сказала...

– Ржавому, – наставительно поправил ее Профессор. – Этого человека зовут Ржавый. И он, да будет тебе известно, большой авторитет... В определенных кругах!

– Да хоть Золотой! Мне-то что!

– До Золотого тебе при всем желании уже не добраться. Он там, куда нам обоим торопиться не следует, – строго оборвал ее Профессор.

Оба уставились друг на друга, Ника в изумлении, а Профессор, понимая, что она все равно не имеет представления ни о бандитских авторитетах, ни об игре, на которую ее везут, так ничего и не объяснив. Воцарилась неловкая пауза. Опять, первой не выдержала Ника.

– Да я даже не представляю, как я могу подсказать, закинув ногу на ногу, что у вашего противника выпала какая-то там «флешка», если я даже не знаю, как она выглядит!!! Как же вы не понимаете! – вконец взорвалась девушка.

Старик устало пожевал губами, вздохнул.

– Ладно, Вероника...

– Я Ника! – вспыхнула она, удивившись такому исправлению ее короткого имени в сторону увеличения.

– А что, – удивился старик, в свою очередь, – Есть такое имя в русском языке?

Ника задумалась, как бы поязвительнее ответить на его нелепый вопрос, когда Профессор вернулся к сути:

– Расклад «флеш», а вовсе никакая не «флешка» – это когда у игрока выпадают одновременно десятка, валет, дама, король и туз в одной масти... Однако, это не означает то, что соперник выиграл, поскольку тебе на руки может выпасть расклад и по-фартовее. Например, самая выигрышная комбинация – это «Роял Стрит Флеш». Этот расклад случается, если игроку выпадает одновременно десятка, валет, дама король, как во «флеше», да еще и туз одной масти. Но, что первое, что второе – совпадение, а уж оба вместе... Крайне редко, в общем, это дело встречается. Это, скорее, больше теория, чем практика... Другое дело – «пара»...

Профессор вдруг остановился, видя на лице Ники совершенное непонимание. Он махнул рукой и сказал:

– Да что за бред! Просто сиди и смотри. И не мешай! Сегодня ты просто девица на вечер для старика. Кстати, мы доехали до промежуточного пункта – тебе следует переодеться.

Машина остановилась, дверь со стороны Ники распахнулась и водитель, больше походивший на телохранителя, сопроводил Нику в сверкающий витриной магазин, где Нику тут же приняла смуглая вертлявая женщина. Она, скороговоркой картавя и источая запах крепчайшего табака, быстро окружила Нику молчаливыми девушками, которые ее в пятнадцать минут облачили в концертное платье, больше обнажающее, чем скрывающее что-либо. На голове у Ники ока-

зался белокурый парик с длинными локонами и длинной челкой, скрывающий большую часть ее лица. Лицо же, покрыли столь ярким слоем макияжа, что когда Ника, уже по дороге в машину увидела наконец свое отражение в зеркале, она ужаснулась от такой нелепой безвкусицы.

Профессор, увидев ее из темноты машины, удовлетворенно крякнул. Ника вернулась на свое место в салоне и задала давно мучавший ее вопрос:

– Так, что же я все-таки должна делать?

– Не мешать, – решительно сказал ей Профессор. – Ты просто будешь сидеть рядом, как обычная девка из эскорт-услуг, пить шампанское. И не мешать! – подчеркнул он сурово.

Они приехали. Обычный частный дом. Ресторан с каким-то иностранным названием. Машина заехала на подземную парковку с несколькими десятком машин. Охрана. Их даже не осматривали с привычным металлоискателем – они проходили через сканер, будто в аэропорту, в круглом отсеке которого их просили на несколько секунд развести руки в

стороны. Сопровождают к лифту, который долго ехали, причем, не вниз, а куда-то назад. Помещение лифта закрыто и не имело управления изнутри. По крайней мере, видимого глазу. Наконец, лифт остановился, дверь открылась, и они оказались в огромном помещении с высокими потолками, сверкающее разноцветными огнями и оглушительной музыкой – в казино. Окон не было. Зато, эмоции, заполнившие пространство Нику просто ошеломили.

От игроков за столами поднимались к куполу зала клубы дыма. Но запах нечестной наживы был окрасом намного ярче этого дыма да так, что Ника невольно закашлялась. Азарт имел особый окрас: азартные люди сияли неоновыми цветами холодных спектров радуги, вспыхивая и угасая, как недолгие звезды. Эмоции азарта, жажды наживы, торжества и горького разочарования, имеющие вкус горького шоколада были настолько яркими что, такого шквала эмоций Ника не выдержала. Она не продержалась и минуты, сделав лишь несколько шагов из лифта по красной ковровой дорожке, пафосно ведущий посетителя в мир величайшего разврата и искушения. Ноги ее подкосились, и она стала оседать, навалившись на Профессора.

Однако, Профессор оказался готов к такому повороту событий. Падавшую Нику подхватил водитель, а Профессор тем временем быстро вынул из кармана небольшой бумажный конверт, напомилавший одноразовую салфетку в обертке и, надорвав, поднес Нике под нос. Наполнением пакетика

оказался нашатырный спирт. Он подействовал, как надо. Все оказалось настолько быстрым, что заминку, казалось, никто и не заметил.

Так же, в молчании, троица последовала через зал в неприметную дверь. Опять лифт, но на этот раз, как и пола-

гается приличному лифту, тот опустился на несколько этажей вниз.

Коридор, в котором они оказались, содержал две двери. Старик уверенно последовал в левую дверь, взглядом приказав Нике следовать за ним. Водитель же, отправился в правую дверь. Ника мельком заметила за правой дверью висел густой табачный дым, окутывающий небольшую комнату со стульями, где уже сидело несколько человек похожего вида, явно дожидаясь тех, кого они сопровождали.

За столом уже играли. Ника сразу заметила, что главным в игре был похожий на испанца, с тонкими усиками господин с властным выражением лица. Игра прекратилась, не окончившись. Игроки, кроме усатого, как по команде, разошлись по углам комнаты, освободив стол.

Профессор поздоровался первым:

– Здравствуй, Сутулый. Вот и я.

Тот, кого он назвал Сутулым, встал, обошел стул, пожал Профессору руку, промолвив:

– Здравствуй, Профессор. Гляжу, сегодня тебя развлекают? Твоя спутница очаровательна, – он церемонно поцеловал Нике кончики пальцев. – Сегодня предлагаю сыграть только эту партию. Я попросил бы твою спутницу сесть вот тут, – он указал на высокий табурет у барной стойки.

Профессор безразлично кивнул. Сейчас Ника интересовала его менее всего. Да и вообще, как заметила Ника, глаза Профессора давно смотрели на женщин мертвым взглядом,

а в ее помощи, как уже было ясно, он не то, чтобы не нуждался... Не готова она была ему помогать, поскольку даже само слово «покер» было для Ники чем-то непонятным, из другой жизни.

Игра началась. Ника, чувствовавшая себя крайне неловко на возвышении, под цепкими взглядами мужчин, буквально застыла в голубом свете барных фонариков, будто нарочно направленных на нее.

В какой-то момент она поняла, что на этих ужасных шпильках даже сидеть неудобно. Раньше она была слишком испугана, чтобы это замечать. Но человек не собака, ко всему привыкает. Одновременно, она пыталась услышать мысли Сутулого. Но ей это никак не удавалось, как вдруг она услышала его голос:

*«А ну-ка станьте в позытуру —
Я проколю у вас фигуру!
Побледнели что-то вы —
Не сносить вам головы!»*

*Не смейте руками ко мне прикасаться —
Я буду ругаться и больно кусаться»*
Ника помотала головой – что за бред?

– Ну, что, Профессор, – сказал он вдруг вслух, – Вскры-

ваемся?

Профессор глубоко задумался, теребя пальцами бородку.

В это время, молодой, с напомаженными волосами бармен окликнул Нику, предложив ей бокал игристого. Ника автоматически кивнула, повернулась спиной к игрокам и ли-

цом к бару, как избушка на курьих ножках к Ивану-царевичу. Уселась поудобнее и приняла бокал.

Профессор, тем временем, решил поднять ставку, и игра продолжилась. Через некоторое время Ника, уже не обращающая внимание на игроков, вздрогнула от ликующего возгласа Профессора. Он выиграл. Единственная игра прошла, как надо.

Ника повернулась к уже вставшему из-за стола старику. Сутулый мрачно поднялся, пожав Профессору руку и стремительно покинул помещение.

Ника с Профессором все так же молча покинули комнату, пройдя тем же путем через шумное казино. Молча проехали назад в горизонтально следующем лифте. Водитель уже ждал их возле машины. И, лишь когда они тронулись, Профессор сказал Нике:

– Ты молодец, вовремя подсказала мне, что у него «флеш», – он внимательно посмотрел Нике в глаза и понял, что смена ее застывшей позы была совершенно случайной.

Старик крякнул, потерев бородку и спросил:

– А о чем же он думал, если не о картах?

Ника пожала плечами:

– Да, просто... Стишок какой-то дурацкий читал...

– Вот как, – понимающе прищурился дед. – Значит, они все знали и предупредили его. Возможно, он и играл-то вслепую. Перестарался, собака сутулая. Да ладно, я особо на тебя и не надеялся.

Старик долго молчал, глядя в окно, а потом повернулся к Нике и сказал ей ехидно:

– А ведь, смотри, если бы ты могла сделать то, о чем тебя просил Ржавый—... То зачем бы ему дальше нужен был я? Любого дурака можно посадить за стол с такой помощницей. Хорошо, девонька, что мы сейчас разбежимся. И тебя больше они напрягать не будут. Да и побоятся второй раз – с Конторой шутки плохи. И я при своем деле останусь!

Тут ожил динамик в перегородке, отделявший водителя от пассажиров и Ника впервые услышала голос охранника:

– Домой?

Ника поняла, что вопрос относился именно к ней и ответила:

– Домой!

Дорога домой прошла почти в полном молчании.

Дома как-то все было хорошо. Разлука прошла незаметно. Кот Зайчик вышел ее встречать. Он внимательно смотрел на нее круглыми глазами. Когда Ника поужинала и легла, котенок вскарабкался не без труда на ее кровать и принялся внимательно обнюхивать Нику. Ника тихо плакала. Котенок явно ее жалел, нюхал волосы, ее руки и даже пощекотал усишками лицо Ники. В завершении, он лизнул ее в ухо и взобрался ей на живот, замурлыкал, положив усатую мордочку на лежащие на ее груди руки.

Ника с удивлением разобрала донесшиеся до нее: «*Я теперь буду защищать тебя...*». Слезы высохли в один мо-

мент. Ника поверить себе не могла. Она с удивлением рассматривала совершенно серого, в полутьме, даже без отметин котенка, мирно мурлыкавшего у нее на груди. И решила... что все же ей послышалось. Скорее, представилось... Воображение разыгралось... Кошки не говорят. Она просто многое пережила за последнее время... Ну или... Не хотелось бы конечно... Но может быть у нее уже «поехала крыша»... Хотя, она вроде давно... Поживем – увидим.

ХІІІ. Господин Президент

Следующие несколько дней прошли так, будто в жизни Ники ничего и не было. Ей звонили клиенты. Оказалось, что Контора позаботилась о Никиной работе – кто-то педантично поддерживал переписку по электронной почте со всеми клиентами. Она не потеряла за это время ни одного своего работодателя.

Телефон звонил не переставая. Нике пришлось проводить все переговоры, которые были перенесены из-за ее «отпуска», как думали ее наниматели. Две недели прошли как в угаре. Она проводила по три встречи за день. Приезжая домой она падала на кровать, как подкошенная. Выходные тоже были заполнены до отказа. Ника сменила полностью гардероб всему своему небольшому семейству. Первый раз в жизни она себя чувствовала полноценной женщиной, сменила имидж, хорошо одевшись, посетив кучу визажистов, стилистов, косметологов и всяких там парикмахеров.

Несмотря на это, Ника не была счастлива. Она каждый вечер забиралась в ванную и терла с остервенением свою несчастную кожу мочалкой, пытаясь изгнать казалось въевшийся в нее мускусный запах чужой мерзкой слюны. Ника просыпалась по ночам внезапно и плакала от понимания того, что ей, возможно, придется не раз повторить то, на что ей пришлось пойти.

Утром раздался телефонный звонок на телефон, про который Ника уже забыла. Он так и лежал на дне сумочки, каким-то чудом не разрядившись.

Это был ПГ:

– Ника, нас ожидают. Пожалуйста, будь готова. Я через сорок минут буду у твоего подъезда.

– Надолго?

– На этот раз – нет.

– Хорошо, буду, – коротко ответила Ника и положила трубку.

Черная машина забрала Нику в назначенное время. Они долго ехали молча, потом ПГ спросил:

– Ты как?

– Да как... А какая тебе разница? – хмуро ответила ему Ника. Хотя, в общем-то, понимала, что ПГ не виноват в том, что произошло – он был таким же невольным участником событий, в которые таких как они втягивала Контора.

– Не сердись, – вздохнул он, и Ника с удивлением услышала его мысли: *«Я искренне спросил. Мне жаль, что тебе пришлось пережить все это. Я понимаю тебя»*. Он обычно забивал «эфир» внутреннего монолога какими-то дурацкими песенками, видимо защищая свое сознание от способности Ники проникать в мысли собеседника. И явно было то, что его мысли сейчас были направлены именно на то, чтобы Ника услышала их.

ПГ тем временем продолжал: *«Я не хочу подвергать те-*

бя дальнейшему риску. Я знаю, что ты меня слышишь сейчас. Нас слушают, но преимущество в том, я могу донести до тебя информацию так, что меня услышишь только ты. Единственное, о чем я тебя прошу – верь мне. Я постараюсь защитить тебя».

Где-то она недавно это уже слышала.

Ехали они в сторону Москвы. Подмосковье кончилось. Никуда не сворачивая, они ехали прямо в центр. Кремль. Черный тонированный БМВ, почти не останавливаясь, преодолел все кордоны, проникнув в самое сердце Москвы. Ника никогда не была в Кремле. Однако, шли они отнюдь не парадными ходами, а пользовались исключительно служебными помещениями, пока не добрались до какой-то переговорной комнаты.

Нисколько не удивилась Ника и тому, что ее уже ожидал Юстас. Они коротко поздоровались, и Ника выжидающе посмотрела на ненавистного прибалта. Сегодня он был серьезен, как никогда.

– У тебя крайне важное задание. Сегодня состоится встреча нашего Президента...

– Ах, так он и Ваш президент, Юстас? – не удержалась Ника. – А еще, я хотела вас поздравить с тем, что наконец-то вы разговариваете без акцента... У вас плохо получалось изображать акцент, честно...

Прибалт посмотрел на нее страшными глазами, но никак не прокомментировал. Напротив, терпеливо продолжал:

– Так вот, сегодня на закрытую встречу с Президентом прибывает необычный гость – сам Далай Лама. Он редко наносит визит лидерам других стран. Назначена эта встреча так же была при крайне странных обстоятельствах. Твоя задача состоит в том, чтобы внимательно следить за ходом переговоров и запоминать моменты, когда слова и мысли нашего гостя будут разниться. Я понятно объяснил?

Ника поняла задачу. Она задумчиво теребила подбородок, а затем спросила Юстаса:

– Если вы в курсе дела, то должны понимать, что мне нужна прямая видимость человека, которого я должна услышать. Я не смогу сделать это из-за стены, например. А вы говорите, что переговоры будут закрытыми... Как же меня туда допустят? Это будет скандал, как-только они меня увидят...

– Мы сделаем так, что тебя не увидят, – отрезал Юстас. Он внимательно посмотрел на Нику, кивнул и вышел из комнаты.

Несколько минут спустя, он вернулся и спешно потащил Нику за руку коридорами, выйдя из потайной двери в просторную, с высокими потолками, но небольших размеров залу, где одну из ее стен украшал нелепо гигантский для таких размеров помещения герб России. Юстас подвел Нику к правой лапе двуглавого орла. Он ловко нажал куда-то и часть выпуклой лапы символа России плавно убралась в стену. За ней обнаружилась небольшая ниша, скорее – капсула с выступом на уровне колен. Юстас запихнул Нику в эту нишу,

нажал куда-то на невидимую ей кнопку, и ниша закрылась.

Оказалось, что изнутри символика была вполне прозрачной, не считая темных полосок на орлиных лапах или чего-то, что оказалось на уровне Никиного лица...

Она прекрасно могла обозревать комнату, два кресла друг напротив друга и замечательные дорогие фолианты на длинных стеллажах. Весьма уютно для переговоров.

Вскоре открылась парадная дверь и в комнату вошел сам Президент. Он прошелся по комнате. Зачем-то потрогав сидения кресел. К нему подошел Юстас и предложил попробовать пройти и сесть, как он сделает это вскоре на переговорах.

Президент безропотно подчинился ему. Вышел. Затем, зашел своей «фирменной» президентской походкой. Изменился даже его запах, заметила Ника. Он теперь прямо-таки изучал аромат свежей хвои и лайма – это был аромат открытости и честных намерений. Ника мысленно похвалила своего Президента. Он был как надо. Настоящий Лидер.

Напротив него, имитируя оппонента сел в кресло Юстас. Но что-то ему не понравилось. Он взволнованно вскочил и сердито сказал:

– Вадим! Я же объяснял вам, что это необычный гость. Если вы в таком низком кресле решите положить ногу на ногу, ваша подошва неизменно поднимется и будет видна Вашему собеседнику.

Президент смущенно поставил обе ноги на пол, даже

несколько поджав их под кресло и закивал:

– Ммм... Ээ... Да, действительно, нужно быть внимательным даже к таким мелочам.

Юстас стал багроветь лицом:

– Ме-ло-чам? – почти прошипел он, – да знаете ли Вы, уважаемый Вадим Вадимович, что показать подошву Далай Ламе – означает нанести высшее оскорбление, по их обычаям.

– Да, действительно? – рассеянно удивился Президент.

– Давайте-ка начнем все сначала. Можно же просто войти и сесть как подобает в таких случаях?!

– А ноги? Куда их девать? Кресла низкие. Не по-женски же садиться, сведя колени. Замените эти чертовы кресла. И стол поставьте.

Возникла небольшая суэта. Кресла заменили на более удобные. Между ними водрузили стол, задрапированный белой шелковой скатертью. Стало гораздо уютнее. Так, под прикрытием этого нехитрого декора, Президент мог сидеть гораздо комфортнее.

Ника была поражена. Как же можно разговаривать с первым лицом государства таким образом? Никакого уважения...

Трижды Юстас заставлял Президента заходить и садиться. Так же были отрепетированы некоторые жесты. Ника на месте Президента уже бы превратилась в манекен – ему все запрещалось... Все было неподобающим и оскорбитель-

ным... Хотя нет, Ника бы послала Юстаса подальше, обла-
дай она такими полномочиями, как сам Президент...

И вот, наступил момент, когда набежала куча народу с фо-
то и видео аппаратурой, а из двух противоположных дверей
вошли на встречу Президент и долгожданный его гость Да-
лай Лама.

Отщелкали фотоаппараты положенные кадры. Зайчики вспышек успокоились, и фоторепортеры были выдворены из-зала.

Пошла на хорошем английском неспешная беседа двух настолько важных людей, что и представить сложно было, что Ника находилась всего в нескольких метрах и, если бы только она могла запросто выйти из укрытия – она могла бы их коснуться, пройдя всего с десяток шагов.

Ника сосредоточилась на своем задании. Глаза обоих собеседников не были матовыми. Далай Лама был безупречен. Он прибыл на встречу в белых одеждах. Наш лидер, напротив, был в классической «тройке», безукоризненно подчеркивающей его фигуру. Далай Лама благоухал какой-то горной чистотой и источал настолько приятный золотой аромат, что Ника невольно залюбовалась.

Все было честно и прямо. Оппоненты говорили и думали на английском, в котором Ника имела весьма скромные познания, но здесь нужно было контролировать отнюдь не слова. Все, что было произнесено с обеих сторон до сих пор, было сказано безо всякой лжи и задних мыслей.

Но Нику что-то тревожило. Она поняла, что тревога ее нарастает и скоро, если она не найдет причину – будет поздно.

Ника переключила свое внимание на остальную обстановку в зале. Здесь было еще несколько человек – неприметная охрана, как тень, везде следовавшая за такими особенными

людьми.

Ника поняла, что справа возле двери что-то не так. Как в замедленной съемке Ника услышала страшные мысли человека, достающего замаскированное оружие, которое он был намерен направить для единственного выстрела. Ника попыталась выйти из капсулы, в которой ее запер Юстас, но как она не била в непоколебимую изнутри дверцу – ничего не происходило. Ко всему прочему, капсула была абсолютно звукоизолирована. Секунды растянулись, почти застыв... Человек справа от двери уже почти извлек пистолет, для молниеносного поражения цели...

И тут Ника вспомнила. Она вспомнила, как когда-то, как будто в прошлой жизни, так давно это было – она помогала очнуться от комы своему работодателю. Она вспомнила ЧТО она тогда сделала. Собравшись всем существом, глядя прямо в матовые глаза тому, кто справа у двери, Ника будто насильно погрузилась в его личную темноту, пробралась в молочно-белые недра из колышущихся, будто от ветра простынь, туда, где пульсировал алый источник, бьющийся в такт его сердца... И опять, в ее руках оказалась великая власть... Она из последних сил сжала яростно его, пока не прозвучал выстрел, пока она может это остановить... Она чувствовала, что, останавливая пульсацию источника, останавливала и свое собственное сердце... Невозможно было отделить свое от чужого, не было времени разбираться... Она понимала на что идет и надеялась только на то, что ее

сила воли и бушующая в ней ярость помогут ей прожить на секунду дольше, чем-тому, что был справа от двери...

Ника потеряла сознание. Угасая, она увидела, что-тот, что справа, достав почти невидимое оружие вдруг обмяк и повалился на пол. Но тут и ее накрыла знакомая темнота.

Видимо она недолго находилась без сознания. Открыв глаза, увидела, что телохранители быстро уводят обоих визави через разные двери. В зале царил суев. Оружие нападавшего изъяли. Быстро появились люди в белых халатах. Они деловито проверили пульс лежащего не полу предателя, погрузили его на носилки и покинули вместе с ним зал. Остальная охрана исчезла за ними вслед. Появился и Юстас.

Наконец-то, вспомнили и про Нику. Юстас открыл ее капсулу. Он ругал кого-то за то, что о вентиляции не позаботились. Видимо, по этой причине Нике стало плохо, и она потеряла сознание. Юстас набегу сказал ей, чтобы она быстрее приходила в себя – он будет ее ждать в прежнем кабинете № 104 на этом же этаже. Налево по коридору.

Ника села на край капсулы, чтобы восстановить дыхание. Она была измучена и чувствовала себя так, будто ее били палками.

Вдруг, в совершенно пустой комнате она услышала шорох с противоположной стороны. Она с удивлением увидела смуглого раскосого мальчика лет двенадцати, который находился в другой части символа России – видимо в идентичной капсуле. Выбравшись, мальчик встретился с Никой взглядом, кивнул ели заметно и поспешно ретировался в другую потайную дверь, шмыгнув, как мышонок.

Одного только взгляда было Нике достаточно, чтобы понять то, что непростой это мальчик. А еще, Ника решила, что без крайней надобности рассказывать о нем никому не

будет. Вдруг это ему навредит?

Одежда Ники была тяжелой и мокрой, волосы слиплись, как если бы она полчаса проторчала в парилке. Но дыхание уже восстановилось – и Ника побрела искать 104 кабинет.

Войдя в него без стука Ника тут же пожалела и о своем внешнем виде, и о том, что не удосужилась постучать.

За дверью во главе длинного стола ее ожидал сам Президент.

Он был доволен. Улыбался той самой улыбкой, которой он любил улыбаться всем Россиянам с экрана в лучшее время.

– Алина Андреевна Вебер? Немка? – президент встал, и подошел к Нике, твердо пожав ее неуверенную руку. – У вас на бейдже так написано.

Он пристально посмотрел в ее глаза:

– Значит это вам я обязан своим внезапным спасением?

Ника судорожно сглотнула и неуверенно кивнула. Затем перевела взгляд на Юстаса. Тот, сделав успокоительный жест, заметный только Нике, встал со своего стула, и подойдя к девушке, панибратски хлопнул ее по плечу:

– Да жив твой бандит... одноразовый... Ты ему просто приступ сердечный сделала. Не переживай, – он махнул беспечно рукой, и обратившись к Президенту посетовал, – боится убить человека, что поделаешь... Переживает каждый раз...

Ноги Ники подкосились, и она только и успела, что сесть на ближайший стул.

Президент вдруг стал серьезен и спросил у Юстаса:

– Так она что, и мои мысли может вот так запросто читать?

Юстас посмотрел на него испытующе и кивнул.

– Ну нееееет, господа хорошие. На такие условия я пойти не могу. Сейчас конечно все пришлось как нельзя лучше, но это же невысказано! Мало ли о каких государственных тайнах могут быть мои мысли...

Президент развернулся на каблуках круто и вышел. Перед самым выходом, он задержался на мгновение, посмотрел на Нику и кивнул ей. Затем вышел прочь – и Юстас последовал за ним, жарко что-то обсуждая по пути.

ПГ уже ждал ее в машине. Он молча предложил ей маленькую бутылочку газированной минералки.

Ника только сейчас поняла, на сколько она хочет пить. Осушив моментально предложенную ей бутылочку, она плюхнулась на сидение, почти не боясь получить укол в шею на этот раз и почти сразу же заснула сама – просто от усталости.

XIV. Зачем в раю деньги?

Дома она отсыпалась почти двое суток, изредка вставая по крайней необходимости и тут же ложась обратно. Она была на столько вымотана, что ей совсем не хотела есть и только иногда пила воду.

Однако, на третьи сутки она все же нашла в себе силы встать с постели.

Ника тяжело пошаркала тапками на кухню и вернулась к компу с огромной кружкой дымящегося кофе. Переслащенного и с молоком.

Проверив электронную почту, она решила залезть в свой онлайн банк – любопытство взяло верх. Если за ту историю с экспериментом и тем случаем с оружием она получила гонорары с шестью нулями, то что же она получила сейчас?

Ника зачарованно смотрела на цифру, говорившую о том, что гонорар был выше в десять раз двух предыдущих...

На эти деньги можно было купить хорошую, да что там – шикарную квартиру в самом центре Москвы... От своей подруги – риелтора она была наслышана о ценах на элитное жилье... Теперь она могла себе позволить и такое...

Неслышно сзади подошла мама и вздохнула, глядя на сумму.

– Доченька... Может быть, не будешь ты в банке такие деньги держать?

– Предлагаешь держать дома и каждый раз перед выходом в бюстгальтер прятать? – зло спросила Ника.

– Мне тут Антонина статью показывала недавно... С первого августа этого года вступает в силу какой-то указ Центробанка, по которому если захочешь деньги со своего счета снять, тебя вежливо попросят предоставить справку об их происхождении. Ну там – справки в места работы... Если таковой не и скажешь, к примеру, что заняла, так попросят расписку о займе или займодавца вызовут и попросят его объяснить откуда «дровишки» ... А какую сумму объяснить не сможешь – так тебе ее выдадут, но за минусом 13 % – их удержат в качестве налога на прибыль в пользу бюджета.

Ника даже про кофе забыла... Она представила, что ее спросят... И что же она ответит? *«Вот эта сумма – это я Президента нашего спасала. Да вы у него спросите! Брр...»*, – Ника помотала головой, отгоняя бредовые мысли.

Через пять минут она уже заказывала в банке всю сумму наличными. Пришлось назвать сумму трижды – банковская девушка думала, что ослышалась.

Как назло, оказалось, что договор, прилагающийся к карте куда-то затерялся. В его поисках была перевернута вся квартира, пока наконец-то нужная бумага не нашлась. Нет худа без добра – все самые важные документы – паспорта, свидетельства о рождении и дипломы были бережно сложены в новую красивую папку.

Через два дня Ника поехала забирать свое... Дорога в

банк была недолгой. Трemor ее рук был так силен, что она не решилась сесть за руль сама.

Столько денег Ника никогда в руках не держала. Однако, процедура выдачи происходила вполне буднично: Ника взяла на электронной стойке талон на выдачу наличных, терпеливо дождалась очереди. С облегчением, она поняла, что выдавать крупную сумму ей будут в закрытой зелеными перегородками кассе с дверью – будто в отдельном кабинете.

Кассир долго и нудно пересчитывала пачки в счетной машинке, выдавая пятитысячные купюры порциями – такая сумма не помещалась в узкий лоток для передачи денег. Затем, Ника сама пересчитывала наличность, сбиваясь и злясь на себя за рассеянность.

Наконец, процедура выдачи закончилась. Оказалось, что деньги очень тяжелые. Хорошо, что Ника предусмотрительно взяла для наличных большую дорожную кожаную сумку, выдерживающую большой вес. Застегнулась она с немалым трудом.

У Ники разыгралась паранойя – ей казалось, что жадные взгляды бросают на ее все в банке – и сотрудники, наверняка знающие о выдаче крупной суммы, и простые посетители, будто бы они так же были в курсе того, что скрыто у Ники в сумке.

Девушка, стараясь ни на кого не глядеть, выскользнула из отделения банка. Нужно было как-то добираться домой. Ника раздумывала, заказать ли «яндекс-такси», или обратиться

к ближайшим таксистам на стоянке поблизости.

Внезапно, сзади нее взревел мотор. Мимо девушки пронесся мотоцикл, сорвав с нее драгоценную ношу так резко, что девушка чудом не угодила к нему под колеса.

Ника толком не успела осознать случившееся, как ближайшее такси сорвалось с места, дверца распахнулась и восточного вида водитель резко стал ей сигналить, приглашая в машину. Времени на раздумья не было, и Ника прыгнула на сидение, резко тронувшейся машины. Дверь пришлось закрывать уже почти на полной скорости.

Началась погоня. Мотоциклист, как оказалось, не успел уехать далеко – он, доехав до кругового движения, вежливо уступал дорогу чуть раньше выехавшей на круг машине. Проехав по кругу, он начал набирать скорость, стремясь как можно скорее ускользнуть от Никиных глаз. Однако, восточный водитель, ничуть не смущаясь, пересек две сплошные так, что чуть не задев мотоциклиста, ринулся за ним вслед.

– Не уйдет, Аллахом клянусь! – крикнул он то ли себе, то ли Нике.

Погоня следовала по главной улице города. Почему-то никого на пути не попадалось и оба транспортных средства беспрепятственно ехали на огромной скорости.

Никин городок был весьма небольшим. Поэтому, главная улица города скоро кончилась, мотоциклист, пытаясь оторваться от прилипшего к нему таксиста, ушел в боковую улочку, куда не замедлило последовать и такси, двинувшееся

наперерез встречному движению.

Однако, то ли мотоциклист был не слишком хорошим водителем, то ли таксист – отлично знал город и попросту гнал цель в определенном направлении, вскоре погоня дошла до места, где асфальт кончился. Не зря таксисты выбирают марку «Рено» – за особую неприхотливость подвески к дорожному покрытию. Шустрый китайский мотоцикл, напротив, внедорожником не был. Так, на ближайшей яме погоня и закончилась: таксист, вылетев из седла, шмякнулся, угодив в жалобно зазвеневший забор-рабицу.

Такси же, картинно затормозило у разбитого мотоцикла. Восточный водитель вылез из-за руля, одновременно вытягивая из-за пояса здоровенный «макаров», подошел к бесчувственному телу. Пошевелив бездвижного, в шлеме человека, он спрятал оружие, наклонился к лежащему и снял весьма потрепанную теперь, но выдержавшую испытания кожаную сумку. Повесив ее на плечо, он пробормотал что-то над мотоциклистом, обтер ладонями лицо и, не оглядываясь, направился обратно к машине, где ждала его замершая, будто истукан Ника. Водитель сел за руль и протянул девушке сумку. Ника на автомате вцепилась в нее.

В полном молчании, он привез Нику к ее дому, хотя адреса ему никто не называл. Правда, этому обстоятельству, Ника, почему-то даже не придала значения. Когда машина затормозила возле подъезда, она спросила у таксиста, будто это была обычная поездка:

– Сколько?

Тот, усмехнувшись, ответил ей:

– Мне было велено передать тебе привет от Ржавого. И еще, он сказал, что теперь вы в расчете.

Ника задумчиво кивнула, а он, помолчав, добавил:

– И запомни, что банки не любят отдавать со своих счетов.

Ника молча кивнула ему еще раз и вышла из машины. Маме об этом приключении точно ничего знать не нужно.

И вот, она уже дома. Встречают все. Кот Зайчик бежит наперегонки с Ниночкой. Мама злится – какие-то хулиганы бросают камушки в окно. В этот раз полетел такой крупный, что стекла зазвенели. Мама сердито засучила рукава и пошла открывать окно, чтобы крикнуть как следует на этих малолетних негодяев... Ника в этот момент подошла к шкафу – положить в него красивую папку с документами. Но не успела. Началось.

В распахнутое сердитой мамой окно влетел крупный предмет, едва не задев мамину голову. Моментально взметнулся столб пламени, пожрав в один момент воздушные занавеси на окне.

Ника, держа документы в одной руке, второй вытащила остолбеневшую маму с пылающего балкона. Повалил черный дым. Ника, схватив Ниночку в охапку и волоча за собой несчастную свою маму выбежала из комнаты, закрыв поспешно дверь.

В это же время на кухне разлетелись в дребезги оконные

стекла. Ника попыталась открыть входную дверь, но что-то не пускало. Ника, взревев, навалилась всем весом. Дверь выдержала ее натиск, будто об нее потерся котенок... Потянуло черным дымом и из кухни. Все начали кашлять. Втроем они забежали в Никину спальню и закрыли за собой дверь. Это конечно не было спасением, но все же... Из-под двери начали наползать черные клубы дыма... Прыгать со второго этажа на бетон казалось безумием... Если и не свернут шеи, то покалечатся так, что...

Вдруг Ника услышала голос. Она его уже когда-то слышала.

«Следуйте за мной!».

Ника безумным взглядом окинула помещение, заходясь в удушливом кашле. В комнате были Мама и Ниночка. Бедная девочка уже почти потеряла сознание. Вдруг Ника опустила глаза и увидела кота Зайчика у своих ног.

«Следуйте за мной!».

Котенок сделал несколько маленьких шагов и сел перед дверцей платяного шкафа. Дым как будто был ему нипочем.

«Открой дверь, возьмитесь за руки и следуйте за мной».

Мало что соображавшая Ника открыла дверь шкафа, развернулась, схватила почти потерявших сознание маму и Ниночку и сквозь плотные, как чадра облака дыма рванула внутрь шкафа.

Все трое, споткнувшись обо что-то, упали, кубарем покатившись... Куда?

Отчаянно кашляющая Ника никак не могла открыть слезящиеся от резкой гари глаза. Рядом хватали воздух почти задохнувшиеся мама и дочка. Наконец, продрвав глаза Ника обвела ничего не понимающим взглядом комнату. Розовую такую... Или бежевую? Приглушенный свет проникал

сквозь плотные шторы... Огромная кровать. За их спинами дверь. Через которую они только что попали в эту комнату. Дверь платяного шкафа?

Мама с трудом приподнялась на локте.

– Никуша... Что произошло? Где мы?

– В Нарнии, судя по всему, – грубовато отшутилась Ника и пошла назад к двери.

Ее изумленному взору, за дверью предстал розовый в бежевый оттенок совмещенный санузел, такой большой, что можно из него было сделать еще одну полноценную комнату. Ника внимательно осмотрела дверь. На внешней ее стороне явственно отпечатался черный след ее пальцев – видимо, когда они бежали от пожара, Ника инстинктивно закрыла за собой дверь...

– Мааам, где мы? – потребовал в свою очередь разъяснений чумазый, как чертенок, ребенок.

– В сказке, доченька...

– Ура! Значит больше в школу никогда-никогда не надо будет ходить! И Бородавка нас больше учить не будет!

Ника повернулась к матери:

– А кто такая Бородавка?

Мать махнула рукой... Прежде всего, нужно все же понять где они и что вообще происходит.

– Мааам, а где Зайчик? – Ниночка тут же разревелась, оплакивая потерю кота.

Действительно, вошли они за ним, комната закрыта, но

его нигде не было видно. Ниночка плюхнулась на пузо и попой вверх стала обследовать всю мебель снизу, на предмет забившегося от страха к незнакомой обстановке котенка.

Оказалось, что Ника во всей этой панике так крепко зажала подмышкой папку с документами, что, только расслабив руку поняла, как свело мышцы. Сумка с немислимой по меркам Ники кипой денег висела на правом плече, перекрещивая ремнем грудь, надежно покоилась на ее левом бедре.

Было решено умыться и привести себя в порядок. Вернее, умыться и вымыть руки от копоти – с одеждой за короткое время ничего не решишь. Не успели они выйти из ванной комнаты, как дверь в номер отворилась и вошла горничная.

На несколько секунд воцарилось молчание. Горничная изумленно смотрела на маленькую компанию, которая, в свою очередь, лихорадочно соображала, как выйти из создавшейся ситуации.

– Простите, – пискнула горничная, глядя на эпатажную подкопченость нарядов, – я не знала, что этот номер был сдан.

– Ничего страшного, – поспешно заверила ее Ника. – Вчера с этой неразберихой... Нас, погорельцев, заселили, не взяв даже денег. И что, паспортные данные тоже не нужны? Документы у нас с собой.

– О! Что Вы! Видимо это недоразумение. Вчера новенькие в смене работали. Наверное, что-то напутали. Пойдемте сейчас же на ресепшн – девочки быстро исправят все... Из-

вините за доставленные неудобства. Надо же...

Ника, кивнув маме и дочке, закрыла дверь и отправилась следом за горничной. В холле красовалась незнакомая надпись: «Onego Palace Hotel». Заполняя анкету гостя, Ника, наконец отыскала нужную ей информацию: «Адрес ул. Куйбышева, д. 26, Петрозаводск, Россия». Мысленно поздравив себя с такой полезной находкой, Ника из пачки пятитысячных купюр отсчитала ловко нужную сумму прямо в сумке, вытянула ее наружу. Расплатившись и чуть не забыв сдачу – что крайне редко с ней бывало. Когда с формальностями было покончено, она припустила чуть не бегом обратно в номер.

В номере было тихо. Мама с дочкой стояли около окна и что-то рассматривали в нем. Подойдя ближе Ника поняла. За окном был сказочный закат. Озеро, окаймленное валунами. На краю примостилась почти белая лодочка.

Ниночка придвинулась к Нике:

– Мам, а мы все умерли, да? Это рай?

Ника рассмеялась в ответ:

– За такие деньги, наверное, и в рай можно попасть, сколько я отдала за этот номер за неделю.

– Не богохульствуй! – привычно ругнулась мама, но тут же вернулась к основному вопросу, – Никуша, так, где же мы?

Ника ответила ей вопросом на вопрос:

– Петрозаводск – это у нас где?

– Урал, по-моему, а что?

– Ну в Карелии же, мам! – перебила бабушку Ниночка. –

Ты, что ли, совсем бабушка двоечница? Мы же это давно по «окружающему миру» прошли, зимой еще!

– В Карелии значит? – задумчиво повторила мама, – это конечно интересно, но теперь ты точно мне все должна рассказать.

– Мама, раз мы в Нарнии, ну в Карелии, ну в смысле в сказке, – окончательно запуталась Ниночка, – значит мне тоже можно послушать самые взрослые разговоры?

Деваться было некуда. Слушать было разрешено. Они сели на кровать и Ника начала свой странный рассказ. Рассказывала она долго. Ниночка заснула почти сразу же, привычно, как под самую обыкновенную сказку на ночь.

Мама молчала, лишь иногда недоверчиво качая головой, а иногда испуганно прикрывая рот ладошкой. И мрачнела она с каждой минутой.

Наконец, Ника дошла до того места, как она рванулась, увлекая их с малышкой в открытую дверцу шкафа, следуя за голосом кота. Да в такой ситуации за чертом лысым побежишь, не то, что за родным котом... Где он, кстати?

Когда Ника закончила свой рассказ, была глубокая ночь. Мама, пожевав губами, спросила ее:

– Ну, со шкафом в этой истории мне все понятно. Когда человек напуган, он в игольное ушко проскочить может. Видимо там была в стене какая-то дырка...

– В Карелию, мам?! – удивленно уточнила Ника.

– Ну, мало ли, какие чудеса бывают, – беспечно пожалала ее

некогда прагматичная мама плечами.

Они помолчали, думая каждая о своем. Мама скорбно переживала нажитое непосильным трудом, библиотеку, которую еще дедушка собирал – подписные издания! Как жаль! Ведь все это уничтожено пожаром. Нику, в свою очередь, одолело столько мыслей, что она даже не понимала, о чем думает. Тишину прервала мама:

– А теперь нам нужно понять, кому ты так не понравилась... Со своими особенными возможностями... Что нам аж красного петуха в дом пустили. Вот сейчас, на ресепшене ты свой паспорт им дала, чтобы в номере зарегистрироваться? Знала бы я хоть половину того, что ты мне сейчас рассказала – я не дала бы тебе такую глупость делать... Теперь прятаться придется. Не очень-то тебя твой этот ПГ защищает, телохранитель хренов...

Обе они, все больше расстраиваясь, замолчали. Более всего от того, что попросту не знали, как действовать дальше. Решив, что утро вечера мудренее, легли втроем на широкую кровать, по обе стороны от сладко сопевшей Ниночки.

Утром придется решать самые насущные проблемы – нужно было приобрести новую одежду и обувь – не в гостиничных же тапках им ходить, в самом деле.

Наскоро позавтракав в отеле – завтрак был включен в стоимость проживания, дождавшись время открытия большинства магазинов, Ника отправилась на вылазку одна. Черные джинсы и футболка давали ей возможность без подозритель-

ных взглядов получить все необходимое.

В гостиницу Ника вернулась с объемным баулом всех вещей первой необходимости и пакетом готовой еды.

XV. Старый знакомый

На ресепшн ее остановили и передали записку. Ника не стала разворачивать ее на глазах девушки и поспешив со своей ношей в номер.

«Нашли», – в панике думала Ника, – «Что же теперь делать?»

Она не стала показывать матери записку. Сказала, что купила не все. Переодевшись моментально в чистое и новое, она покинула номер и, завернув за угол, она раскрыла послание.

На чистом листе было написано женским почерком, что ее ожидают в 46-м номере. Из-записки Ника поняла, что писала ее девушка на ресепшн под диктовку. Больше никакой информации выжать из короткой записки не удалось. Нике ничего не оставалось, как пойти на поиски в указанного номера.

Подходя к номеру, последние метры девушка кралась, стараясь ступать бесшумно. Остановившись перед дверью, Ника потянулась всеми своими органами восприятия, чтобы понять... Ничего не уловив, Ника вздохнула – видимо стресс на пожаре давал о себе знать. Она робко стукнула в дверь. И еще два раза, чуть смелее. Ничего не произошло, тогда она нажала на ручку. Дверь была не заперта и легко отворилась. Ника сделала шаг и застыла в изумлении: в удобном широ-

ком кресле сидел знакомый ей человек. Нет, конечно она не сразу узнала его – европейская одежда, короткая стрижка при отсутствии головного убора совершенно изменили облик Далай Ламы, однако исходивший от него неповторимый золотой аромат безошибочно говорил о том, что это именно он.

– Здравствуй, Ника, – поздоровался с ней раскосый пожилой тибетец.

– Здравствуйте...

– Меня зовут Дэйнзин Гейко. Если тебе будет так удобнее, можешь называть меня безо всяких церемоний, современно и по-европейски – Дэйнзин. В таком случае я буду чувствовать себя молодым, – Дейнзин засмеялся добродушно.

Он вообще создавал впечатление начитанного благожелательного старичка, с полным отсутствием какого-либо пафоса. Когда Ника представляла себе человека в сане Далай Ламы, ей всегда виделся древний старик с совершенно непроницаемым, как маска выражением лица. Человек, с которым даже рядом находиться – это уже великая честь. А тут... Так запросто... Как-то по-домашнему...

– Очень приятно, – смутилась Ника. И вдруг, она поняла, что Далай Лама разговаривает с ней на чистейшем русском, совершенно без акцента при этом. – Вы говорите по-русски? – ахнула она.

Дэйнзин кивнул:

– И еще на 16-ти языках. Я прожил долгую жизнь. И мне

правилось учиться. Знаешь ли ты почему я здесь?

– Вы проследили за мной? – спросила Ника, но тут же ей показалось, что она невежливо разговаривает с таким важным человеком. Ладони ее стали потными. Она переминалась с ноги на ногу, не зная, как пристойно себя вести в обществе этого человека.

Далай Лама жестом пригласил ее присесть на пуфик у его ног и усмехнулся:

– И как же ты представляешь себе, как можно проследить за таким человеком, как ты?

– Нуууу... – Ника замялась, – Наверное у вас какие-то свои способы...

– Верно говоришь, – кивнул весело ей Дэйнзин, – свои способы. Сейчас я познакомлю тебя с одним из них.

Он кивнул куда-то в сторону, и перед ним возник быстрый как тень раскосый смуглый мальчик в очках – тот самый, которого она увидела в кремлевской переговорной комнате.

– Пасан, – сказал Далай Лама.

– Ну, я вижу, что не девочка, – пробормотала Ника, – как тебя зовут, пацан?

Пауза. Смущенный мальчик уважительно поклонился Далай Ламе, а потом и Нике и сказал по-китайски:

– Мое имя Пасан.

Настала очередь смущаться Нике. Имя у него такое, оказывается. Хотя... Среди ее китайских «друзей» каких-только имен не встречалось. Правда, они все переделывали их на русский манер так, что на переговорах были сплошные Саша, Алексы, Сергей, Карины и Кати.

Далай Лама кивнул:

– Пасан знал заранее где мы можем встретиться с тобой. Мой билет был забронирован уже за неделю. Я прибыл сюда сразу после тех переговоров, на которых мы с тобой увидели друг друга впервые.

Ника была поражена:

– Вы видели меня?

Далай Лама кивнул.

– Человек может очень многое, – философски вздохнул он, – человек может смотреть. И видеть он тоже может. Но некоторые люди имеют совершенно особенные способности. Некоторые могут видеть очень зорко. Но не так как видишь некоторые вещи ты. Самый зоркий глаз не сможет различить музыку цвета и вкус ощущений. Иметь такие способности означает то, что человек живет в особенном мире. Я знаю многих людей с уникальными способностями, даже, – засмеялся он, – Коллекционирую таких людей. Но ни у одного из них нет таких перспектив, какие имеешь ты. Твой дар – это не только большое счастье, но большая беда. Многие сейчас узнали про тебя. Узнают и еще больше. Но главное, почему мы сейчас разговариваем с тобой то, что я смотрел не на те-

бя в тот раз, а на твои помыслы.

– Вы видели мои помыслы прямо сквозь стену?

– Мне помогал Пасан, – услышав свое имя, мальчик вновь поклонился.

Ника задумчиво спросила его:

– Вы посылаете этого ребенка, чтобы он следил за мной?

– Пасан совсем не ребенок. Он просто так выглядит. Очень многое в этом мире выглядит совершенно иначе, чем является на самом деле. Ты это знаешь. Тебе открыто то, что скрыто от взгляда абсолютного большинства. Ты можешь видеть суть некоторых вещей – например, ты знаешь, как выглядит боль. И видя суть боли – ты можешь успокоить ее также, как шаманы сервера, зная имя врага, могут его победить.

Ника смутилась, хотя она уже начала привыкать к тому, что некоторые люди знают о ней больше, чем она сама о себе знает. Ей уже явно не нравился этот разговор, она начала опасаться какого-то подвоха...

– Скажите мне, уважаемый Дэйнзин... Чем я могу быть вам полезна? Я понимаю, что вы летели через всю страну... Сюда, в Карелию... Ну явно не просто так....

Дэйнзин вздохнул как-то совсем по-стариковски:

– Думаю, что сейчас тебе могу быть полезен я, а не наоборот. Да, ты права, я прилетел на встречу с тобой не просто так. Я хочу ответить на твои вопросы. Думаю, что их у тебя очень много.

XVI. Что после истины?

Ника молча смотрела на старика, ожидая, чего-то. Дэйнзин же, в свою очередь ждал чего-то от Ники. Наконец, он решил помочь ей:

– Есть ли в твоей жизни то, что тебе хотелось бы изменить? Или то, что ты не понимаешь?

– Вы мне можете в этом помочь? – недоверчиво ответила вопросом на вопрос Ника.

Дэйнзин покачал головой.

– Думаю, что в данный момент для тебя будет важным просто получить ответы на вопросы. А что делать дальше – этого я не знаю. Каждый человек выбирает на перекрестке дорог свой путь.

И тут, Нику как прорвало. Она начала рассказывать этому пожилому, по сути, не знакомому ей человеку о своих злоключениях... Она все время возвращалась к тому, что сожалеет, что так неправильно повела себя с той полинявшей цыганкой, которая наслала на нее проклятье читать чужие мысли... Она ругала попрошайку, ругала себя, ругала Контору непонятно какого государства, которая могла бесцеремонно влезть в жизнь любого человека и управлять им, словно марионеткой, будь он хоть самым Президентом.

Выговорившись, она вытерла обильные слезы, залившие все ее лицо и руки, и спросила:

– А можно все вернуть назад, чтобы снять проклятье? Тогда все будет по-другому. Все эти люди – цыгане не погибнут по моей вине... Вы же, наверное, это можете? У вас там, на Тибете, наверное, и не такое можно...

Дэйнзин рассмеялся:

– Я не волшебник. Чудеса я творить не могу, равно как и все, кого я знаю, за исключением... тебя. Но все же, я могу совершить одно небольшое чудо: я расскажу тебе всю правду. О тебе. И ты поможешь себе сама. Если захочешь. Начну я с того, что сниму груз с твоей души: знай же, что по твоей вине не погибло ни единого человека.

Ника остолбенела:

– Но как же... Цыгане? Целый поселок! Там были дети!

– Они живут, как и раньше. Ты просто стала жертвой большого обмана. Контора, в которую тебя ложью и угрозами завербовали, любит... мистификации... Аппаратура, химические вещества, гипнотическое воздействие, в конце концов – актерское мастерство... Они не гнушаются ничем, во исполнение цели. Думаю, теперь ты готова задавать вопросы.

Ника уже была готова.

– Что за организация – Контора?

– Думаю, что этот вопрос должен волновать тебя меньше всего. Если говорить коротко – это сложная раздробленная организация, которая изначально была создана служить целям мирового правительства, не подчиняясь ни одной стране. Организация имела большую мощь и все передо-

вые технологии. Однако, идея не достигла цели и, в результате, сформировалось несколько таких «Контор», служащих разным государствам, так и не сформировавшись, как единый механизм. Бывает, что ее части даже конкурируют друг с другом. Я боюсь, что нам будет скучно обсуждать военные и политические игры, когда речь идет о самом близком для тебя – о тебе самой.

– Хорошо, Вы говорите, что цыгане живы. Как же это понять?

– Ты слушала не радио в машине, а лишь запись, сделанную специально для тебя. И еще кое-кто никогда не умирал.

– Кто?

– Ты не сбивала пешехода. Это была тряпичная кукла, манекен в рост человека. Поэтому твоя машина не получила повреждений. Обман. Все это был обман. Ты и сама замечала порой некоторые нестыковки, но тебя круто взяли в оборот, попросту не дав проанализировать всю информацию и сделать соответствующие выводы. Да, и конечно же, твоя неопытность была им на руку.

Ника ахнула от осознания того, что если бы она тогда во всем разобралась, то вообще бы ничего этого не было. Больницы. Мерзкого таможенника. Пожара. Но она все же быстро взяла себя в руки и решила, что, если она не пойдет по порядку, она упустит что-то важное. Уняв эмоции, Ника максимально сосредоточилась на вопросах:

– А как же Ржавый? Вы знаете такого?

– Просто бандит, – отмахнулся Дэйнзин. Он, похоже, знал все.

– Получается, – продолжала Ника, – Что за мной следили еще тогда, когда я случайно спасла Андрея?

– За тобой, девочка, следили еще до твоего рождения, когда решили, что набор генов твоей матери и отца смогут дать... Хмм... Интересные результаты.

– Да? Неужели до такой степени...

– Не удивляйся. Ты многого не знаешь. Во всех странах экспериментировали с евгеникой. Экспериментируют и сейчас. Найти правду сложно. Но в одном ты можешь быть уверена – ты можешь точно знать, что я говорю тебе правду, верно?

Ника внимательно посмотрела в раскосые глаза собеседника. Они не были матовыми. Он не лгал. Ника кивнула. Теперь вопросов становилось еще больше...

– Значит, когда Андрей был в коме после падения...

– Андрей, твой работодатель – был участником эксперимента, сотрудником Конторы. Он никуда не падал.

– Но он же был в коме... И я... Я прошла через его темноту... Там были такие... Занавеси... И я его позвала... И он очнулся... А кругом – врачи были. Я еще синяк ему случайно на руке оставила...

Дэйнзин наклонился близко к Нике, взял ее обеими руками за руки и сказал, почти нежно:

– Ты даже не представляешь горизонты своих возможно-

стей. Тебя спровоцировали, чтобы ты в экстренной ситуации смогла то, о чем раньше не подозревала, – он отпустил ее руки и вернулся в прежнюю позу. – Андрея медикаментозным методом ввели в состояние искусственной комы. Ты его вывела из этого состояния. Те же действия, только с обратным эффектом ты произвела в день нашей первой встрече, обезвредив человека с оружием. Именно тогда ты раскрылась и мне стали понятны твои помыслы. Ты была сама на грани, по тому, что делала все не так, как нужно, действуя интуитивно, а не руководствуясь Знанием.

Ника кивнула, вспоминая свое состояние.

– Я понимаю то, о чем Вы говорите мне. Вероятно, все так и есть... Но... Мне это все не нужно. Я ездила к цыганам для того, чтобы найти ту женщину... Которая меня прокляла. Я хотела упасть ей в ноги и вымолить себе прощение. Но я ее не нашла. Старый цыганский Барон меня прогнал. Сказал, что ее нет и не было...

– Верно, – эхом отозвался Дэйнзин, – не было ее. Вернее, цыганка была. Заезжая. Но она тебя не проклинала. Все случилось намного раньше...

– Как это? – не поверила ушам Ника.

– Пасан, подай чай нашей гостье, – сказал Дэйнзин, обращаясь к стоявшему неподвижно все это время, словно манекен мальчику.

Только сейчас Ника ощутила то, что губы ее пересохли и она очень хочет пить. Они молчали, глядя на то, как мальчик

заварил небольшой глиняный чайник и церемонно преподнес Нике маленькую пиалу. Чай имел какой-то особенный аромат, и Ника остро почувствовала необыкновенный пряный вкус, благодаря пиалке из обожженной глины. Чай был довольно горячим и приходилось делать маленькие глотки. Удивительно быстро Ника утолила жажду.

– Ты многого о себе не знаешь, дитя. Прости меня, за такое обращение, но я очень стар... И для меня ты – совсем еще дитя. Вот, например, не задумывалась ли ты, как тебе удалось овладеть китайским языком за полгода?

– Я усердно училась... Имею высокую обучаемость...

– Так сказали твои учителя, – усмехнулся Дэйнзин, – они ошибались. Могу тебе сказать то, что удивит тебя больше всего, что ты сегодня слышала: истина в том, что ты вообще не знаешь китайского языка. Совсем.

– Но как же... Я же говорю по-китайски! – встрепенулась уязвленная Ника, – Хорошо говорю! У меня есть диплом пройденных курсов... Да я даже работаю переводчицей... Более того! Я хорошо читаю, свободно веду переписку с разными...

– Вдумайся! За полгода ты освоила не только речь, но и постигла тайны иероглифов, на изучение которых у самых усердных уходят многие годы. Все по порядку. Китайский язык – очень стар. Это древний язык. Он родился тогда, когда таких необычных людей, как ты, было много. В те времена некоторые люди могли вести беседу, находясь далеко друг

от друга. Сейчас современные люди тоже могут проделывать такие фокусы, но только с помощью технических устройств – телефонов и компьютеров. А в те далекие времена такая... аппаратура не была нужна. Люди вообще многое могли делать. Исцелять, не касаясь больного. Поражать своих врагов, находясь за тысячи миль от цели. Говорить друг с другом, не открывая рта. Перемещаться из одного места в другое, за много миль – за мгновение... Еще долго можно было бы перечислять такие замечательные способности тех древних людей... Конечно же, таких людей было меньшинство. Остальные же, не наделенные такой властью чувствовали себя обделенными. Их сердца чернели от зависти. И тех, особенно, начали уничтожать, чтобы все остальные люди были равны. В разных странах происходило это по-разному. Тебе наверняка известны самые яркие примеры геноцида: охота на ведьм, Сталинские репрессии и Гитлеровские эксперименты Аненербе, якобы просто изучавшие все сверхъестественное... С какой целью? Доподлинно не известно. Были и другие. В результате, власть имущим удалось искоренить почти всех. Остались, конечно, некоторые шаманы в разных уголках земли. Но все они могли использовать свои особенности только в том случае, если они неким образом активировали или стимулировали свой разум различными психотропными препаратами и химического, и растительного происхождения – грибами, травами и прочими отнюдь не безопасными методами. Но, однако, я отвлекся. В древние вре-

мена люди хотели говорить на одном языке. А потом... Было множество попыток: ты помнишь историю Вавилона? – Ника заворуженно кивнула, – Так вот, из одного языка произошло множество разных языков, которые можно сравнить с развитием дерева: из одного ствола которого произошли многочисленные сучья и ветви с их разнообразными формами, имеющими и свои особенности, и нечто общее. В какой-то момент и были созданы такие письмена, которые мог бы понять любой человек, обладающий такими, как у тебя способностями чувственного восприятия. Китайские символы – иероглифы, сейчас уже упрощенные, но изначально, каждый иероглиф представлял собой символы чувственного восприятия, понятные каждому человеку на базовом уровне его сознания. На том уровне, на котором не важно на каком языке ты говоришь просто по тому, что не нужны слова. Посмотрел на символ – и все понятно. Это – человек. А это – солнце. Таким образом, ты, имея способность понимать на базовом уровне смогла легко постичь такую сложную для остальных людей науку. И язык... Имея понимание на базовом же уровне и настроившись на эту волну, ты могла отвечать на том же языке, что человек, говоривший с тобой по-китайски. В общем и целом, с тем же успехом ты можешь говорить на любом языке мира.

Нависла тишина. Ника пыталась переварить услышанное. Ей хотелось спорить:

– Но не всегда же я говорила на китайском! Это же нача-

лось не с моего рождения!

– Все верно. Не с рождения. И я здесь именно для того, чтобы помочь тебе вспомнить как все началось. Чтобы помочь осознать тебе твою сущность. И чтобы ты могла сделать свой выбор, зная Истину...

У Ники кружилась голова. То ли в помещении было душно, то ли информации было слишком много...

– Как ты чувствуешь себя? – заботливо спросил Дэйнзин.

– Да что-то...

– Ты выпила чаю, который подал тебе Пасан. Не бойся. Этот чай поможет тебе вспомнить то, с чего ты сделала свой первый ход в этой непростой шахматной партии.

Мальчик помог Нике встать с пуфа и помог ей улечься на кушетку возле окна.

– Доверяй этому мальчику, как мне. Он поможет пройти тебе этот путь еще раз. И ты все вспомнишь.

Лицо мальчика было серьезным. По-детски еще припухлые веки раскосых глаз почти скрывали белок, оставляя узенькую щель. Мальчик взял ее за обе руки особым образом: правую руку он обхватил ладонью снизу, а левую – сверху. Лицо его приблизилось, и Ника заглянула в черноту его зрачков. И вот во всем мире остались только его глаза и темнота вокруг. А потом – только темнота. И его глаза.

Удивительного они были цвета. От настроения. Они были серыми и тусклыми, когда он был раздражен и сияли бирюзой в редкие моменты радости.

В их небольшой бухгалтерии Ника была самой молодой девушкой среди серьезных пожилых теток. Уже оправившись после развода, ее сердце ждало новой весны.

Он был хорош собой. Оказывал ей немалые знаки внимания, приходя всякий раз на помощь, как-только это было нужно, он, однако держал ее на расстоянии всякий раз, как-только она пыталась приблизиться к нему. А ведь он ей нравился. Очень! И наступил какой-то такой момент, что Ника сама не заметила, как заболела им. Она жила им, вспоминая сказанные им слова еще несколько дней после встречи. Радовалась, когда он приходил к ним в бухгалтерию и считала день, который прошел без него – попусту прожитым днем.

Ника была на хорошем счету, беззаветно отдавая всю себя работе. И ему. Правда, не так, как представлялось ей в мечтах. Она не боялась его разочаровать, хотя понимала в душе, что он хоть и был избалован женским вниманием и собственным достатком, имея весьма высокие требования, сам толком не знал, чего хочет.

И вот... В какой-то свежий летний день так получилось, что-то, о чем она в тайне мечтала сбылось. И страстные поцелуи... И его руки... И губы... Все как во сне... Так же реально... Так же сильно... Ее тело горело, и она была совершенно счастлива.

«... Ну да, совершу я допустим сейчас подвиг... А вот потом попробуй отдалайся... Обидится же... Уволится еще в истерике... Всем расскажет на работе завтра же... Ну

не трахать же ее теперь только из-за того, что она хорошо умеет сводить баланс... Вот всегда знал, что это плохая идея заводить интрижки на работе... А она тоже хороша... Посмотрела бы на себя в зеркало – не спортивная ни разу... растяжки на животе после родов... И грудь... В одежде все это выглядит куда привлекательнее... А снимки шелуху... И главное, не понимает, дура она – и где я... А потом что? Сплошные трагедии на ночь глядя... Не уснет же счастливая с мыслями, что был самый счастливый момент в ее жизни, а завтра будет новый день и новая жизнь. А этот маленький случай останется просто секретом и самым для нее приятным воспоминанием...»

Ника оторопело глядела в глаза того, кому была только что готова отдаться... Да что там – жизнь свою готова была бы отдать ему...

Она ушла. Накинув неловко платье и собрав в охапку слетевшее от страсти белье...

На следующий день она не пришла на работу, сказавшись больной. Она не ела и не пила весь следующий день. Потом сорвалась в парикмахерскую, и почти плачущий парикмахер срезал напрочь ее пышную гриву, оставляя короткий ежик «под мальчика». Она будто отрезала не волосы, а годы – все те годы, которые она жила неправильно. Она мыслила не теми рамками. Держала неверный курс. И верила не в то, что нужно.

Работать с ним в одной и той фирме она больше не могла.

Уволилась даже без отработки. Он отпустил ее, казалось с облегчением. И больше с тех пор она его не видела. Полгода в депрессии она сбросила половину бывшего веса, опять отращивала волосы, зализывала раны... Замкнулась в себе... И выучила китайский. А дальше как-то закрутилось...

Ника смотрела в потолок гостиничного номера. За окном смеркалось.

– Я все вспомнила, – потрескавшимися губами сказала она Дэйнзину.

Он кивнул и сделал жест мальчику. Он метнулся тенью и вернулся в тот же миг со стаканом воды. Ника пила и не могла остановиться. Стакан наполнялся мальчиком уже трижды. Наконец-то Ника пришла в себя. Она встала. Голова ее кружилась. На ватных ногах она вернулась к креслу, где все в той же позе восседал Дэйнзин.

Она тяжело опустилась на пуф, пытаясь унять тремор влажных холодных рук...

– Ты пережила сильнейший стресс. Горькое разочарование в том, чье имя с тех пор ты ни разу не упомянула. Ощущения твои были подобны ощущениям падающего в пропасть. И это подействовало на тебя таким образом, что ты стала слышать то, что ты всегда слышала, но отрицала, как факт невозможного.

– Да, я даже кота слышала. Он открыл дверь в шкаф, и мы попали сюда.

Дэйнзин покачал головой отрицательно:

– Воистину, кошки удивительные существа. Но они не говорят, как говорят люди. И не открывают двери в другие миры для людей. Хотя, возможно, и обладают такой способностью. Но это мало изучено даже на Тибете. Это сделала ты сама. Тебе нужно было уходить, и ты ушла, забрав тех, кто был тебе дорог.

– Значит, никакого цыганского проклятья не было?

– Не было, – утвердительно кивнул Дэйнзин.

– А что же... Что же мне теперь делать? За мной охотится непонятно кто – квартиру подожгли... Куда я теперь с мамой и дочкой?

Дэйнзин задумчиво смотрел на угасающий за окном день.

– У меня есть один небольшой дом, окруженный садом. Весной он очень красиво цветет. Сакуры.

– А дочка? Ей же нужно учиться...

– Твоя дочка унаследовала твои гены. Возможно, в ней тоже сокрыт такой же, как и у тебя дар. Ей будет обеспечено должное образование. И лучшая медицина для твоей уважаемой матери. Она проживет много счастливых лет. А тебе потребуется пройти обучение у тех, кто даст Знание. Я буду счастлив и сочту за честь обучать тебя сам. У тебя большое будущее.

– Вы... Вы меня так вербуете? И не боитесь самой Конторы?

– Дитя мое... Есть вещи намного важнее, чем политика и война. А твоя любовь... Ты еще с ним встретишься. Если

захочешь. Хотя... Возможно, поздно.

Но Ника покачала головой

– Знаете... Не бывает поздно. Бывает уже не нужно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.